

история / география / этнография

Фаина Османова
Дмитрий Стахов

И стории простых вещей

Истории простых вещей

Фаина Османова
Дмитрий Стахов

Ломоносовъ
Издательство

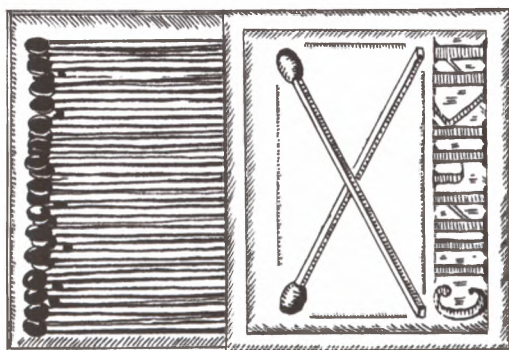

Фаина Османова
Дмитрий Стахов

И стории простых вещей

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2012

УДК 903.2
ББК 71.04
О-74

*Сам Велл
Vitavlas & Kali*

Иллюстрации И. Тибиловой

Предисловие

Все мы хоть раз в жизни едем из пункта «А» в пункт «Б». У нас всех в зависимости от того, как одеты те или иные люди, складываются об этих людях первые впечатления. Мы, с оттенком ностальгии, ощущаем то, что принято называть «дым отечества». Мы телесны и с большим вниманием относимся к запахам, интимным сторонам нашей жизни. Мы помним о прошлом, стараемся удержаться в настоящем и, каковы бы ни были наши взгляды, задумываемся о вечном. И всегда нашими спутниками служат вещи. А если приглядеться внимательней, то вещи в значительной степени определяют то, какие мы на самом деле, каковы наши симпатии, мысли, поступки.

От вещей нам никуда не деться. «Скажи мне, что у тебя есть, какие вещи хотел бы иметь, от каких можешь отказаться, — и я скажу, кто ты» — так можно перефразировать знаменитую формулу «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Причем речь тут идет не о предметах роскоши или вещах

эксклюзивных, а о простых, скажем — о повседневной посуде, головных уборах, обуви и средствах добывания огня. Когда-то даже бытовал такой термин, как «вещизм». Вещизмом страдали по большей части те, кто ставил во главу угла не высокоидейные принципы, а создающие уют вещички, призванные показать успешность и богатство. Или вспомним роман «Золотой теленок» Ильи Ильфа и Евгения Петрова, те знаменитые строки о двух мирах, большом и малом: «Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизель-мотор, написаны “Мертвые души”, построена Днепровская гидроэлектростанция и совершен перелет вокруг света. В маленьком мире изобретен кричащий пузырь “уйди-уйди”, написана песенка «Кирпичики» и построены брюки фасона “полпред”».

Авторы этой книги (именно — авторы, а не со-авторы!) далеки от того, чтобы вслед за знаменитыми сатириками поставить «большой» мир над «малым». Для нас оба мира представляют одинаковую ценность. По той простой причине, что вещи из большого и из малого миров на равных условиях принадлежат подлинной истории человечества, которая никак не состоит из одних великих открытий и переворачивающих мир изобретений, побед и сокрушительных поражений. Вспомним, что один из опросов, проведенных в Японии, показал, что для среднестатистического человека самым главным открытием XX века оказался не транзистор, не способ обогащения урана, а лапша, упакованная в пакет и после того, как ее залиют кипятком, готовая к употреблению.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что история человечества — это история всех вещей. В первую очередь — простых. Ее параллельное развитие с историей людей и стало темой этой книги. А одним из ведущих лейтмотивов — изменение отношения к тем или иным вещам, изменение тех смыслов, что скрывают вещи. Ведь многие из вещей, о которых говорится в книге, прежде были чем-то большим, чем просто вещи. Например — джинсы. Например — шубы, веера, ордена, заборы, автомобили и многое

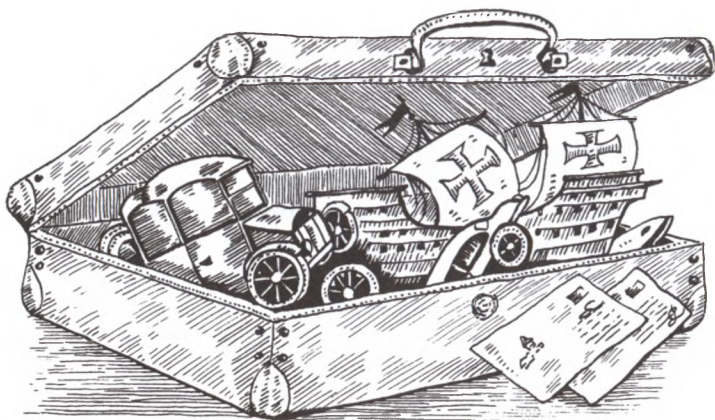

другое, вплоть до такой приземленной, для многих почему-то стыдной вещи, как туалет, он же — нужник или сортир.

Авторы двигались не от некой концепции, а от осязаемой реальности. Не от мыслей о Вещах, а от самих Вещей. Не претендуя на высокое искусство и исключительный угол зрения, мы тем не менее, следуя посылке Иосифа Бродского «тем искусство и берет, что только уточняет, а не врет», старались, уточняя, не врать и, памятуя о том, что «заливает стеарин не мысли о вещах, но сами вещи», писали о вещах, во-первых, близких нам, во-вторых — через которые можно увидеть и нечто большее, чем просто залитый стеарином подсвечник.

Конечно, надо признать, что выбор тех или иных Вещей для описания их историй был очень субъективен. Что ж! Остается только надеяться, что читатель заразится нашим чувством субъективности, воспримет его без отторжения и прочитает книгу с удовольствием. А еще авторы почти уверены, что читатель не запутается — кто из них писал какую главку? — особенно в тех случаях, когда автор указывает в повествовании свой пол. В том случае, когда у читателя возникнут сомнения, мы бы посоветовали выбрать самую первую версию: первые версии, первые догадки, по мудрому замечанию Шарля Мориса де Талейрана, всегда самые верные...

Из пункта «А» в пункт «Б»

Писем.net

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?

Александр Пушкин

Всемирная паутина в корне изменила эпистолярный жанр. Писем на бумаге, доставляемых традиционной почтой, почти не пишут. Пресловутая «цифра» изменила все. Язык, приемы и правила, прежде свойственные «аналоговому» письму, а главное — время, которое требуется письму, чтобы дойти от отправителя к адресату. Иногда счет идет на секунды. Сумасшедший показатель!

Но если приглядеться повнимательнее, «цифровое» письмо, как и «аналоговое», все так же соединяет в себе два величайших достижения человечества: письменность и способ доставки, то есть почту во всей ее временной перспективе — от скороходов до электронных писем. И развивались почта и письменность если не параллельно, то, как минимум, в тесной взаимосвязи.

Да, «цифровое» письмо — неотъемлемая часть Всемирной паутины. Быть может, кто-то и не согласится, но в истории человечества и до Интернета возникали системы пись-

менности, которые обладали и обладают по сию пору почти такой же объединяющей силой, как и Сеть. Это иероглифическое письмо, в первую очередь — китайское.

Правда, до появления первых иероглифов уже существовали системы предписменности. И не только в Междуречье, Египте и в других очагах человеческой цивилизации. Такой системой вполне могло быть квипу (от испанского «узел»), с помощью которой, завязывая узелки на хлопковых или шерстяных нитях разного цвета, инки могли не только вести бухгалтерский учет, но и посылать письма. Самые древние дошедшие до нас квипу датируются второй половиной первого тысячелетия нашей эры. Но исследователи считают, что в квипу заложен похожий на двоичную систему код и что квипу и есть подлинная письменность или, если угодно, знаковая система, предназначенная для формализации, фиксации и передачи тех или иных данных; расположение узелков на нитях разной длины и цвета позволяло «диким индейцам» передавать и абстрактные понятия. Скорее всего, инки были единственными, кто «писал» письма с помощью квипу, хотя узелковое письмо использовалось и в Древнем Китае для напоминания о важных делах, и в Древнем Израиле, Египте. Но для подлинных писем узелки оказались все же менее удобными, чем возникшая примерно в те же времена «седой древности» письменность пиктографическая.

Писать пиктограммами вроде бы просто. Это набор мнемонических символов, причем написаны они — точнее, нарисованы — должны быть так, чтобы адресат понял их однозначно. Скажем, солнце — круг с точкой посередине, вода — волнистая линия, река — две линии, море — три, и так далее. Главное — договориться, выработать общую систему. Но как отобразить личные имена, абстрактные понятия, цвета? Некоторые глаголы еще годятся для пиктограммы (например, древние египтяне хорошо справлялись с пиктограммой «плакать», изображая глаз со слезой), но и с ними непременно возникнут сложности. Классическим примером соединения речи письменной и устной является египетская пиктограмма «большой»: одинаковое звучание в древнеегипетском языке слов «большой» и «ласточка» позволило через рисунок ласточки отобразить понятие. Дальнейший путь упрощения

пиктограмм привел к тому, что письмо стало понятно всем — и писцам, и получателям-отправителям посланий, а пиктографическое письмо преобразовалось в иероглифическое.

Каждый иероглиф обозначает одно слово. Но сами по себе иероглифы подразделяются на обозначающие понятия («стол», «мясо», «бежать») идеограммы, на фонограммы, построенные по фонетическому принципу, и детерминативы — специальные знаки, помогающие понять значение какого-либо другого иероглифа. Причем детерминативы могут быть, скажем, простым знаком, указывающим на сословную принадлежность того или иного человека, или же отдельным иероглифом, как бы усиливающим значение иероглифа основного.

Все было бы прекрасно, да вот необходимость запоминать огромное количество иероглифов вызвало (и вызывает) серьезные трудности. Сейчас минимальным стандартом грамотности в Китае считается освоение от 1500 до 2000 иероглифов, трех тысяч хватит для чтения газет, а уж человек образованный должен знать около шести тысяч иероглифов. А наиболее полный на настоящее время китайский словарь насчитывает более 80 000 иероглифов!

Собственно, то, о чем мы хотели поговорить, то есть — о письмах, развивалось прекрасным образом уже тогда, когда человечество пользовалось пиктограммами. Пиктограммы использовались до конца XIX века, преимущественно — североамериканскими индейцами в период долгих войн с пришедшими на их земли колонистами, иероглифы, как легко догадаться, были в ходу в странах Дальнего Востока, причем китайское иероглифическое письмо оказало гигантское влияние на развитие, в том числе культурное, сопредельных стран, в которых по-китайски не говорили, но письмо китайское использовали. Так китайские иероглифы создали некий культурный конгломерат, включавший непосредственно Китай со всем многообразием его разных диалектных групп, Японию, Корею, Вьетнам. Сейчас во многих странах от иероглифов отказываются, но тем не менее письма, написанные иероглифами, могли и поныне могут читать люди, которые в непосредственном общении друг друга не понимают. Или понимают с трудом.

Вот она, Сеть, покрывающая однако не весь мир, а мир, условно говоря, «китайской культуры»!

Однако для привычной письменности ключевым стало появление слогового письма и того алфавита, которым в конечном итоге пользуемся мы с вами. Слоговое письмо позволяет резко сократить количество знаков, максимум до двухсот. Так до сих пор пишут друг другу письма в Эфиопии, так пишут приглашения прийти на чашечку чаю во многих странах Юго-Восточной Азии. Используя такое письмо, пишут письма сотни миллионов людей, а если учесть тех, кто использует и алфавитно-слоговое письмо, то счет уже пойдет на миллиарды. Одна Индия чего стоит!

Нам свойственно считать себя центром мира и тот способ письма, которым пользуемся мы, самым совершенным. Что ж, самомнение — характерная человеческая черта, но появившаяся позже всех других письменность на основе алфавита действительно оказалась почти революционной: каждому знаку соответствует один звук. Первоначально она была консонантной (таковой остается, например, на основе еврейского алфавита), то есть такой, когда обозначаются только согласные, а гласные или опускаются, или обозначаются специальными значками-огласовками.

Письменность на основе алфавита значительно «моложе», чем иероглифическая. Первый алфавит появился немногим больше трех тысяч лет тому назад, а первые письма с использованием иероглифов — пять. Существует мнение, что с исторической точки зрения алфавит, особенно после того, как в него греки добавили буквы для гласных звуков, а римляне довели его до современного совершенства, является наиболее прогрессивным способом письма. Удобным, практичным. Остается донести эту мысль до всех тех, кто продолжает пользоваться иероглифами и слоговым письмом. Хотя в современном мире уже намечаются и обратные тенденции. Появляются «иконки», значки, смайлики, позволяющие передать иногда и довольно сложные понятия. То есть вопрос «Окончилось ли развитие человеческой письменности?» остается открытым.

Письмо же как таковое, не важно — написанное иероглифами или алфавитными буквами — прошло долгий путь раз-

вития. От письма на глиняных табличках, укрытых в глиняный же «конверт», на листе папируса, на пергаменте, на бересте, как в Великом Новгороде, оно завершило свой аналоговый путь письмом на бумаге. И как только не доставляли письма! Скороходы, почтовые голуби, гонцы конные, для удобства которых строились станции с готовыми свежими лошадьми, почтовые корабли. Развитая почта Персии позволяла царю Киру II постоянно быть в курсе всего происходившего в его огромном царстве. Китайские императоры также строили почтовые станции, а скороходы считались очень ценными кадрами. А государственная почта Древнего Рима? При императоре Тиберии почтовые курьеры делали в день около двухсот миль! Вот только частным лицам пользоваться *cursus publicus* — государственной курьерской службой Древнего Рима — не разрешалось. Частные письма в Римской империи посылались с оказией, и, конечно, ни о каких двухстах милях в день речь идти не могла.

После падения Западной Римской империи почта, как и многое другое, пришла в упадок. Попытки возродить почту, предпринятые, например, Карлом Великим, результатов не принесли. Только французский король Людовик XI своим эдиктом учредил первую в средневековой Европе государственную почту, но если курьер брал с собой чье-то частное письмо, то вполне мог оказаться на эшафоте. Сын Людовика, Карл VIII, в 1487 году разрешил доставку частной корреспонденции. Примерно в это же время в России существовала почтовая система великокняжеских гонцов, о которой австрийский дипломат и барон Сигизмунд Герберштейн писал: «Государь имеет ездовых во всех частях своей державы, в разных местах и с надлежащим количеством лошадей, так чтобы, когда куда-нибудь посылается царский гонец, у него без промедления наготове была лошадь». И, несмотря на то что в России качество дорог было (и остается) значительно хуже, чем в Европе, доставка писем осуществлялась в сроки, как минимум соизмеримые с европейскими. Хрестоматийный пример с шотландцем, генералом Патриком Гордоном, посланным уже с русской службы по государственным делам в Лондон, свидетельствует: письмо от жены из Москвы Гордон получил

в Лондоне через сорок дней, а письмо от отца из Шотландии через тридцать.

Пережив за последние триста лет период развития, достигнув своего пика, к началу XXI века почтовое письмо стало уже диковинкой. Если это только не уведомление из службы по налогам и сборам, не сообщение об увеличении тарифов ЖКХ, не поздравление с праздником или юбилеем, отпечатанное типографским способом. Однако, повторим, электронное письмо тоже пишется и доставляется — суть-то не меняется. Хотя, конечно, утверждать, что переход на «цифру» не затронул сущностных глубин письма, было бы не совсем правильным.

Да, при желании — и при умении, естественно, — электронное письмо может если не быть таким же, как во времена развития эпистолярного жанра, то, во всяком случае, выглядеть как результат его закономерного развития. Появившиеся в недавнем прошлом интернет-дневники и странички в социальных сетях Twitter или Facebook на самом деле есть нечто иное, как письма. Эти в большинстве своем короткие послания, послания для всех и каждого, существуют в атмосфере потери приватного пространства, неотъемлемого элемента эпистолярного жанра. Ведь подлинное письмо, за исключением случаев, когда письма писались для «истории», а переписку хранили в надежде опубликовать ее в будущем, было явлением глубоко личным, закрытым от чужих глаз.

Тем более — письмо, написанное от руки. В нем, сохраняющем характерные особенности писавшего, воплощенные в его почерке, есть вовсе что-то глубоко архаическое. И — трогательное. Но огромное число людей уже забывают, как держать в руке карандаш или ручку. В XX веке на смену перу пришла клавиатура пишущей машинки. Изящество почерка постепенно стало уделом немногих.

Теперь во главе угла компьютерная клавиатура. Почтальон, тот самый «с цифрой пять на медной бляшке», уже не нужен. Почтальон оцифрован, он не стучится в нашу дверь, он приходит по оптико-волоконному кабелю.

Но с другой стороны, на чем и как написано письмо — далеко не самое главное. Утверждать, что пишущий письмо

с использованием всех современных технологических достижений пишет его лучше только потому, что делает его на айпаде, нелепо. Как нелепо утверждать, что пишущий письмо гусиным пером глубже и тоньше человека эпохи IT-технологий. Вот Аристотель наверняка не знал, как архивировать файлы и вообще что это такое, но вряд ли кто-то согласится потягаться с ним — если такое было бы возможно — в прохождении теста IQ. Так и в головах людей эпохи Интернета количественное накопление информации привело, иногда помимо их воли, к качественным изменениям. Быть может, мы уступим Аристотелю в IQ, но опередим во многом другом.

...Инструменты оказывают иногда скрытое, иногда и более явное воздействие на тех, кто ими пользуется. Например, язык Интернета, язык электронной почты, в особенности язык SMS-посланий изменяет нечто очень важное. Если не сбивает прежние настройки, то их особым образом перенастраивает. Сокращения, своеобразное арго, новые пиктограммы делают корреспонденцию почти нечитаемой для непосвященного, а само виртуальное общение, как минимум, внешне выглядит иногда предельно примитивным, не располагающим к пространным и глубоким рассуждениям. Предполагается, что оба участника (иногда значительно больше, если общение происходит через интернет-дневники или форумы) виртуального обмена письмами имеют доступы к принятым кодам и им нет никакой нужды в детализации своих мыслей и переживаний. Если корреспондент что-то не понимает, он, скорее всего, рано или поздно вычеркивается из адресной книги.

Сказать, что «чувства нежные» также стали архаикой, нельзя, но упрощенный язык современной электронной эпистолы практически не допускает их. При этом ненаписанное вполне может стать и несказанным, а то, что будет выражено «в реале», окажется так же плоско и примитивно, как и набранное в эсэмэске. Но тут главное, что человек постэпистолярной эпохи употребляет и, главное, знает меньше слов, чем человек времен переписки Пушкина с Анной Керн. Человек того времени чувствовал холодность эпистолярного жанра по сравнению с общением живым. Постэпистолярный продвинулся значительно дальше: лиш-

ние слова и описываемые ими оттенки чувств и состояний ему уже просто не нужны.

А еще вместе с культурой письма уходит и такой жанр, как эпистолярный роман. Правда, еще до его возникновения в конце XVII века культура обмена письмами породила эпистолярные манифесты, фельетоны, созданную в форме писем (иногда к совершенно вымышленным адресатам) публицистику, ставшую особенно популярной в Средние века. Строго говоря, все послания апостолов были одним из жанров эпистолярной литературы. Письма Ивана Грозного к Андрею Курбскому, письма протопопы Аввакума, письма Честерфила к сыну — все эти и многие другие, ныне классические литературные произведения выросли из обыкновенного письма. Дальше — больше. Тут и Свифт с его «Дневником для Стеллы», и «Персидские письма» Монтескье, «Юлия, или Новая Элоиза» Руссо, и творения Ричардсона «Памела» и «Кларисса», над которыми иронизировал Пушкин в «Евгении Онегине» и «Графе Нулине».

«Опасные связи» Шодерло де Лакло стали вершиной эпистолярного романа. Рискнем предположить, что все последующие опыты, как публицистическо-дидактические «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя, так и «Бедные люди» Достоевского, уже были не развитием жанра, а повторением прежних достижений. Заданный канон не позволял снизить планку, но пик был уже пройден. «Мартовские иды» Уайлдера и «Письма к незнакомке» Моруа, продолжая традиции эпистолярного романа, появились на свет уже тогда, когда эпоха писем подходила к концу. Век машин, становлению которого эпистолярный жанр поспособствовал, заканчивался. Наступал век систем. Цифровых.

Попытки возродить эпистолярный жанр воплотились в романе Януша Вишневского «Одиночество в Сети», в котором электронные письма склонного к слезливости героя и его возлюбленной составляют значительную часть объема. Вишневский взялся за крайне тяжелую задачу: вернуться с ноутбуками и оптико-волоконными сетями в век сентиментализма, для чего ему потребовалось «апгрейдить» наследие де Лакло и Руссо. Искусственность замысла неожиданно оказалась созвучной потребностям аудитории, и роман Вишневского

стал бестселлером. Значит, не все ушло в прошлое, значит и письмо, и письменность, и почта по-прежнему нужны не только для передачи прагматической информации, и, когда тебе давно не пишут, все так же становится серо на душе.

...Упомянутая «Кларисса» Ричардсона публиковалась частями, и современники заваливали писателя письмами, в которых умоляли вывести роман к хеппи-энду. Когда писалась последняя часть, самые преданные читательницы собрались в гостиной и ждали появления Ричардсона из кабинета. Ричардсон вышел из кабинета бледный, вытирая платком вспотевший лоб. «Она мертва», — только и промолвил он. Присутствовавшие в гостиной дамы поднялись с выражением неподдельной скорби.

...Как мертва прекрасная Кларисса, так и мертв прежний эпистолярный жанр. Жалеть не надо. Ведь все когда-то заканчивается. Или — что точнее — переходит в новое качество. И если когда-то солдат-первогодок сидел перед листом бумаги в клеточку, на котором было выведено всего лишь «Здра...» и в тяжелом раздумье грыз кончик шариковой ручки, то теперь его ровесник сидит перед плоским монитором и подыскивает слова для своего «имейла». Найдет?..

Чемоданное настроение

Что такое чемодан? Это ближайший, интимнейший друг человека — по крайней мере в дороге, — выбор которого требует, значит, немало ума, расчета, опытного и зоркого глаза, способности многое предвидеть, взвесить, а еще и того, конечно, чтобы, выбирая вещь практично, выбрать вместе с тем нечто такое, что не причинило бы ущерба и эстетическим вкусам, пренебрежение к которым может иной раз сделать самую практичную покупку ненавистной.

И. А. Бунин. История с чемоданом

Ныне травмы от чемоданов совсем не те, что прежде. Раньше наиболее уязвимыми частями тела становились бедра, колени, икры. Лишь в тех случаях, когда чемодан

роняли или когда у него отрывалась ручка, страдали ступни ног. Нынче же больше всего голеностопу. Причина проста: прежде чемодан несли в руках, теперь катят на колесиках. Прежде им, случалось, пробивали себе дорогу, как тараном, теперь им прокладывают путь, как катком или скрепером. Люди, часто ездящие, это подтвердят.

Наш человек, наш чемодан

С одной стороны, тут дело не в чемоданах, а в их невнимательных к окружающим владельцах. Ведь, как известно, стреляет не сам револьвер, а его обладатель. Но с другой стороны, чемоданы наших дней, чемоданы на колесиках, как бы провоцируют хозяев. Облегчая физическую нагрузку, увеличивая скорость передвижения, они как бы передают им еще одну степень свободы. К свободе вообще следует относиться с внимательностью, а к свободе вещей, точнее, чемоданной — с повышенной.

Да, многие чемодановладельцы оказались к такой свободе не готовы. Их чемоданная память (у кого генетическая, у кого собственная) слишком тяжела. В ней отпечатаны чемоданы разных модификаций, объемов и веса. От маленького фибрового (по-латыни *fibra* — волокно), с которым давным-давно дед ходил в баню, от фибрового же, оклеенного гэдээровскими переводными девушками, с которым вернулся после службы в армии сосед по коммунальной квартире, до огромного кожаного красавца с металлическими накладками, который сорвался с верхней полки в поезде дальнего следования. До чемоданов в парусиновых — на больших металлических пуговицах — чехлах, скрывавших царапины и наклейки, свидетельства дальних странствий...

«Наш» чемодан был еще славен и своим, с позволения сказать, типическим содержимым — как у Максимилиана Андреевича Поплавского. Да, того самого «дяди покойного Берлиоза». Не откажем себе в удовольствии от длинной цитаты: «Затем Азазелло одной рукой поднял чемодан, другой распахнул дверь и, взяв под руку дядю Берлиоза, вывел его на площадку лестницы. Поплавский прислонился к стене. Без всякого ключа Азазелло открыл чемодан, вынул из

него громадную жареную курицу без одной ноги, завернутую в промаслившуюся газету, и положил ее на площадке. Затем вытащил две пары белья, бритвенный ремень, какую-то книжку и футляр и все это спихнул ногой в пролет лестницы, кроме курицы. Туда же полетел и опустевший чемодан. Слышно было, как он грохнулся вниз и, судя по всему, от него отлетела крышка».

А чемоданчики, стоявшие в прихожей у многих, очень многих граждан Страны Советов, в которых загодя было приготовлено все то, что могло пригодиться на первое время после ареста? Некоторые не убрали эти чемоданчики и после того, как «воронки» перестали быть неотъемлемым атрибутом советских темных ночей...

Шабадан — сандык

Казалось бы, и само слово «чемодан» подчеркнуто европейское. На самом же деле «чемодан», он же «шабадан», — слово тюркское, причем заимствованное из персидского языка, в котором оно звучит как «замедан».

Шабаданом называли кожаную или войлочную плоскую сумку с ручками. Казахские войлочные шабаданы, незаметные при кочевом образе жизни, были легкими, мягкими, хорошо растягивались, вмещали большое количество вещей. Плотнo прилегающие друг к другу, цепляющиеся друг за друга шабаданы не выпадали из повозки. Их обычно клали на заранее наполненные сандыки, иначе — сундуки. Вот сандык делали из дерева, он был жестким, несминаемым. Потом часть чемоданов тоже стали делать из плотных материалов, вплоть до металла, сундуки же начали увеличиваться в размерах, пока не приобрели окончательную основательность и неподъемность.

По-русски чемоданом долгое время называли кожаные чехлы для оружия, и только к XVI веку слово «чемодан» получило свое привычное значение. Кстати, в самом начале XVI века жил даже человек с именем Чемодан — Чемодан Григорьев Воропанов, потомок выехавшего из Литвы к великому князю Василию Темному «мужа честна, именем Воропана», чей старший сын Иван Большой Воропан и стал родо-

начальником всех Чемодановых. Скорее всего, Чемоданом человека называли не потому, что у него было много добра, а потому, что у него было дорогое оружие, тщательно оберегаемое и сохраняемое в специальных чехлах. Воинственными людьми были эти первые Чемодановы!

Аристократический туризм

Чемодан в современном понимании этого слова появился значительно позднее, в середине — конце XVIII века. Именно тогда в Европе начала формироваться культура путешествий в их нынешнем, туристическом смысле слова. Вместо постоянных дворов возникли первые отели, постепенно отпала необходимость брать с собой много вещей, и тяжелые, окованные железом сундуки с огромными замками сменились на элегантные кожаные чемоданы. Сам аристократ — а туризм изначально был аристократическим времяпрепровождением — путешествовал с маленьким ларчиком, где держал самое ценное, а чемоданы находились в ведении слуг. Вот только мягкость и изящество тогдашних чемоданов приводили к одному печальному результату: вещи путешественников по прибытии в пункт назначения нуждались в основательной глажке. Кроме того, разнокалиберные чемоданы приходилось тщательным образом увязывать друг с другом, дабы не растерять часть добра в дороге.

Модный багаж

Неудобства были преодолены после появления ныне всемирно известной фирмы Луи Вюиттона. Родившийся в 1821 году в Швейцарии, Вюиттон в возрасте 14 лет приехал в Париж и поступил подмастерьем в мастерскую, где изготавливали дорожные сундуки и шляпные коробки. Юный швейцарец оказался хорошим учеником, а потом и самостоятельным мастером, что было подтверждено в 1853 году должностью «личного упаковщика Ее Величества Императрицы Евгении», супруги императора Наполеона III. Когда же Вюиттон открыл собственную мастерскую на улице Капуцинов, то в скором времени он выпустил в свет первый в мире лег-

кий жесткий чемодан со встроенной вешалкой. Так в чемоданном деле произошла настоящая революция: вещи в таком чемодане не мялись. Следующим шагом Вюиттона стало предложение делать чемоданы не с выпуклой крышкой, а с плоской, что позволило чемоданы ставить один на другой. Чемоданы теперь держались друг на друге благодаря собственному весу, и увязывать их между собой приходилось далеко не всегда. Строго говоря, Вюиттон начал выпускать не чемоданы в чистом виде, а нечто среднее между чемоданом прошлого, то есть чем-то мягким и деформируемым, и сундуком. Неизменными в его чемоданах были и остаются корпуса из специально обработанного тополя, покрытие из плотного полотна «Монограм» и надежный замок.

Потом к чемоданному бизнесу присоединились бельгийцы, создавшие мировой бренд «Самсонит», получивший свое имя в честь библейского персонажа Самсона, отличавшегося силой и выносливостью. Недаром торговой маркой «Самсонита» стала фотография основателя компании Джесси Швейдера, человека корпулентного, который вместе с отцом и тремя более чем упитанными братьями стоял на крышке чемодана. Реклама гласила, что крышка вполне выдержит 500 килограммов. А потом, уже в шестидесятых годах прошлого века, французская компания «Делси» открыла эру чемоданных инноваций. В дело пошли высокотехнологичные материалы, восстанавливающие форму после деформации, колесики — целых четыре, фурнитура из запатентованных сплавов, молнии, рассчитанные на 15–20 тысяч застегиваний-расстегиваний, и тому подобное.

Вещи из другого мира

В России чемоданное производство, к сожалению, всегда отставало. Наш чемодан годился разве что для походов в ту же баню. Когда появилась продукция из стран народной демократии, положение несколько улучшилось, но и теперь среднестатистический россиянин отправляется в путь, конечно, не с чемоданом от Вюиттона. Он катит за собой по преимуществу китайский чемодан, не очень надежный и безликий,

который можно ухватить на выдаче багажа в аэропорту и уже дома обнаружить, что чемодан — чужой.

Хотя индивидуальность и в чемоданах может выйти боком. Автору этих строк рассказывали, что в составах, увозящих людей в эвакуацию, сразу было видно тех, кто эвакуировался из западных, только в 1939 году присоединенных территорий. В первую очередь — по чемоданам. Это были вещи из другого мира, из другой вселенной. Голодные «западники» выменивали свои чемоданы на хлеб и сахар. Одно семейство, совершившее подобный обмен, получило немецкий чемодан с деревянными накладками, ребрами по углам и наклейками дорогих отелей, а потом имело долгое объяснение с сотрудником НКВД: мол, где взяли, откуда едете? Отпустили их с неохотой. Самое удивительное, что чемодан этот прошел вместе со своим новым владельцем огонь, воду и медные трубы, а ныне спокойно лежит под топчаном на даче: порвалась казавшаяся вечной ручка из прочнейшей свиной кожи.

...Самый дорогой современный чемодан в мире создан фирмой «Хэнк». Он стоит, согласно информации журнала «Форбс», \$20 тыс. На разработку этого чемодана было потрачено более \$10 млн. Это чудо состоит из 500 деталей, выполненных из разного рода экзотических материалов: конского волоса, черного дерева, магния, алюминия, титана, углеродистого волокна, парусины и нескольких сортов кож. Особенности конструкции позволяют перемещать чемодан легко, буквально чуть дотронувшись до него рукой.

Чудо чемоданной техники изобрели британцы — самодвигающийся чемодан PA (power assisted, или «усиливающий силу»), с колесами и выдвижной ручкой. Антигравитационная ручка Anti-Gravity выдвигается не только вверх, но и вперед под таким углом, что, даже если владелец просто тащит чемодан за собой, 85 процентов веса багажа приходится на колеса. Главное достоинство чемодана PA — встроенные в колеса электромоторы. Для их включения достаточно наклонить чемодан и потянуть за ручку. Срабатывают сенсоры наклона и давления, и багаж едет туда, куда наклонена ручка. В чемодане PA можно перемещать до 36 килограммов груза со скоростью до 5 километров в час, а аккумуля-

муляторы чемодана запитываются от обычной розетки (за 2,5 часа) через зарядник, как у сотового телефона.

...Великий ученый Дмитрий Иванович Менделеев имел редкое, как теперь принято говорить, хобби — он делал чемоданы. Однажды, когда Менделеев пришел в магазин купить необходимые материалы, один из покупателей, увидев бородатого Менделеева, спросил у хозяина магазина: «Кто это такой?» — «Это человек очень известный. Его все знают, — ответил хозяин. — Прекрасный чемоданных дел мастер господин Менделеев».

С якоря сниматься!

— А что, Христофор Бонифатьевич, не прибавить ли нам парусов?

Это было дельное предложение. Я согласился. «Беда» и до того шла неплохо, а тут полетела стрелой. Вот таким образом и началось наше дальнейшее плавание.

А. С. Некрасов. Приключения капитана Врунгеля

Несомненно, что самым главным, самым знаменитым отечественным яхтсменом современности является Роман Абрамович. Нет, Роман Аркадьевич вроде бы не ходил под парусом через «ревушие сороковые». Да он, скорее всего, и не работал со шкотами на какой-нибудь очередной гонке на приз Пироговского водохранилища. Зато его построенная на германской верфи яхта «Эклипс» стала крупнейшим (длина более 160 метров) частным судном в мире. На этом чуде судостроительной мысли имеются две вертолетные площадки, бассейн, собственная подводная лодка, для обеспечения безопасности яхта оснащена сенсорами движения и системой обнаружения ракет, а примерная стоимость яхты около \$300 млн. Яхтенный флот губернатора Чукотки и так не мал. В 2001 году он потратил около \$100 млн. на яхту «Ле Гран Блу» длиной 107 метров (шестое место в мире по величине), а несколько позже \$74 млн. на 115-метровую яхту «Пелорус» (пятое место в мире по вели-

чине) и точно неизвестную сумму за одну из самых быстрых и маневренных яхт в мире «Экстеси» длиной 86 метров. Помимо четырех, соединенных вместе дизельных двигателей «Экстеси» оснащена еще и газовой турбиной мощностью 330 лошадиных сил, что позволяет достигать скорости свыше 40 узлов, то есть более 72 километров в час, это значительно выше скорости самых быстроходных военных судов, за исключением катеров, предназначенных для доставки спецназа к месту предполагаемой высадки.

У любого вменяемого человека возникнет сразу несколько вопросов. Первым наверняка будет вопрос жлобский, а именно: зачем это все Абрамовичу? Искать ответ на такой вопрос глупо: Абрамович покупает то, что ему нравится, и тратит на свои покупки собственные деньги. Откуда они у него, как он стал одним из самых богатых людей мира — вопрос уже совсем из другой области, к теме яхт прямого отношения не имеющий.

Ответ же на вроде бы вполне закономерный вопрос: а разве эти монстры — яхты? — будет следующим: яхтой называется любое парусное, парусно-моторное или только моторное судно, предназначенное для отдыха. Иными словами, если некто захочет купить списанный атомный авианосец и приспособить его к путешествиям по каналу Москва — Волга или к круизам вокруг острова Борнео, то авианосец станет яхтой, а владелец — яхтсменом.

Но для нас важен ответ на другой вопрос. Даже не ответ, а сама постановка вопроса: куда же подевались те волшебные парусные яхты, придававшие водной глади непередаваемую романтичность, а людям, находившимся на них и ими управлявшими, — ощущение счастья?

Парусные яхты никуда не подевались. Они, если так можно выразиться, потеснились, чтобы дать место дорогим, в подавляющем большинстве зарубежной постройки моторным судам, предоставляющим их владельцам не только значительно больше комфорта, но и несравнимо меньше мороки, которая изначально сопутствует работе с парусами. Моторные яхты независимы от капризов погоды, на них нет необходимости идти в лавировку против ветра, что выматывает и команду, и пассажиров. И главное, управле-

ние моторными яхтами хоть и не простое, все же не требует того большого опыта и знаний, как управление яхтами парусными. А при найме на средних размеров моторную яхту шкипера, моториста, а также парочки стюардов вообще снимает с владельца необходимость обладать профессиональными знаниями и умениями. И уж тем более документами, подтверждающими квалификацию. Сейчас, чтобы быть яхтсменом, не нужно даже знать разницы между курсом бейдевинд и курсом бакштаг, равно как нет нужды разбираться, чем грот отличается от стакселя, а вместе они от спинакера. Более того, диплом яхтенного капитана, для получения которого во время оно надо было иметь как минимум диплом яхтенного рулевого первого класса, свидетельства об участии в гонках и рекомендации, ныне получают после трех дней занятий. Конечно, все это напоминает получение за наличные прав на управление автомобилем. А раньше яхтенный капитан сдавал девять экзаменов. Яхтенный рулевой — шесть, причем первым был практический, на морские узлы, и заваливший его к последующим не допускался.

...Во времена же давно прошедшие один из тех, кто теперь наверняка уже давно прошел ускоренный курс подготовки капитанов и уверенно бороздит просторы Мирового океана на собственной яхте, купил на первые свои дивиденды подержанную яхту парусную. Не удовлетворенный ее состоянием, новый владелец нанял людей для ремонта, среди которых был и автор этих строк. Яхту подняли из воды, поставили на стапели, дали ей просохнуть, после чего ремонтники начали соскабливать старую краску и грунтовку, менять части обшивки яхты, чтобы потом положить новые грунтовку и краску на предварительно проолифенную поверхность. Мы работали довольно быстро, но приехавший владелец остался недоволен. Банковский — в то время — служащий, зарабатывающий (начало 90-х) в день столько, сколько прежде он зарабатывал годами, был исполнен авторитетности и гонора. Больше всего ему не понравилась как раз технология покрытия обшивки яхты олифой. «Разве так делают? — возмутился он, скидывая красный пиджак и закатывая рукава шелковой черной рубашки. — Олифу надо класть на предварительно прогретую паяльной лампой

поверхность! Давай я покажу!» Получив в руки кисть, банкир зажег паяльную лампу и начал «показывать». Он проводил пламенем лампы по обшивке, потом, по «прогретому» участку, кистью с олифой. В какой-то момент синхронность его движений нарушилась. То ли он вспомнил о предстоящей выгодной сделке, то ли о грозившихся приехать за данью представителях «крыши»... Одним словом, кисть вспыхнула, и он стряхнул огонь в сторону. И попал «немножечко в меня». Потом рассказывали, что это было феерическое зрелище: вид прыгающего в воду, полыхающего (вся спецовка была просто-таки пропитана горючими составами), как факел, человека способен размягчить даже каменное сердце. Когда я вынырнул на поверхность, то увидел подающего мне руку одного яхтенного капитана, пришедшего от нечего делать посмотреть, как идет ремонт. «Ты из чьей команды? — поинтересовался капитан. — У меня есть вакансия матросика. Пойдешь со мной на Онегу?» — «П-п-пойду...»

...Тот, предложивший пойти на Онегу яхтенный капитан давно живет на Таити (без шуток!), где нанялся в качестве шкипера на большую парусную яхту и катает богатых, вернее, очень богатых туристов от одного кораллового атолла к другому. Банковский служащий (кто он теперь и где живет — не известно) был замечен на последнем московском Boat&Yacht Show, проще говоря — на ежегодной московской лодочно-яхтенной выставке, где обычно собираются люди со средствами. Он не шел на контакт. Зато сильно изменился, похудел, приобрел почти что платиновую седину, темно-красный загар и приценивался к океанского класса моторной яхте проекта «Зодиак». Стоимость сравнима со стоимостью трехкомнатной квартиры на Кутузовском проспекте. Ну разве что квартиры хватит еще на зарплату команде и пару ящиков хорошего виски...

Кстати, в мире уже немало людей, продавших недвижимость и поселившихся на морских моторных яхтах. Один такой австралиец был встречен на Мальте, куда он пришел вдвоем (!) с женой. Путешествие оказалось сложным. Австралиец непрерывно прикладывался к стаканчику с джином, куда один за другим выдавливал маленькие лаймы и соответственно подливал джин. Его рассказ о путешествии

был покруче как всего читанного прежде, так и небогатого, по сравнению с опытом австралийца, личного опыта. Одна история о погоне за его яхтой сомалийских пиратов (пиратов в конце концов пулеметными очередями отогнал германский эсминец) стоила дорогого.

Австралиец пригласил на борт, показал пулевое отверстие в рубке. «Вот! — он сунул в отверстие толстый веснушчатый палец. — Пираты в нас стреляли!» — «Ты уверен? — подала голос готовившая салат супруга австралийца. — Мне кажется, это от немецкой пули!» Австралиец подмигнул: главное, дошли, все позади!

Но как бы ни был силен напор моторных яхт, как бы ни был привлекателен и престижен (а временами опасен) отдых под шум мощных двигателей, что-то необъяснимое и глубоко романтическое по-прежнему тянет оказаться под сенью только что поймавшего ветер паруса. Вроде бы ничего особенного, но сочетание звука разрезаемой форштевнем волны и легкого гудения парусной оснастки порождает почти мистическое ощущение, которое не возникает даже на борту самой дорогой и пафосной моторной яхты. Впрочем, не известно, какие ощущения возникают на борту яхты «Экстеси». Правда, если отбросить беспочвенные мечтания, то придется признать: каковы они — узнать не суждено. Ведь на таких яхтах ходят самые главные яхтсмены.

...Стоимость яхт не зависит напрямую от размеров и сильно разнится. Например, на яхтенном салоне в Москве маленький швертбот отечественного производства продавался за €17 тыс. А килевая яхта польской постройки (ей около 20 лет) с полной оснасткой, подвесным движком, каютами, рассчитанная на шестерых, стоит \$12 тыс. вместе со стоянкой, и возможен торг. С другой стороны, гигантский парусный французский катамаран «Нахэма», на котором можно ходить по океану, оснащенный по последнему слову техники, стоит €600 тыс., а здоровенный катер ростовской (довольно топорной) постройки — \$3 миллиона. Другое дело, что катер может перезимовать в каком-нибудь затоне за сущие копейки, а великолепие катамарана требует стоянки где-нибудь на Корсике. Выбор, как говорится, за потребителем...

Любители велосипедов

Велосипеды стояли у стены, укрытые от дождя свесом крыши. Задними колесами они касались ручки поломанной скамьи. Мужской велосипед прислонился к стене, женский с неловкой интимностью прильнул к нему. Передние колеса были развернуты под углом, педали неуклюже задрались. Велосипеды были черные и новые, на рамах стояло имя изготовителя, выведенное безупречными золотыми буквами в готическом стиле. Корзины на передних багажниках были из настоящей ивы. Широкие седла с хорошими пружинами издавали тонкий неприятный запах высококачественной кожи. Концы рулей были украшены желтовато-белыми резиновыми наколочниками, с хромированного металла свисали черные капли дождя...

Иэн Макьюэн. Дитя во времени

Лучшего транспортного средства, чем велосипед, в мегаполисе не сыскать. Это удобно, комфортно и экономно. Никакого бензина, стояния в пробках и нервотрепки. Крутишь себе педали, наслаждаешься жизнью. Вот только ездить на велосипеде в большом городе страшно. Лихие, экипированные по последнему слову велосипедисты, катящиеся по Садовому кольцу, — исключения, которые лишь подтверждают правило: Москва — город для автомобилей. Если тебя не собьют, то в легких оседет столько СО, что впору устраивать принудительную вентиляцию. Конечно, можно кататься в парке, но парков крайне мало. Да и до них надо как-то доехать. Есть российские города со значительно менее интенсивным автомобильным движением, но туда еще не пришла мода на велосипеды. Замкнутый круг?..

...В детстве велосипед был пределом мечтаний, а обладатель двухколесного чуда становился объектом всеобщей зависти. Но настоящий велосипедист не должен был замечать завистников. Как не замечал он и просьб дать прокатиться. Ну, разве что «два круга вокруг школы за одну эстон-

скую жвачку». Лично я в те времена обладала и велосипедом «Пермь», и «жвачкой» и посему могла дать прокатиться уже на основе только личных предпочтений. Никакого бизнеса, только личное!

«Пермь» была престижной маркой. Усовершенствованный дизайн. Мягкое седло. Выпускался, как и подавляющее большинство советских велосипедов, на уральских оборонных заводах как «товар народного потребления». Поэтому-то и все наиболее востребованные марки имели «уральские» имена: «Кама», «Урал». Существовал и «Орленок», но кататься на нем было совсем уж стыдно. С середины 70-х чрезвычайно популярными стали складные велосипеды: «Салют», «Аист» и все та же «Кама». Складные были самыми желанными, подлинной мечтой. У этих велосипедов было немаловажное достоинство — удобство в хранении (в малогабаритных квартирах) и транспортировке. Товар дефицитный. Доставался по блату. Когда его «выбрасывали», очередь выстраивалась с вечера. Правда, оборонные заводы по большей части сэкономили и делали велосипеды из низкокачественной тяжелой стали. Вот только «Пермь» была исключением — алюминиевая рама. Конечно, существовала велосипедная элита, катавшаяся на шоссейных полуспортивных велосипедах «Старт» или «Спорт». О, этот звук переключения передач! Музыка советских дорог...

Теперь же прежние, даже престижные отечественные марки велосипедов вытеснены импортом. По большей части китайским. На складных советских велосипедах по московским дворам в основном ездят дворники-гастарбайтеры. А на «Уралах» — исполненные собственного достоинства жэковские электрики и слесари-сантехники.

Хотя еще каких-то сто лет назад велосипед считался аристократическим средством передвижения. Наряду с занятием фотографией велосипедным прогулкам любил уделять время его императорское величество Николай II. Чуть позже велосипед стал более демократичным, доступным. Был взят на вооружение многими армиями мира. Во время Первой мировой на велосипеды посадили солдат. Например, в австрийской армии были так называемые велосипедные

подразделения, в Граце существовала первая военная школа велосипедной езды, где курсантов обучали не только быстро ездить, но и метко стрелять из револьвера и рубить саблей врага, не теряя равновесия. Во всяком случае, на велосипедах воевали почти 250 000 солдат австрийской армии. В качестве транспортного средства велосипед использовался и во Второй мировой, а после — в течение долгих лет типичной деталью французского пейзажа был полицейский в пелеринке, крутивший педали надежного служебного велосипеда. А уж почтальон на велосипеде, тот самый почтальон Печкин! Эх, недаром ВИА «Поющие гитары» пели на мотив известного западного шлягера такой незамысловатый текст:

Солнце на спицах, синева над головой,
Ветер нам в лица, обгоняем шар земной.
Ветры и версты, убегающие вдаль,
Сядешь и просто нажимаешь на педаль...

Теперь же велосипед не просто средство передвижения. Это стиль жизни. Велосипеды — на любой вкус. Велосипедная эстетика, как и все вокруг, изменилась. Велосипедный мир не перестает удивлять. Раньше была одна, одна-единственная скорость, теперь — двадцать одна. Амортизаторы. Резина со специальным протектором. Дорогие модели с дисковыми тормозами. В велосипедном мире появились свои «роллс-ройсы» и «кадиллаки», создаваемые в небольших мастерских, в ограниченном количестве, для избранных. И состоятельных. Настоящие произведения искусства, в которых используются новейшие технологии. Цена на некоторые модели достигает 15 000 евро. В Интернете предлагают эксклюзивные велосипеды за полтора миллиона. Но среднестатистический любитель ограничивается ценой в пределах 200–300.

Но что поразительно! Тот же велосипед «Пермь», стоивший 53 руб. 50 коп., в ценах сегодняшних сравним с наиболее популярными сейчас моделями за 4500–5000 рублей. Иными словами, амортизаторы амортизаторами, скорости скоростями, а цена на велосипед в соотношении со сред-

ней зарплатой в таком городе, как Москва, остается неизменной.

Как неизменна наша любовь к велосипедам. Любовь велосипедистов — к своему городу. Вот только город не платит им взаимностью. В России, в Москве в частности, очень проблематично передвигаться на велосипеде на большие расстояния. Нет специальных дорожек, но если они и появятся, то где гарантия, что по ним не будут ездить «лексусы»? А водители московских троллейбусов всегда норовят столкнуть велосипедиста с дороги. Да и пешеходы временами выплескивают на мирно катящихся велосипедистов свою накопившуюся агрессию.

В большинстве же европейских стран вопросы улучшения и расширения специальных велосипедных дорожек решаются на государственном уровне. Да и покупать велосипед в Европе вовсе не обязательно: широкая сеть пунктов проката удобна, доступна, взяв велосипед в прокат в центре города, сдать его можно в пригороде.

Другая немаловажная проблема в том, что в России нельзя оставить велосипед без присмотра. Нет парковочных мест, а если велосипед пристегнуть к дереву, стащат вместе с деревом. Впрочем, воруют не только у нас. Так, некоторое время назад итальянские карабинеры нашли тайный склад, где находилось около сотни велосипедов, украденных у знаменитых хозяев — актеров, журналистов, спортсменов. Все они лишились своих средств передвижения в Риме среди бела дня. Пяти угонщикам уже предъявлены обвинения. Со времени выхода на экраны фильма «Похитители велосипедов» Витторио Де Сики прошло 60 лет, а проблемы с похищением велосипедов так и остались. Вот только крадут у знаменитостей, а не у расклейщиков афиш...

Однако оставим грусть. Даже не будем ждать, когда подсохнут лужи. Скорей на велосипед! В дорогу! Единственное, что может пообещать автор-велосипедист, что если когда-нибудь она приобретет «лексус», то будет предельно внимательна к обладателям двухколесных средств передвижения. Впрочем, кто знает, что происходит в душе, когда ты вдруг оказываешься за рулем «лексуса»...

Папа купил автомобиль...

Памяти отца, водителя с 65-летним стажем

Автомобили, автомобили, буквально все заполнили.

Там, где вековая лежала пыль, свой след оставил автомобиль.

Песня из репертуара ВИА «Веселые ребята»

«Где-то за городом очень недорого папа купил автомобиль»... Слова популярной песни в исполнении Аллы Пугачевой долгое время служили своеобразным гимном отечественных автолюбителей. Тех, кого годами кормили обещаниями о скором выпуске общедоступного автомобиля. Не имея возможности купить машину даже при наличии средств, вынужденные ждать очереди или покупать нечто подержанное, советские граждане в большинстве своем никогда особенно не верили в то, что подлинный «народный автомобиль» будет создан и запущен в производство.

А ведь сама идея «народного автомобиля» была далеко не нова. И уже была реализована, в том числе — в СССР. Ведь если взять за первый «народный» знаменитый «форд-Т», за второй — «фиат-тополино» (выпускался с 1936 по 1955 год, с одной его разновидности был скопирован «горбатый» «запорожец»), то второй и третий появились соответственно в германском рейхе и в Советском Союзе. Четвертое место в мировом автомобилестроении! Оно и в его «народном» ответвлении дорогого стоит.

...Будучи великим знатоком практически во всех областях, от стихосложения до военного дела, товарищ Иосиф Сталин не умел рисовать. Даже так, как другой специалист по широкому профилю, Адольф Гитлер. А по наброскам этого неудавшегося художника были сформированы как минимум два направления, оставившие глубокий след в эстетической истории XX века. Сначала великий модельер Хьюго Босс, используя гитлеровские эскизы, создал униформу для

вермахта и войск СС, а потом Фердинанд Порше — «народный автомобиль». Впрочем, Сталин, ревностно относившийся к успехам фюрера, тем не менее ненамного отстал от Адольфа: сталинский «народный автомобиль» появился всего лишь на год позже гитлеровского...

История германского «народного автомобиля» началась осенью 1933 года в берлинском отеле «Кайзерхоф». Гитлер, в присутствии представителя концерна «Даймлер — Бенц» Якоба Верлина и автоконструктора Фердинанда Порше, набросал эскиз и высказал пожелание создать для немецкого народа прочный и надежный автомобиль, причем его стоимость не должна была превышать 1000 рейхсмарок. Одним из важнейших условий Гитлера было то, что для выпуска «народного автомобиля» следовало построить новый, олицетворяющий мощь тысячелетнего рейха, завод. Договор подписали в июне 1934-го, сроки были наикратчайшие — 10 месяцев на разработку прототипов. Работа, однако, затянулась, и прототипы были готовы только в сентябре 1936 года: двухдверный кабриолет (фюрер любил кабриолеты) и четырехдверный. Испытания не выявили недостатков, Порше продолжил работу, а контроль качества и вопросы дальнейшего продвижения были переданы в ведение СС. Прошло еще почти два года, и 26 мая 1938 года был заложен завод «Фольксваген». Присутствовавший на церемонии Гитлер назвал будущий «народный автомобиль» KdF (Kraft durch Freude, то есть — «Сила в радости») в честь подразделения нацистского Трудового фронта, занимавшегося досугом, отдыхом и развлечениями германских рабочих и вложившего значительные средства в строительство завода. Завод заработал уже в начале 1939 года, были выпущены две модели, но тут подошли военные заказы, началась Вторая мировая война, и проект германского «народного автомобиля» пришлось заморозить. К этой идее вернулись лишь в 1947 году, внесли изменения и дополнения в столь понравившийся Гитлеру KdF, и к концу 1948-го только экспорт «фольксваген-битл», иначе — знаменитого «жука», достиг 50 тысяч машин. Потом был побит рекорд «форда-Т», и «жук» стал самым продаваемым автомобилем мира. К этому времени «отца народов» успели не только мумифицировать, но и вытащить из Мавзолея...

В конце тридцатых Сталин прознал про германский «народный автомобиль» и вызвал к себе наркома среднего машиностроения Ивана Лихачева. До наркома довели мнение, что пора создать нечто подобное для советского человека, и Лихачев взялся за дело. Лихачев был, что говорится, из народа — Балтийский флот, ВЧК, профсоюз, потом — директорское кресло завода АМО. Одним словом — не Фердинанд Порше, к тому же число собственных наработок в отечественном автомобилестроении тогда и сейчас было примерно одинаковым. Поэтому созданная на заводе КИМ двухдверная четырехместная машина по своим параметрам, в том числе — по внешнему виду, сильно напоминала «форд перфект», дешевый американский автомобиль, ненадолго пришедший в начале 30-х на смену «народному» «форду-Т». Нарком Лихачев тем не менее смотрел далеко вперед. Когда весной 1940 года модель КИМ-10–50 была показана членам Политбюро во главе со Сталиным, нарком планировал выпускать в год по 50 тысяч автомобилей, что для СССР было просто огромной цифрой, особенно с учетом того, что индивидуальных автовладельцев практически не было. Вот только гордый своим детищем Лихачев еще не знал, что на КИМ-10–50 уже поставлен жирный крест.

Существует несколько версий отказа Сталина от первоначальных замыслов. По одной, «народный автомобиль» был отвергнут из-за того, что тестировавшие КИМ-10–50 летчики, Герои Советского Союза, крайне низко оценили качество автомобиля. По другой, якобы сам Сталин предложил конструкторам прокатиться вместе с ним, конструкторы сели на заднее сиденье, Сталин — рядом с водителем, они проехали несколько десятков метров, после чего Сталин попросил остановиться и сказал конструкторам: «До свиданья, товарищи!» Однако те остались сидеть, так как не смели попросить Сталина дать им возможность выйти, а когда водитель решил выпустить их через свою дверь, Сталин заставил того остаться на своем месте. Иными словами, по мысли Сталина советский человек должен был иметь настоящий комфорт, но переделать КИМ-10–50 в четырехдверный вариант не успели из-за начала войны. Скорее же всего, дело было в не двух дверях этой машины и не в невысоком качестве. Тут

причина была той же, что и в Германии, — военные заказы. Не до «народных автомобилей», хотя наркома Лихачева все-таки успели понизить до директора завода, а директора Кузнецова отправили в ГУЛАГ. Таким образом, отечественный «народный автомобиль» приказал долго жить до того времени, когда вместо копии «форда перфект» в производство была запущена копия «опеля кадет», что произошло, как и с немецким «народным автомобилем», лишь после Второй мировой.

...Благосостояние среднестатистического советского человека измерялось соответствием формуле «квартира — машина — дача». Для людей, в массе привыкших к коммуналкам, перегруженному общественному транспорту, к советским домам отдыха, эта формула значила многое. Но дело было не только и не столько в материальной стороне, а в том, что за этой формулой скрывалось свойственное всем людям без исключения стремление к самостоятельности и независимости. Пусть даже актуально и не осознаваемое. В частности, находящийся в личной собственности автомобиль давал ощущение хотя бы частичной свободы в абсолютно несвободной стране. Ради достижения этой свободы советский человек был готов покупать и подержанные автомобили и ждать долгое время, пока подойдет его очередь на покупку нового.

Подержанными автомобилями после 1945 года и до конца 50-х годов XX века считались автомобили трофейные. По самым скромным подсчетам, после войны в СССР таких было около 50 тысяч, а начавшие выпускаться «москвичи-400», «победы» и «ЗиМы» еще не успевали стать подержанными, причем широким массам были доступны в первую очередь «москвичи». «Победы» и тем более «ЗиМы» использовались в основном государством, да и цена их была довольно высокой: «победа» стоила в два раза дороже «москвича», продававшегося за 8 тысяч рублей, «ЗиМ» — в пять.

Среди трофейных попадались настоящие раритеты. Владелец «мерседеса» обязательно «по секрету» сообщал, что его машина попала к нему прямым из гаража рейхсканцелярии, а уж владелец «хорьха» непременно показывал на кожаном сиденье потертость, оставленную шинелью Геринга. Или — Риббентропа. То, что Риббентроп шинель, хоть

и имел звание обергруппенфюрера, носил крайне редко, значения не имело. Большинство трофейных машин закончило свой путь на переплавке, но часть продолжала бегать по дорогам СССР еще долгое время. Некоторые же были вывезшими их из побежденной Германии законсервированы и только после смерти победителя достались наследникам.

Так, один из давних знакомых автора этих строк, когда-то — скромный молодой врач-психиатр, после смерти деда вдруг стал обладателем именно «хорьха». Как сейчас помню эту машину, стоявшую в гараже на даче, на кирпичачах, со снятыми колесами. Мы приехали туда в раздолбанном горбатом «запорожце», открыли гараж, стянули с «хорьха» брезент. Двухцветный, темно-коричневый со сливочно-кофейным, двухдверный кабриолет, красная кожа салона, огромное красного дерева рулевое колесо, приемник фирмы «Телефункен». После расконсервации эта машина выехала из гаража настоящим произведением автомобильного искусства. Та же компания, что в первый раз приехала на «запорожце», погрузилась в «хорьх» и отправилась в тихую олимпийскую Москву. Нас останавливали на каждом посту. Последний раз — на Смоленской площади. Гаишник, стоявший там, и возрастом и видом никак не соответствовал лейтенантским погонам. Видимо, поэтому он более других проникся великолепием этой машины, позвал таких же, переодетых казачков, которые, повосторгавшись всласть, нас отпустили. Все советовали хозяину вернуть машину в дачный гараж, но он, как следует отметив первую удачную поездку, решил оставить «хорьха» на одну ночь возле дома. Утром «хорьх» стоял уже без колес, приемника, кожаных сидений.

...Первым автомобилем отца стал ленд-лизковский грузовик «студебекер» в 1944 году. Потом был также ленд-лизковский «виллис», на котором он гонял на Дальнем Востоке. Отец ушел в запас только в конце 50-х и сразу загорелся желанием купить машину. На новую, понятное дело, средств не хватало. Стоять же в очереди, ходить на переключки не хотел, хотя к этому времени уже появилась новая советская машина, «Волга М-21 Р», машина-мечта, та самая, которую Юрий Деточкин угонял у жуликов и взяточников. Очередь на «волгу» была такой, что записавшийся в 1959-м мог

рассчитывать — если он не использовал «левые» ходы — на получение машины лишь в 1965-м.

Желавшие купить подержанную машину до 1958 года отправлялись на Пушкинскую, к магазину «Запчасти». Однако позже толкучку оттуда убрали — все-таки центр города! — и она переехала на Спартаковскую площадь. Чего там только не предлагали! Спортивный «адлер» с двенадцатицилиндровым двигателем, мотоцикл «цундап» с закрасленным масляной краской орлом со свастикой в когтях на бензобаке, «ягуар» на белых, из натурального каучука шинах... Отец был близок к тому, чтобы купить «Ситроен 2CV», кстати — один из самых «народных» автомобилей всех времен, выпущившийся более сорока лет, с 1948 по 1990 год. Найти запчасти к «2CV» было совершенно нереально, и поэтому его продавали в двух экземплярах — на одном ездить, другой — на запчасти, однако тут его старинный приятель предложил купить списанное такси — «волгу» первого образца, с радиаторной решеткой со звездой. Совершенно убитая машина стоила 1000 новых рублей, а сколько было в нее еще вложено! И тем не менее через полгода сверкающее великолепие мягко катило по московским улицам. «Волга» прослужила более десяти лет, была продана знатным узбекским хлопкоробам, вместо нее появились «жигули» первой модели, потом — ушастый «запорожец» (на купленном в начале 70-х «запоре» до 2008 года ездил в школу сын фермера из Калужской губернии, факт, достойный книги рекордов Гиннеса), потом — «москвич 440», потом — вновь «жигули», пятая модель.

...Ныне выпускать нечто дешевое и более-менее качественное российские автозаводы не будут: не выгодно. Да и экономическая политика и государства и автопроизводителей такова, что «народный автомобиль» у нас вовсе не то же самое, что, например, в Европе. Ввозить такие машины, как индийский «нано», бессмысленно: на эту продукцию спроса в России нет и не будет. Как не будет его и на более совершенные машины. Тут дело в своеобразном российском менталитете. Слишком долго питавшиеся «объедками» мирового автопрома российские граждане скорее будут покупать что-то подержанное, но выпущенное солид-

ными фирмами, а при удачном стечении обстоятельств приобретут новую и дорогую модель. Автомобиль, конечно, не роскошь, но в России он вовсе не только средство передвижения. Это знак принадлежности. Быть же вместе с народом проще на словах, а когда садишься за руль, когда твой автомобиль — твой статус и положение в обществе, то само понятие «народ» отступает на второй план. Расшибись в лепешку, но купи «лексус». Или — тот же «фольксваген». Не важно, что цены на машину в полтора-два раза выше мировых.

Символично, что сама идея «народного» автомобиля, выпестованная в тоталитарных режимах, сейчас переживает второе рождение в виде новых моделей экологически чистых машин в странах демократических: «народными автомобилями» активно занимаются японские, немецкие и американские автоконцерны. Будущим покупателям обещают налоговые льготы, бонусы, скидку на заправку альтернативным топливом. Нам же остается подождать, пока — как обычно, в роли догоняющих — мы вновь не озаботимся идеей «народного автомобиля». Все предпосылки для этого есть, а людей, умеющих рисовать, у нас во власти нет по-прежнему. Что, скорее всего, даже хорошо...

Встретить по одежке

Дресс-код

Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях.

Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита

Висевший когда-то на входе в один московский клуб плакат сообщал, что посетители в спортивных костюмах в клуб не допускаются. Для обладателей этих костюмов, стремящихся культурно провести время после многотрудного рабочего дня, подобный запрет был странен: удобная, как минимум — в «махаловке», одежда была в те времена и дорога и престижна. Человек в «адидасовском» костюме отличался от человека в костюме и галстук еще и тем, что совершенно неуместная в клубе одежда тем не менее демонстрировала и финансовые возможности ее обладателя, и широту его взглядов, и своеобразно понимаемую демократичность и свободу. Долой опостылевшие пиджаки! Да здравствуют тренировочные куртки на молнии! Олимпийки, в конце концов!

Традиционная система дресс-кодов сопротивлялась, как могла. Люди в спортивных костюмах пытались сунуть деньги стоявшему на дверях крупному мужчине с мускулатурой, упрямо рвущейся наружу из-под белой, сереющей от пота рубашки. Вышибала был непреклонен и отступал в сторону, лишь когда появлялся соответствующий дресс-коду посетитель.

Форма и содержание

«Разве не бывает туалетов целомудренных и туалетов похотливых, разве не существуют туалеты элегические и туалеты бодрящие? От чего это зависит? От не подмеченного вашим взглядом точного соответствия костюма человека чертам и выражению его лица. Другое обстоятельство: соответствие костюма роду деятельности; здесь из стремления к пользе порой возникает Прекрасное, пример — величественные одеяния священников. Жест благословляющей руки был бы просто нелеп без широкого рукава», — писал Гюстав Флобер Луизе Коле в январе 1854 года. Великий писатель и здесь тонко чувствовал связь между одеждой и личностными особенностями облаченного в нее человека.

А справедливости ради следует признать, что спортивные костюмы были далеко не первой «формой одежды», пытавшейся расширить уже существующую брешь. Пожалуй, первыми были джинсы. Однако в СССР их демократизм изначально был подменен все той же престижностью.

Обладатель «фирменных», не самопальных «джинсов» сразу выделялся из общей толпы. «Висюльки» на карманах джинсов «Супер Райфл», красный флажок, вшитый в окантовку заднего кармана джинсов «Левис», открывали самые закрытые двери. Лишь закосневшие в консервативной традиции швейцары вставали стеной, но и они отступали в сторону, если джинсы составляли ансамбль с приталенным, чуть удлиненным пиджаком, пусть также из джинсовой ткани. Шутка ли, почти триста рублей за комплект! Да мальтийский костюм-тройка, обязательный атрибут ответственных столичных комсомольских работников, стоил дешевле.

Но тот же мальтийский костюм не только костюм сам по себе, а нечто большее. Это знак. Знак определенного дресс-кода, а формируемые традицией дресс-коды составляли и составляют одну из двух неравнозначных частей пространства знаков, с помощью которых практически каждый может как увидеть как своих, так и распознать чужих. Из этого вовсе не следует, что оказавшийся на званом вечере человек в легком джемпере обязательно принципиально чужд всем прочим гостям, пришедшим в строгих костюмах и галстуках. Однако подобная фрonda, такой, на грани при-

личий, вызов традиции прощается далеко не всем. Джемпер должен быть, так сказать, подкреплен неким внутренним содержанием. Иными словами, если в джемпере модный поэт или потенциальный кандидат на престижную премию по биоинженерии, человек, общение с которым для каждого опиджаченного лестно и желанно, — это одно, а если человек в джемпере никак не может внутренне подкрепить свой вызов, то даже его нарочитое нарушение дресс-кода будет считано лишь как неспособность соответствовать.

Униформенная страна

Другое дело, если дресс-код формализован в виде служебного мундира или любой другой униформы. Создан, так сказать, сверху — властью. Что неплохо можно иллюстрировать цитатой из знаменитого фильма «Кин-дза-дза»: «Когда у общества нет цветовой дифференциации штанов, то нет цели, а когда нет цели...»

И так уж сложилось, что Россия, пожалуй, самая униформенная страна. Даже введенные в обиход в царствование Екатерины Великой, в 1781 году, губернские мундиры, по мнению историков, не были первыми. Начиная с 1755 года инженеры горного ведомства уже носили свою собственную форму. В дальнейшем ведомственные мундиры, отличавшиеся от мундиров губернских чиновников обычно цветом, начали свое повсеместное распространение. Представители «творческой интеллигенции» конца XVIII века — в вишневом, горные инженеры — в красном с зеленым, темно-зеленые — дипломаты, темно-синие, шитые серебром, — служащие банков создавали ту, ныне почти отсутствующую, цветовую дифференциацию, которая, вполне вероятно, помогала обществу точнее определиться не только в том, кто есть кто, но и с тактическими и со стратегическими целями.

Униформа старого мира сменилась сначала кожанками, гимнастерками, ботинками с крагами и высокими, начищенными до зеркального блеска сапогами, чтобы начиная с 1943 года вернуться вместе с погонами для военных. Стремление «оформить» в прямом и переносном смысле слова всю страну привело к тому, что за довольно короткий пери-

од времени свою форму, свой дресс-код обрели служащие Министерства финансов и Госбанка, служб государственного контроля, заготовок, геологии и охраны недр, угольной промышленности, черной металлургии, цветной металлургии, химической промышленности, лесной и бумажной промышленности, электростанций, речного флота и Главного управления геодезии и картографии МВД. Если к ним прибавить уже имевших свои мундиры сотрудников МИДа, находившихся в полувоенном состоянии прокурорских работников, то получалась настоящая армия. Планировалось облачить в униформу даже всех сотрудников системы образования и студентов высших учебных заведений, благо школьники уже шеголяли в форме, крайне напоминавшей гимназическую. Что, заметим, неудивительно уже потому, что после метаний в 20-е годы принципы советской школы было решено приноровить к принципам гимназии.

Фантазии конструкторов этих бесчисленных мундиров на все не хватало, и зачастую использовались наработки прошлого. Так, сотрудники железнодорожной милиции были облачены практически в полную копию жандармского мундира царской России, вплоть до таких удивительных деталей, как специальная удавка на шее, свободный конец которой крепился к рукоятке служебного нагана, и короткая шашка-селедка, хлопающая при ходьбе по широкой, напускной над сапогом, синей, с красным узким лампасом штанине.

Униформа не ушла вместе с Советским Союзом. И сейчас прокуроры, налоговики, лесники, таможенники и многие другие получают специальные средства на форменную одежду. По большому счету — выгодно. И опять же всегда ясно, кто есть кто.

Система опознавания

Дресс-код, как закрепленный традицией, так и сформированный властными структурами, всегда был в первую очередь свойствен обществам жестко структурированным, иерархичным. Обществам, в которых стремление встать в строй корпоративно респондировало с желанием всех построить. Неприятие как этой иерархичности, так и навязываемых дресс-кодов вызы-

вало к жизни самые разные формы протеста. От хипповой расцвеченности, расхристанности и волосатости, временами предельно нарочитой, до позиции Эйнштейна, всегда носившего свитер, ботинки без шнурков и говорившего, что для тех, кто любит форму и ходить строем, головной мозг — непозволительная роскошь, таким достаточно спинного.

Прошедший XX век, век иногда смертельно опасных иллюзий, породил также иллюзию своеобразного братства нонконформистов. Их дресс-код оказался таким же иллюзорным, как и многие другие. Туда, где образуется область пониженного давления, устремляются модельеры и дизайнеры, создающие новые образцы прежде демократичных и нонконформистских одежд. Тем самым они включают те же джинсы в общий потребительский оборот, попутно поднимая цены и на самые обыкновенные «джинсы». Не только «дольчи и габаны», но и джинсы от условной «Даши Жуковой» отличаются даже не ценой и не дорогой отделкой, а теми смыслами, которые в них вложены. Способный отличить пафосные марки одну от другой, равно как и пафосные от обыкновенных, владеет секретом дресс-кода. Что отнюдь не предполагает, что он сам пройдет фильтрацию этим кодом, получит доступ. Знание ведь не предполагает обладания.

И получается, что дресс-код не только способ определения «свой — чужой». Глубокие смыслы заключаются и в том противостоянии, которое внимательный наблюдатель отметит между разными стилями одежды, так сказать, столкнувшимися между собой в одном времени и месте. Так, облик стилиста 50-х с зауженными брюками и широкоплечим пиджаком был прямой противоположностью устоявшемуся образцу с приталенным, кургузым пиджачком и широчеными, с огромной мотней штанами. Верх и низ менялись местами. Так и подмывает призвать на помощь Бахтина, да и Фрейда с его сначала последователем, а потом — противником, главой Парижской школы фрейдизма Жаком Лаканом!

Предположения, будто время дресс-кодов проходит, скорее всего, несостоятельны. Наоборот! Несмотря на якобы всеобщую демократизацию, размывание границ и условностей, дресс-код как система опознавания становится

все более значимым и важным. Мужские туфли с длинными носами а-ля Маленький Мук, вручную пошитые темно-красные полуботинки и высокие шнурованные ботинки на толстой подошве носят совершенно разные люди. Наметанный глаз определяет как раз детали, в которых, как известно, прячется дьявол. Можно накопить денег на костюм от Бриони, но полагающиеся к костюму аксессуары по стоимости во много раз превосходят стоимость костюма.

Взаимопроникновения между сообществами со своими дресс-кодами возможны, но сообщества хранят свою особенность, быть может, с еще большей трепетностью, чем джентльмены Викторианской эпохи. Исключения, как говорится, подтверждают правило. Правило же дресс-кода вечно, и его временные изменения ничего не приносят в сам принцип.

Ветреный язык

Мой веер изящен и легок,
 послушен ему ветерок.
 Ах, дамы! Пусть воздух немного
 обдует вам пудру со щек.
 Послушная штучка такая.
 Мой пленник! Гуляю я с ним.
 Пусть вам он лицо приласкает
 хоть чуть дуновеньем своим.
 Взмахну веерком понежнее
 а локон взовьется и — ох! —
 от вздоха ушко покраснеет,
 такой будет пламенный вздох.
 Винюсь, но шальная потеха
 взбодрит, может статься, и вас.
 Когда не взорветесь от смеха,
 так слезы польются из глаз.

Сюлли-Прюдом. Веер

Как определить социальный статус женщины? Некоторые считают самым верным показателем модель телефона. Это сегодня, а двести-триста лет назад главным социаль-

ным маркером был веер. Жермена де Сталь, современница Наполеона, утверждала, что по манере держать веер можно отличить «княгиню от графини, а маркизу от буржуазки». Есть у веера и совсем другие значения. Недаром повсюду — и в Европе, и на Востоке — его считали главным орудием женского кокетства. По легенде, им прекрасно владела уже наша прародительница Ева. Это веер, еще до яблока, помог ей соблазнить Адама. Средневековая куртуазная легенда гласит, что, когда Адам увидел только что сотворенную Еву, в руках у нее была ветка какого-то растения. Засмушавшись, кокетка стала обмахиваться и разглядывать райский сад, делая вид, будто до Адама ей дела нет. Судьба человечества была решена.

Много чести

Но прежде чем стать орудием флирта, вееру нужно было закрепиться в своей прямой функции — охлаждать в знойные летние дни или у жарко натопленных каминов. О существовании веера доподлинно известно с древнейших времен. Китайские поэты относили возникновение опахала к эпохе императора У-вана (XI в. до н.э.). Позже появились круглые бумажные веера на ручке, мода на которые в I в. н.э. перешла из Китая в Японию. В Древнем Египте опахало считалось атрибутом величия фараона, символом счастья и небесного покоя. Честь нести этот символ за фараоном обычно выпадала особам царской фамилии, имевшим специальный титул — «носитель веера с левой стороны». Подобные функции веер выполнял в Индии и Персии, где лишь махарадж и шахов оведали опахалами.

В Древней Греции, в Риме, на Крите популярны были восточные опахала из листьев и перьев, чаще всего павлиньих, на деревянной или костяной ручке. В Риме такое опахало называлось флабеллумом. Этими веерами молодые красивые рабы, флабеллиферы, обмахивали своих хозяек. У Овидия встречаются еще табеллы — маленькие веера, которыми пользовались римские шеголи. Вообще же самая полная энциклопедия античных вееров — это росписи ваз, сохранившие изображения вееров самых разных форм.

В Византии веер защищал высоких особ больше от мух, чем от жары. Опахало на ручке здесь называли рипидом. Использовали его во время торжественных богослужений — сначала просто отгоняли мух, и только потом веер приобрел ритуальное значение. Из Византии веер перешел к варварам и в средневековую Европу.

Из царских кладовых

Сведения о светских веерах встречаются в описях имущества с XIV века, а чуть позже изображения вееров появляются и на портретах. Начиная с позднего Возрождения дама с веером на полотне — это уже штамп. Впрочем, на «возрожденцах» ничего не заканчивается, достаточно вспомнить хотя бы классика барокко Диего Веласкеса с его «Портретом дамы с веером». Наиболее распространенная форма веера в XVI веке — четверть круга или прямоугольный флажок на древке. В это же время в Европу приходит складной веер в форме полукруга. И открывает совершенно новую блестящую эпоху.

На XVII век в Европе приходится расцвет складного веера. В московской Руси в это время еще используют опахало — круглой формы, с экраном из страусовых перьев, который крепится на ручке из дерева, кости, серебра или золота. Украшения — финифть и драгоценные камни. Такое опахало, если судить по описям царского имущества, было у царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I, — из черных страусовых перьев, на яшмовом с золотом черенке, украшенном изумрудами, рубинами и жемчугом.

Опахала по большей части привозили из Турции — в дар высшим лицам государства. Но и в Москве, как свидетельствуют документы того времени, мастера Оружейной палаты тоже умели делать опахала. А вот складные веера в России XVII века появляются лишь как иноземная диковинка. Редкие экземпляры, попадавшие к нам из Европы, хранились в царской казне. Так, в описи казны царя Михаила Федоровича за 1634 год встречаем «опахало харатейное, то есть пергаментное, сгибное, расписанное красками на дереве».

Модные веяния

Только в XVIII веке веер в России становится таким же элементом светской жизни, как и в Европе. А уже в начале XIX века и в Европе, и у нас приходит мода на совсем маленькие веера. Шеголихи носят костяные или роговые веера, без тканевого или бумажного экрана. Весь декор здесь сводится к ажурной резьбе, а лицевые пластины иногда украшаются золотом и драгоценными камнями.

В России в 1810–1820 годы появляются тульские веера со стальными «алмазами». С годами декор усложняется: под стать нарядам с цветами и бантами веера пушкинской эпохи часто украшаются гирляндами роз. Вообще модницы явно не скупятся — ручки их вееров куют из драгоценных металлов, а вдобавок инкрустируют бирюзой.

В эти же годы снова входят в моду китайские веера. Возвращается интерес и к египетской экзотике — дамы все чаще появляются в свете с опахалами из страусовых перьев (в ручке такого веера свой маленький секрет — встроенное зеркальце).

Следующая волна — увлечение готикой. Она тоже находит отражение в веерах. В России появляются уникальные чугунные веера в готическом стиле. На смену излюбленным античным сюжетам приходят средневековые — замки, рыцари, трубадуры...

Во Франции новый расцвет веерного искусства в середине XIX века связан с именем императрицы Евгении, супруги Наполеона III. Но и Россия не отстает благодаря императрице Александре Федоровне. Жена Николая I любила развлечения и балы и отличалась весьма утонченным вкусом. Веера для нее выписывали из Парижа — об этих покупках сохранились архивные документы.

В середине XIX века в моде веера в стиле двух Людовиков — XIV и XV. Вновь на веерах прописываются амур, цветы, сюжеты из античной мифологии и фантазии художников галантного века. В 1870–1880 годы в почете веер кружевной или пергаментный на костяном остоле. Ближе к концу XIX века в России и Европе ненадолго входят в моду веера из

перьев, привезенные из Южной Америки. В это же время возвращается интерес к китайским веерам, расписанным цветами и драконами. Даме полагалось иметь несколько парадных вееров — для светских приемов и балов. И несколько простых — на каждый день или для приемов попроще. Хотя независимо от ранга приема веер светской красавицы всегда должен был быть изящным и непременно гармонировать с туалетами. Заметим — и с чувствами:

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной —
И в руке твоей навеки
Неоткрытый веер мой.

Анна Ахматова. Стихи о Петербурге

Легкомысленный и народный

Начиная со второй половины XIX века экраны и остовы вееров делают из более дешевых материалов (нередко имитирующих дорогие). Чем дешевле — тем демократичнее: веер к концу XIX века уже не диковинка в руках купчихи, мещанки и даже зажиточной крестьянки. В росписях вееров тоже появляются сцены из народной жизни.

По-видимому, в последние годы XIX века веер прочно вошел в быт тех социальных слоев, у которых до сих пор не было культуры обращения с ним. Понадобилось издать даже специальные руководства, где наряду с прочими правилами хорошего тона объясняется и то, как пользоваться веером, точнее, его особым языком. Конечно, это уже не тот богатый символический язык, который жил в эпоху рококо, в XVII—XVIII веках, а лишь жалкое напоминание о нем. Сборники правил хорошего тона, изданные в начале XX века, часто содержат весьма противоречивые сведения о словаре веера. Например, в книге 1913 года «Самый полный и верный оракул» и в статье В. Верещагина 1910 года «Веер и грация» приводятся совершенно разные позиции веера для передачи одного и того же «месседжа».

В начале XX века для экрана веера уже используют тюль, вышивку, накладное шитье, блестки, роспись. На смену стилю модерн, который утвердился в веерном искусстве в конце XIX века, приходит эклектика. Ведущая роль по-прежнему за Францией, которая делает веера на экспорт в Америку, Индию и Россию. Как живое, насыщенное смыслом и символической игрой явление культуры веер окончательно умирает в годы Первой мировой войны. Умирает легкомыслие, с которым ассоциировался веер, а значит, приходит конец и самому вееру.

Сейчас о веере вспоминают только в знойные летние дни. Соблазнять им вряд ли стоит — даже если современная барышня и выучит, шутки ради, сложный язык веера, кавалер точно не сумеет прочесть ее послание. Да и шутки с веером сейчас совсем другие. И берут их не из прабабушкиных сборников для благородных девиц, а из арсенала Фаины Раневской. Это она, придя в театр и усаживаясь на свое место, услышала, как некая особа заверещала: «Фаина Георгиевна! Вы сели на мой веер!» — «То-то же смотрю: так дует!» — парировала актриса. Кстати, уж она-то с веером наверняка умела обращаться. Хотя бы потому, что в своем деле умела все...

Цвета веера:

Белый означает невинность;
 черный — печаль;
 красный — радость, счастье;
 лиловый — смирение, искренность;
 голубой — постоянство, верность;
 желтый — отказ;
 зеленый — надежду;
 коричневый — недолговременное счастье;
 черный с белым — нарушенный мир;
 розовый с голубым — любовь и верность;
 вышитый золотом, — богатство;
 шитый серебром — скромность;
 убранный блестками — твердость и доверие.

Скрепя рукава

Он был изыскан, как его сшитые по мерке костюмы. Все в нем соответствовало друг другу. Запах одеколona подходил к цвету галстука, цвет галстука — к цвету камней в золотых запонках в манжетах безукоризненно голубой рубашки. Золотые запонки в манжетах — кто вообще в наше время еще носит запонки? — размером и оттенком золота соответствовали золотым часам на запястье правой руки.

Януш Вишневский. Одиночество в Сети

Мужчины во все времена были и остаются по сей день большими модниками. Любили и продолжают любить модные украшения, драгоценности, не говоря уже о кажущихся совершенно бесполезными нефункциональных аксессуарах. Посмотрите, каков пушкинский граф Нулин:

Пока Ricard шумит, хлопочет,
И барин одеваться хочет,
Сказать ли вам, кто он таков?
Граф Нулин, из чужих краев,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков á jour...

Да, коль не знать, что граф мужеского полу, можно было бы подумать, что это барышня с пристрастием разбирает содержимое своего комода.

В вихре моды

Тогда, в первой трети XIX века, запонки уже не были чем-то необычным. Хотя появились они, в отличие от многих при-

надлежностей гардероба, довольно поздно, в XVII веке. Это изобретение сразу же покорило сердца европейских модников. Ведь до запонок мужчинам приходилось подвязывать рукава лентами или кружевными шнурками. В конце XVII века в моду вошли сорочки с разрезанными рукавами, концы которых скреплялись продеваемой в петлю лентой или короткими цепочками с золотыми или серебряными пуговицами на концах. В зависимости от материальных возможностей кавалеры заказывали себе запонки либо из перламутра — как пуговицы, либо из драгоценных камней и металлов. Популярность запонок возросла после изобретения манжет, пришедших на смену кружевам. Когда же в середине XIX века в моду вошли французские двойные манжеты, запонки стали просто необходимы. В гардеробе богемы, богатых буржуа, политиков они присутствовали непременно.

Промышленная революция не могла обойти моду стороной. В 1880 году в США изобрели и машину для штамповки запонок. Запатентовал ее некто Джордж Кременц, производство запонок было поставлено на поток, а производители рубашек стали прилагать их к своим изделиям. В 1920-х годах наиболее популярными становятся эмалевые запонки, а в 30-е в ходу были уже пластиковые.

Джентльмены удачи

Но не только представители высшего сословия любили наряды и украшения. Конец двадцатых годов прошлого века. Соединенные Штаты. Великая депрессия. Сухой закон. Гангстеры! Как они любили наряжаться! Какие шляпы, костюмы, пальто, галстуки, булавки для галстуков, портсигары, зажигалки, запонки...

Конечно, костюмы гангстеров отличались от костюмов аристократов: полоски были шире, клетка — больше, меховые воротники — богаче, галстуки — пестрее, булавки и запонки — с огромными сверкающими камнями. А в том, чтобы быть шикарными и желанными, им помогал автомат «томпсон» — тоже, кстати, всенепременный «аксессуар» в экипировке этих джентльменов. И конечно, мощный «паккард». Как и «астон мартин» Джеймса Бонда, такой автомобиль был не только средством передвижения, но и соци-

альной характеристикой хозяина, знаком принадлежности к корпорации. Аристократы же следовали принципу, сформулированному Львом Толстым в романе «Воскресение»: «Все вещи, которые он (князь Дмитрий Нехлюдов) употреблял — принадлежности туалета: белье, одежда, обувь, галстуки, булавки, запонки, — были самого первого, дорогого сорта, незаметные, простые, прочные и ценные».

Однако темп жизни в XX веке начал вступать с запонками в конфликт. Пока вставишь запонку, пока вынешь... Запонки подразумевали неторопливость, размеренность, неспешность жизни, уже неприложимую к реалиям XX века. К тому же современные мужчины нетерпеливы и часто неуклюжи. Положим, вдеть правой рукой запонку в левую манжету — еще куда ни шло, а вот левой рукой в правую... Это без постороннего участия может не каждый. Какой естественной в этой ситуации выглядит женская помощь! Вспомним отечественную киноклассику — штандартенфюрера Штирлица и радистку Кэт во время пересечения границы Рейха. Штирлиц, понятное дело, хитро изобразил неловкость, но, попросив Кэт поправить выскочившую запонку, смог помешать пограничнику сличить фотографию в паспорте с оригиналом и одновременно успокоить волнение радистки.

В аскетичном послевоенном мире сорочки с манжетами на пуговицах начинают вытеснять запонки из повседневного использования. Хотя еще в 60-е годы XX века американская галантерейная фирма «Сванк» выпускала более 12 млн. пар запонок в год, они перестали быть непременным атрибутом одежды. Каждый уважающий себя мужчина держал в заветной коробочке пару запонок на особый случай, но в обычной жизни обходился без них. Лишь немногие приверженцы элегантного стиля продолжали хранить верность запонкам, несмотря ни на что. Таким образом, за одно столетие запонки совершили сумасшедший круговорот — из элитарного аксессуара стали массовым, а потом — вновь элитарным.

Третий круг

Возрождение и возвращение запонок в повседневный обиход связывают с именем человека, который носит неофициальный титул «короля запонок». В конце прошлого века

вполне успешный финансист Роберт Татеосян, англичанин армянского происхождения, в один прекрасный день решил изменить свою жизнь и занялся производством модных аксессуаров, создав целую галантерейную империю: офисы в лондонском Челси, мастерские в Бирмингеме. Компания Татеосяна занялась разработкой дизайнерских решений мужских «штучек» и настолько преуспела в этом, что сегодня их заказывают многие другие дома моды.

Надо сказать, что, несмотря на привычность многих мужских аксессуаров, время их меняет, заставляя быть все более функциональными, а не только декоративными. Должен ли мужчина сегодня непременно быть brutальным, чтобы быть модным? Да вовсе не обязательно. Вот мужественным и запоминающимся — пожалуй. И удачно подобранные запонки в наше время могут подчеркнуть мужественность. Недаром они вошли в обязательный ряд тех аксессуаров, которыми должны обладать представители публичных профессий. Спортсмены высшего уровня — в том числе. Клубные костюмы, галстуки и запонки с клубной символикой — непременный атрибут членов топ-команд. И поскольку современный успешный мужчина наряду с традиционным костюмом и галстуком все чаще выбирает спортивный и динамичный стиль, запонки несомненно помогут ему выглядеть элегантно и вместе с тем непринужденно.

Исследователи «модного» рынка отмечают, что в последние годы мужчины тратят все больше и больше денег на одежду и украшения. Нельзя сказать, что вернулись времена, когда мужчины на равных с женщинами использовали украшения, одинаково прибегали к ярким цветам в костюме, выставляли напоказ кружева, шелка и вышивку. Скорее происходит то же, что и в XIX веке, когда моду и стиль, как у графа Нулина, задают в первую очередь аксессуары. Магазины забиты ими, аксессуары есть на любой вкус и на любой случай жизни, да что там случай — под любое настроение. Мужская дорогая мода теперь вполне может соперничать с женской, а число состоятельных шеголей растет с каждым днем.

Индивидуальность, стремление к тому, чтобы индивидуальность подчеркнуть, — вот что сильнее всего повлияло на мужское украшательство в конце XX — начале XXI века.

Остался в прошлом консервативный стиль. Ушло время, когда украшательство ограничивалось галстуком, зажимом или булавкой для него да запонками. Сегодня мужской гардероб не может считаться полным и законченным, если среди прочих вещей в нем не присутствует полный набор аксессуаров и украшений — галстуки, шарфы, шляпы, шейные платки, ремни, бумажники, зажигалки, очки, сумки и перчатки, запонки. Главное, чтобы они гармонично сочетались между собой.

Стильные зажимы для галстука или запонки подчеркнут статус любого делового человека. Но те же аксессуары совсем недурно смотрятся и на молодых людях, отплясывающих в ночном клубе в модном ныне кардигане, потертых джинсах и в кедах.

Не снимая чулок...

Она сняла розовые шелковые чулки и плотно облегающие ножку ботинки; затем расстегнула верхнюю пуговицу, распустила пояс и выскользнула из своей блузы.

Александр Дюма. Женские контрасты

Существует точка зрения, что в действительности мода меняется только во время и сразу после войн. Именно тогда в ней происходят радикальные изменения. Чтобы мода поменялась, надо, чтобы из жизни ушло целое поколение мужчин. Женщин остается больше, конкуренция возрастает, да и взрыв сексуальности всегда приходится на конец войн. Женщина должна привлечь к себе внимание. И наполеоновские войны, и Первая мировая, и Вторая — все они стали сильнейшими толчками в развитии моды.

...И сексуальности.

После Первой мировой войны женщины были одержимы шелковыми чулками. Спрос на них был настолько велик, что важнейшие изобретения в текстильной индустрии 1920-х годов — искусственный шелк и синтетические волокна — нашли применение в первую очередь в производстве чулок.

Благодаря изобретению нейлона и синтетического волокна в 1930-е годы появляются первые синтетические чулки, но начавшаяся вскоре новая мировая война помешала наладить их массовое производство. Во время Второй мировой войны чулок катастрофически не хватало. Модницы выходили и из этой ситуации, рисуя имитирующие швы стрелки на ногах. Эта уловка сохранилась и значительно позже, когда дефицит закончился: таким образом женщины обманывали бдительных швейцаров, следивших по распоряжению начальства за нравственностью и не пускавших летом в ресторан женщину без чулок.

Колготки под брюки

Увы, после того, как в 60-е годы прошлого века появились колготки, чулкам пришлось сильно потесниться. Чулки вообще-то хлопотная вещь. К ним нужно столько всего! Обязательно — красивое белье, да и туфли желательно на высоком каблуке. Следовать «чулочному стилю» в сумасшедшем современном мире не так-то просто. Все вечно спешат, бегут, уж куда проще натянуть поверх колготок джинсы и мчаться сломя голову вместе со всеми. В чулках и на каблуках не побегаешь. В чулках можно и нужно идти красивой походкой — да-да, «от бедра!» — ловить на себе взгляды противоположного пола и думать: ах, какая я прелестная! Только чулки могут подарить такие ощущения. Никакие колготки на это не способны. Женщина, носящая чулки на кружевной резинке, ощущает себя совсем иначе, нежели «околоченная». Самооценка повышается без сомнения. Да и мужчины приходят в восторг от этой пикантной детали из разнообразного дамского гардероба.

В незапамятные времена дамы одной шестой части планеты носили дырявые колготки под брюками (колготки, как и все прочее, тоже были в дефиците). Но одна возделенная пара чулок все же лежала в ящике — для особых, так сказать, случаев. Затаив дыхание, наша женщина очень бережно, осторожно, чтобы не зацепить, начинала медленно, от пальчиков, натягивать чулки, поднимаясь все выше и выше... И не важно, куда она собиралась, то ли на демонстрацию

трудящихся, то ли на свидание с любимым, но она надевала чулки. Даже простые деревенские женщины носили чулки, правда, все больше хлопчатобумажные, такого охристого цвета (и вместо поясочков использовали круглую резинку, от которой на коже бедра надолго оставался след). Но поверх этих ужасных охристых деревенские модницы непременно надевали такие серые, тоже хэбэшные, но тоненькие чулочки. Однажды автор наблюдала в бане, как дама средних лет поверх хлопчатобумажных надевала чулки капроновые. Это было зимой и после бани, и понять ее можно было. Право, не замерзать же... Так она и вышла из бани, со своей собственной шайкой...

Чулки — синоним сексапильности. А сексапильность — это проявление женской зрелости. Сексапильная женщина — это женщина с сексуальным опытом и умением пользоваться своей женской силой. Ну в самом деле, если бы под развевающимся платьем Мэрилин Монро мы увидели бы колготки... Нет, это представить себе невозможно. Как невозможно вообразить не в чулках, а в колготках Софи Лорен или Брижит Бардо. Это настоящие женщины, они колготок не носят.

Было ваше, стало наше

Но во что трудно сегодня поверить, так это в то, что чулки когда-то были атрибутом мужского гардероба. Сильная половина человечества когда-то шеголяла в чулочках! Вспомним роман Александра Дюма «Тысяча и один призрак»: «Аллиет был одет в засаленное платье, изношенное, запыленное, в пятнах, его шляпа с блестящими полями, как бы из лакированной кожи, как-то несоразмерно расширялась вверх. На нем были штаны из черного ратина, черные или, вернее, рыжие чулки и башмаки с закругленными носками, как у тех королей, в царствование которых он, по его словам, родился».

И так уж повелось, что дамы умудрились отобрать у мужчин почти все самое-самое сокровенное: сначала чулки, а потом и брюки. Хотя давным-давно особой разницы между чулками и штанами вроде бы и не было. Шоссы (chosses. —

фр.) — длинные, плотно облегающие ноги разъемные штаны-чулки XI—XV веков в Италии назывались «кальцони» (*calzoni*), и носили их мужчины.

Первый вязальный станок для чулок изобрел в 1589 году английский священник Уильям Ли. Чулки, связанные на станке, начинают вытеснять модные в ту пору чулки из шелка и бархата. При Людовике XIV предпочитали светло-синие и красные чулки. У эlegantных последовательниц маркизы де Помпадур в моде были чулки кружевные. Стоимость одного была близка к годовому доходу дворянина средней руки.

Первые вязаные носки были найдены в коптских гробницах около V века до н.э. Но затем искусство вязания было утрачено и восстановлено лишь в XIII столетии. До той поры чулки шили из полотна и тонкой кожи. В XVI веке в Испании вновь получили распространение тонкие дорогие чулки, связанные вручную. Английский король Генрих VIII как-то получил из Испании одну пару таких чулок в качестве дорожного подарка.

Спасибо Дюпону!

Чулки совершили настоящий переворот в современной моде. Сегодня существует несметное разнообразие чулок и колготок: с лайкрой и нейлоном, на силиконовых липучках, с шортиками и ластовицей, с пяточкой, всевозможных цветов и оттенков, плотности и фактуры. Строго говоря, всем этим великолепием мы обязаны американским «заводчикам и капиталистам»: в 1938 году фирма «Дюпон» представляет на рынок первое синтетическое волокно нейлон — торговое название полиамидных волокон и нитей. В рекламе тех лет о нем говорилось, что нейлон имеет «прочность стали и тонкость паутины». Впервые нейлоновые чулки поступили в продажу в несколько магазинов небольшого городка Уилмингтон. Чтобы приобрести новинку, покупательницы приезжали даже из Нью-Йорка. Выстраивались безумные очереди. И только за первый год было продано 64 миллиона пар! Фирма «Дюпон» не остановилась на достигнутом, и в 1959 году выпустила эластичное волокно спандекс, полу-

чившее известность под торговой маркой «лайкра», которое окончательно закрыло тему шелковых чулок, оставив маленькую лазейку для чулок хлопчатобумажных.

Но, несмотря на кажущуюся победу колготок, сегодня чулки понемногу возвращают свои прежние позиции. Вот и юное поколение подтягивается. Как и все прочее, обсуждает чулки на интернет-форумах. Ну, примерно так (орфография и стиль сохранены):

— «у меня нет чулков... пока что!..»

— «Мне кажется это вери секси, а летом еще и выручат, если туфли одеть надо куда-то... Поясок там, чулочки ажурные, короткая строгая юбка...»

— «абсолютно верно о блеске в глазах! чулки, по-моему, это мегаженственно... к тому же они не так вредны для женского здоровья, как колготки»

— «чулочки рулят»

— «обажаю чулки, особенно в сеточку»

— «ни за что не променяю на колготки!!! Да и с практической т.з. гораздо удобнее»

— «Чулки люблю, особенно после выпускного вечера в школе... Столько воспоминаний...»

— «Ага! А еще если дырка на коленке у колготок — уже не получится носить, а вот у чулок (ков) достаточно только один чулок поменять!..»

Дети в индиго

Я бы хотел быть изобретателем голубых джинсов. Они изумительно выглядят, практичны, удобны и повседневны. Они выразительны и сдержанны, в них — зов пола и простота, словом, все, что бы мне хотелось иметь в одежде, которую я придумываю.

Из Сен-Лоран

Джинсы! — мечта стилиги 60-х, один из главных товаров спекулянтов 70—80-х, отличительная черта тех, кому за бугор было можно, и предмет вожделения тех, кому туда

было нельзя, самая демократичная одежда 90-х и 2000-х — откуда они пошли? От Леви Страуса — первообладателя патента № 139.121 Бюро патентов и торговых марок США на производство «рабочих комбинезонов без бретелей с карманами для ножа, денег и часов». До сих пор не известно, умел ли сам Леви Страус шить, кроить, ставить заклепки. Скорее всего — нет.

Пропорции безобразия

Несомненно, существуют некие совершенно конкретные вещи, с первого взгляда малозначимые, но влияющие на события всемирно-исторического масштаба. Изменяющие ход истории. Это могут быть и живые существа вроде спасших Рим гусей, скорее всего в награду за это позже и съеденных. А могут быть и предметы неодушевленные, скажем — револьвер, «уравнитель» полковника Кольта. Одним словом, нечто, что можно пощупать руками. Увидеть своими глазами. Услышать. Попробовать на вкус. Использовать. Примерить на себя. Это не абстракции и отвлеченные понятия типа «революционная ситуация», «комплексные процессы» и даже «народ». Попробуйте выйти на улицу и увидеть «народ». Но вот увидеть идущих по улице конкретных, реальных людей может каждый. И что характерно, многие из этих людей, вне зависимости от пола, возраста, социального статуса, будут в джинсах.

Ох, эти джинсы! Их собственное значение в нашей жизни, быть может, не столь велико. Однако они, наряду с другими, вполне осязаемыми и конкретными вещами (рок-н-роллом, точнее, запретом на рок-н-ролл, а также запретом читать-смотреть то, что хочешь, а не то, что позволяют), сыграли более чем значимую роль в крушении великого и казавшегося незыблемым Советского Союза. Они были той мелочью, той деталью, которая опосредованно, не напрямую, но влияла на главное.

Не наши пролетарии

Как же так получилось, что обыкновенная одежда для работы, причем работы грязной и пыльной, вдруг стала имен-

но в СССР идеологически вредной? Из-за того, что первоначально носили джинсы те, кто приезжал в Калифорнию во времена знаменитой «золотой лихорадки», начавшейся в 1849 году? Или из-за ковбоев, которые несколько позже начали носить джинсы как наиболее удобную одежду? Вряд ли, хотя и золотоискателей, и ковбоев никак нельзя было — даже если бы они этого и захотели! — привлечь под знамена с гордой надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» хотя бы из-за общего для них индивидуализма.

Джинсы еще со времен Первой мировой войны — правда, в виде джинсового комбинезона фирмы «Ли» — стали рабочей одеждой в армии США. Во Второй мировой официальным поставщиком рабочей одежды для армии США стала компания «Левис Страус». Огромные излишки рабочей одежды, оставшиеся на складах, оказались для европейцев первым знакомством с американской джинсовой одеждой. Вот только европейцы эти были уже по другую от нас сторону «железного занавеса». Скорее всего, причиной «идеологической вредности» джинсов стала послевоенная конфронтация, холодная война. Наши люди познакомились с джинсами впервые только на американской выставке 1959 года. Вместе с кока-колой. Кока-кола, джинсы, жевательная резинка — вот что было метками загнивающего Запада. Травящееся кока-колой жвачное в джинсах было чуждым для идущего в едином порыве советского народа. И что более важно, существом заразным, вносящим разнობой в стройные ряды. Да еще неплохо бы вспомнить очень точное наблюдение Умберто Эко: «Одежда, сжимающая половые органы, заставляет мужчину мыслить совершенно иначе...»

Дефицитные штаны

Что касается советского человека, то с тех пор, как он узнал про джинсы, они стали предметом мечтаний. Обладание джинсами с определенного времени оказалось свидетельством принадлежности если не к элите, то уж точно к особенному кругу. Купить джинсы было невозможно. Продавались и покупались — с боем, конечно, как дефицит — только

так называемые «техасы», то есть пошитые или в ГДР, или в Польше из обычной хлопчатобумажной ткани брюки, причем окрашенные искусственными красителями, а не натуральным индиго. Ведь в джинсах помимо ткани, строчки, клепки, лейблов и вшивных «флажков» знаком аутентичности была краска — «живая», то есть выцветающая в ходе носки.

Индиго использовался для окраски шерсти еще четыре тысячи лет назад, и получали его из произрастающего в Индии и Китае растения индигофера, пока в 1878 году знаменитый немецкий химик Адольф фон Байер не изобрел синтетический краситель, заменивший краситель натуральный. Его дешевая производная и шла на окраску «техасов», у которых на карман лепили изображение ковбоя на вздыбленном скакуне, а «техасы» выдавали за джинсы.

За настоящие же джинсы, за вожделенные «левисы», «ранглеры» и «ли-куперы» не только платили огромные деньги фарцовщикам. За «фирму» запросто можно было получить по голове и в полубессознательном состоянии успеть почувствовать, как с вас стягивают недавно купленное великолепие, заработанное ночными дежурствами в психушке. И сказать спасибо, что не убили...

68 долларов за идею

Родился Страус вовсе не как Страус и не как Леви, а как Лейба Штраус в многодетной еврейской семье в баварской деревушке Буттенхайм. Лейба пошел по стопам отца, занимаясь мелкооптовой торговлей, но, когда ему исполнилось восемнадцать, отец умер, и семья эмигрировала в Америку, где молодой торговец решил сменить имя на более благозвучное.

Отправившись в Калифорнию, Леви обнаружил, что золотоискатели испытывают острую нужду в рабочей одежде: кожаные брюки, обычная в те времена рабочая одежда, были непрактичны, в них было жарко, а если приходилось работать в воде, такие брюки потом очень долго сохли. Предпринимательская жилка подсказала Страусу выход: он скупил

предназначавшийся для палаток брезент и наладил пошив рабочих комбинезонов.

Постепенно приобретая капитал и репутацию, Страус стал известен и за пределами Калифорнии. В 1856 году Леви был уже владельцем фирменного магазина на Сакраменто-стрит, где бойко продавались «те самые штаны от Леви». К 1860 году Леви шил из брезента только комбинезоны, а вот прочую рабочую одежду — брюки и куртки — из ткани «деним», позже получившей название джинсовой. Так продолжалось до 1873 года, пока другой иммигрант, на этот раз из Латвии, Якоб Йофис, он же Джейкоб Дейвис, не «построил» из джинсовой ткани рабочие брюки, укрепив швы и карманы сконструированными им самим металлическими заклепками.

Дейвис был отличным портным и закройщиком, но бедным, как церковная мышь. Ему не хватало денег, чтобы запатентовать свое изобретение, и он обратился к Страусу. Страус оформил патент, получив многомиллиардную идею за \$68. Так родилась знаменитая модель «Левис Страус 501», сделавшая Леви миллионером, полюбившаяся и старателям, и ковбоям, и железнодорожникам, и рабочим в больших американских городах.

Первоначальная цена — 1 доллар 46 центов. Вполне приемлемо по тем временам. Правда, сам Леви Страус свои 501-е штаны называл «комбинезоном по пояс» или «панталонами». Только в середине 30-х годов XX века, много лет спустя после смерти Леви, компания стала применять термин «джинсы»...

До середины 50-х годов прошлого века джинсы оставались рабочей одеждой. Первым, кто сделал джинсы молодежной одеждой, неразрывно связанной с рок-н-роллом, был Элвис Пресли. Именно после Пресли джинсы стали одеждой городской молодежи, отрицающей общественные устои, одеждой для отдыха и развлечения.

...Настоящая джинсовая ткань производится только из американского хлопка марок «Мемфис», «Сент-Луис» и «Сент-Джосим Вели». Последний считается столь прочным и качественным, что его добавлением облагоражива-

ются первые две. Европейские производители джинсовой ткани закупают пакистанский, индийский, африканский, турецкий, греческий и даже испанский хлопок. В конце 80-х годов в США стали выращивать хлопок, окрашенный от природы.

Правда, по одной из версий джинсовая ткань впервые была получена во французском городе Ним (отсюда — ткань «деним»), по другой — в итальянской Генуе. Во всяком случае, французы называли жителей Генуи «дженес», а генуэзские матросы носили хлопчатобумажные штаны под тем же названием. Однако, как уточняет Оксфордский словарь, в Ниме производили саму ткань, а в Генуе — краситель для нее, индиго. Джинсовая ткань — это ткань с диагональным переплетением нитей. Любопытно, что именно эта ткань была практически первой, попавшей из Европы в Америку. Когда экспедиция Христофора Колумба (уроженца Генуи) отправилась на поиски нового пути в Индию, паруса были пошиты из джинсы...

Чубчик кучерявый и локон золотой

Кудри девы — чародейки,
Кудри — блеск и аромат,
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад!

Владимир Бенедиктов

Не все мы длинноногие голубоглазые блондинки, не все атлетически сложенные брюнеты с неимоверно кучерявой шевелюрой и блестящими карими глазами. Тем более редко встречаются зеленоглазые везунчики с огненно-рыжей гривой. Но даже если из всех слагаемых красоты у вас (особенно если вы женщина!) есть только красивые волосы — вы можете считать себя чертовски привлекательной. Люди знают это с очень давних времен — и поэтому что только не делали они со своими волосами на протяжении человеческой истории! Отращивали, укладывали в неимовер-

ной сложности прически, стригли, сбривали, выщипывали, выпрямляли, завивали, заплетали в косы, красили специальными растворами... Да и просто украшали — от женских гребней, шпилек, булавок и заколок до подвесок и диадем из благородных металлов с драгоценными камнями. И все лишь ради того, чтобы выглядеть великолепно, соблазнительно, модно, современно или, как сегодня говорят некоторые, «креативно и гламурно».

Красавицы былых времен

В Древнем Египте и женщины, и мужчины скрывали волосы под париками из овечьей шерсти, шелковых нитей, веревок, волокон растений, окрашенных в темные тона, причем темно-коричневый и черный цвета считались модными особенно в период Нового царства — от полутора до тысячи лет до нашей эры. То, что мы сегодня называем египетской прической, на самом деле были объемные парики, которые носили фараон и его приближенные. Воины, землевладельцы, ремесленники довольствовались маленькими париками круглой формы, еще меньшими — простые крестьяне, а рабам полагались только шапочки из грубого холста. По парикам определяли сословную принадлежность, а кроме того, они выполняли роль головных уборов, защищая от палящих лучей солнца.

В Древней Греции особой популярностью пользовались прически из спадающих на шею и плечи локонов. Знаменитый греческий узел — это завитые волнами, расчесанные на прямой пробор и уложенные узлом на затылке волосы. Классика бессмертна — строгая и элегантная прическа в торжественных случаях используется и в наши дни. Узнаваемое украшение того времени — покрывающая голову сетка из золоченых шнуров.

Древние римлянки сначала использовали в прическах греческие традиции, а ближе к закату империи знатные дамы соревновались друг с другом в высоте причесок, которые меняли несколько раз в день. Эта страсть была столь сильна, что даже на мраморных бюстах делали съемные детали

для перемены причесок. Для высоких укладок стали использовать проволочные каркасы, подкладные валики, специальные украшения из медной проволоки в виде изяшных диадем для поддержки и укрепления прядей. Сложные, многоярусные прически требовали большого количества волос, поэтому стали пользоваться волосяными накладками и париками.

О женской прическе в Западной Европе Нового времени речь можно вести лишь с XIV—XV веков, когда дамы начали открывать волосы. До этого они мучили себя эпиляцией: замужние средневековые модницы выщипывали волосы, чтобы они ни в коем случае не выглядывали из-под чепца. В эпоху Возрождения вновь в моду входят завитые локоны, высоко заколотые на макушке и ниспадающие на плечи, украшенные вплетенными в них жемчугом и серебром. Мужчины же носили прически, напоминающие современное удлиненное каре с челкой.

Удивительно, но прически Московского царства и свободных итальянских городов-государств XV—XVI веков были схожи. Русские девушки заплетали косу, разделяя волосы прямым пробором. Во Флоренции того же времени самая популярная прическа для матрон — флорентийская коса: все волосы также разделялись прямым пробором, зачесывались полукругом на щеки, на затылке заплеталась ровная по толщине коса. Девушки же просто укладывали косу венчиком вокруг головы или заплетали две косы.

Вскоре законодательницей мод на многие века стала Франция. Очередному витку в развитии причесок поспособствовала Анжелика де Руссиль-Фонтанж, фаворитка Людовика XIV, Короля-Солнце. Во время охоты у юной особы растрепались локоны. Госпожа Фонтанж не растерялась и подвязала их кружевной ленточкой, по легенде — чулочной подвязкой.

Сие концептуальное решение так пришлось по вкусу его величеству, что в 1680 году было взято на вооружение всеми придворными дамами. «Фонтанж» — высокая прическа, поддерживаемая кружевом и проволочным каркасом, просуществовала до 1713 года, когда на королевском балу в Версале некая именитая английская герцогиня предстала

с гладко зачесанными волосами. Дамы вздохнули с облегчением — и последовали новой моде. До этого на голове, бывало, выстраивали целые скульптуры, чего стоит одна знаменитая «прическа с корабликом». А если в волосы вплетали живые цветы, то хитроумные стилисты ухитрялись незаметно вставить в прическу даже флаконы с водой, чтобы цветы не начали увядать до окончания бала...

При Наполеоне в моду входят легкие парики с полукруглыми локонами, спадающими на уши, и римские прически с обилием украшений. После поражения Наполеона на некоторое время пальму первенства в парикмахерском деле перехватывает Вена, предписывая строгие прически с туго заплетенными волосами и крупными локонами. Что нашло свое отражение в известных строках Евгения Баратынского из стихотворения «Бал»:

Кружатся дамы молодые,
Не чувствуя себя самих.
Драгими камнями у них
Блестят уборы головные.
По их плечам полунагим
Златые локоны летают...

Химическая мода

В 1875 году французский парикмахер Марсель изобрел горячие щипцы для завивки. До этого волосы завивали, накручивая их на толстый раскаленный гвоздь. В начале прошлого века благодаря немецкому цирюльнику Карлу Несслеру появляется перманент. Эта химиотермозавивка знаменует наступление нового века причесок, длящегося и по сей день. Вспомним строки из песни Галича:

И какие-то две с перманентиком
Все назвать норовят меня Эдиком.

По перманенту, ровно как по обесцвеченным перекистью волосам, можно было, как в Древнем Египте, сразу опреде-

лить социальную принадлежность «пергидролевой блондинки». С другой стороны, нельзя не отметить моду: примерно лет двадцать пять тому назад мода на химию проникла во все слои общества, причем музыка «новой волны» сделала модными и мужские «химические» прически. Наглядным примером был и остается всегда энергичный и оптимистичный певец Валерий Леонтьев. А уж какой химической завивкой баловались футболисты! Знаменитый футболист Федор Черенков долго носил просто удлиненные волосы, а однажды выбежал на поле, тряся завитушками...

XX век отпустил волосы на свободу и снял разницу в длине волос между мужскими и женскими прическами. Хитами стали битловский «горшок» и «бабетта» Брижит Бардо. Видал Сассун придумал короткий асимметричный «боб», который опробовал на Миа Фэрроу, стрижки для иконы стиля мини Твигги и Мирей Матье.

Вообще XX век был щедр не только на революции, войны, социальные потрясения, но и на кардинальные изменения в области моды, в том числе моды на прически. Одно изменение женских причесок в 1914–1918 годах, когда в моду вошла считавшаяся прежде признаком «неблагонадежности» короткая стрижка, говорит о многом. Это была настоящая революция, ставшая следствием эмансипации женщин, теперь всю осваивавших мужские профессии. Именно в XX веке научный прогресс всерьез и надолго проник в парикмахерское искусство. Трансплантация волос для лысеющих мужчин сегодня становится настолько же привычным делом, как и обычная стрижка.

Но бывает, что и пышная шевелюра приносит огорчения. Музыкант Андрей Макаревич в своей книге «Сам овца» вспоминает, как в пору его музыкальной юности «волосы кучерявились и никак не хотели принимать гладкий битловский вид. Для преодоления этого “дара” природы голова слегка мылилась, затем сверху надевалась резиновая шапочка, и все это оставлялось на ночь. Других способов не существовало. Не знаю, как я не облысел. Степень битловости определялась степенью закрытости ушей волосами — если на две трети, то это уже было по-битловски...»

Да, битловская прическа буквально взорвала мир, и первым начал носить ее человек, умерший за год до первых ростков популярности группы. Это был Стюарт Сатклифф, приятель Джона Леннона, первый бас-гитарист в составе группы. Мода на прически а-ля битловский «горшок» шагала по планете вместе с модой на битловские песни. Начавшие вообще-то со слегка удлиненных причесок «битлы», первоначально имевшие довольно буржуазный вид в своих пиджачках без воротников и в галстучках, быстро поменяли имидж, оволосились всерьез, пиджачки уступили место джинсам и расписным балахонам. К распаду группы волосы уже свободно лежали по плечам. Что с точки зрения общемировой моды неудивительно: бал уже правили хиппи, «волосатики», «дети цветов»...

Бабетта идет ва-банк

В 60–70-е годы прошлого века прически принимали самые невероятные формы и названия. Благодаря образу, созданному Брижит Бардо в картине Кристиана-Жака «Бабетта идет на войну», в моду того времени вошла прическа а-ля Бабетта. С легкой руки Брижит Бардо в моду вошел и так называемый конский хвост. Кстати, «бабетту» создал великий парижский стилист-парикмахер Жак Дессанж. Именно Жак Дессанж делал прически манекенщицам всех известных домов мод того времени, включая дом моды «Диор». Он изобрел электрические шипцы и пластиковую шапочку с дырочками для осветления прядей. В конце пятидесятых Дессанж предложил миру новую прическу «гарсон», вызвавшую поначалу шок — так коротко женщины еще не стриглись.

Другой выдающийся стилист XX века, «Шанель причесок» Видал Сассун, свою знаменитую короткую и асимметричную женскую стрижку «боб» назвал «личным вкладом в женскую эмансипацию». «Я облегчил женщинам небольшую часть их будничной жизни, — говорил Видал. — Вместо того чтобы укладывать волосы, мы их состригли». Всемирный успех Сассуна по времени совпадает с началом эры мини-

юбок. Создательнице стиля мини Мэри Квант была необходима прическа, сочетающаяся с новым силуэтом. Реакция Сассуна была мгновенной: «Я буду стричь так, как вы режете и кроите материал». А так как мини-юбка не требовала большого количества ткани, то соответственно и количество волос на головах клиенток стало резко уменьшаться.

Этот человек-бренд ввел в моду стрижки, для укладки которых надо было всего лишь потряхнуть головой. Вымой голову и иди — вот его девиз. В парикмахерском искусстве даже возник термин «сассуирование» (sassooning), обозначающий полный цикл работы с клиентом, началом которого был длительный задушевный разговор. Причем Сассуну, подлинному демократу, было безразлично, кто сидит в его кресле — королева, кинодива или продавщица с соседней улицы. Мало кто знает, что ручной фен, который сегодня есть у каждой женщины, — тоже изобретение Видала Сассуна. А одна из фирменных стрижек Сассуна в конце шестидесятых стала хитом даже в СССР: многие тогда стриглись под Мирей Матье, стильную стрижку которой сделал сам маэстро.

Стрижка как вызов

С помощью прически можно было протестовать. Так у нас вошли в моду и бунтарский кок, в пятидесятых сменивший полубокс и «чубчик кучерявый», и битловский «горшок», ставший символом культурного пробуждения. Были и свои «лохматые» хиппи. Когда юнцов гоняли за длинные волосы, то самым клевым было уйти с урока, отправиться в ближайшую парикмахерскую и обриться «под ноль». Кстати, снятие «под ноль» хипповской прически могло быть и символом трагедии. Вспомним знаменитый фильм Милоша Формана «Волосы» по мотивам популярного бродвейского мюзикла. Попавший в армию и знающий, что его отправят во Вьетнам, хиппи плачет, когда суровый сержант армии США снимает машинкой непокорные кудри...

Три основных стилевых направления — классический, спортивный и романтический — конкурируют и ныне. Мода на теплые тона сменяется модой на радикальные, на смену

гладким прическам приходят афрокосички. Звучит банально, но разнообразие причесок не знает границ. Создано столько стилей и направлений в парикмахерском искусстве, что остается только набраться смелости и соорудить у себя на голове что-нибудь «этакое». Новая прическа — один из способов сохранить «дистанцию свою».

Настоящее мужское украшение

Часы пробили половину десятого. Дориан провел рукой по лбу и поспешно встал с постели. Он оделся даже тщательнее обычного, с особой заботливостью выбрал галстук и булавку к нему, несколько раз переменял кольца. За завтраком сидел долго, отдавая честь разнообразным блюдам и беседуя с лакеем относительно новых livрей, которые намеревался заказать для всей прислуги в Селби.

Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея

По галстукам, разнообразию их форм — от простого шейного платка до «бабочки», по изменению их величины и конфигурации можно изучать историю человеческой цивилизации. Зачем же мужчинам этот кокетливый, почти женский аксессуар?

Последние несколько сезонов на мировых подиумах царят стили 60–70-х годов XX века. И на волне общего интереса к моде тех лет вновь возвращается узкий галстук, в каких когда-то шеголяло поколение стилияг.

Правда, в те годы мода считалась оружием в идеологической борьбе. В общественном мнении, которое формировалось пропагандой, стилияги конца 50-х — начала 60-х выглядели весьма и весьма карикатурно: брюки-дудочки, взбитый кок на голове, сужающийся книзу пиджак с широкими плечами, узкий галстук-«сеledка», завязывавшийся на очень маленький узел. Впрочем, галстук мог быть и широченным, ярко расцвеченным — пресловутый «пожар в джунглях». Всплеск интереса к этому периоду случился в 80-е годы прошлого столетия. На чем взлетела группа «Браво»:

В час, когда я улыбаюсь, или на сердце беда,
Стильный оранжевый галстук вместе со мною всегда...

Стильные и пестрые мальчишки выгодно смотрелись на фоне расхристанных рокеров. Участники группы «Браво» играли твист и выглядели ярко и непосредственно.

Чего стоит мужчина

Европейцы переняли моду на галстуки у хорватских воинов — «кرواتов». По некоторым историческим данным, в том, что галстуки дошли до наших дней, «виноваты» французы. Случилось это в XVII веке, когда перед королевским двором прогарцевал хорватский конный полк. И придворных модников куда больше потрясли яркие шейные платки, являвшиеся частью униформы хорватского конного полка, нежели выправка славных воинов. Это украшение понравилось королю и стало модной новинкой. Многие историки моды приписывают роль первооткрывателя Людовику XIV — считается, что именно Король-Солнце своими указами сделал галстук знаком принадлежности к дворянству. Придворные кутюрье разрабатывали новые фасоны шейных платков, нашлась работа и кружевницам, и беложвейкам. Легенда гласит, что одна из фавориток короля, герцогиня Луиза де Лавальер, то ли во время любовной игры, то ли просто забавляясь с шейным платком, научилась завязывать его особым способом — в виде пышной бабочки с развевающимися длинными концами. Так возник бант «лавальер», не вышедший из моды и по сей день.

Через сто лет во Франции полетели аристократические головы, а вместе с ними и шейные платки. «Новому времени — новые галстуки!» — гласил один из лозунгов Великой французской революции. И появился революционный шейный платок «анкруаябль» — «невероятный», драпируемый от груди до самого подбородка и искусно завязанный несколькими сложными узлами. В столичных европейских городах конца XVIII — начала XIX века родилась новая престижная

и высокооплачиваемая профессия — учитель по завязыванию галстуков.

В Англии эти невероятные по размерам шейные платки получили название «салфеточная мода». Основателем ее стал (о, сколько раз его имя произносится при разговорах о модных «штучках»!) легендарный «галстучный лорд», первый денди Джордж Браммель. Он имел несметное количество шейных платков. И верные британские денди продолжили его дело. Галстуки шили из шелка, шерсти, атласа, с разнообразнейшими узорами и без них. В Европе издавались учебники по завязыванию галстуков, в числе их авторов был модник и шеголь Оноре де Бальзак. Его изречение «Мужчина стоит того же, что и его галстук» актуально до сих пор...

К середине XIX века в Англию вместе с модой на отложные воротнички пришел и длинный цветной галстук — прототип современного. В те времена он был очень популярен в морской и спортивной среде, а потому и названия получил соответствующие: «регат» или four-in-hand («четыре в одной руке» — спортивный термин, обозначающий управление четверкой лошадей). Говорят, что его придумал один молодой яхтсмен. Не желая тратить время перед соревнованием на мучительное завязывание галстука, он просто разрезал его сзади и пришел на месте разреза петлю и пуговицу, которых не было видно из-под воротничка рубашки. Практичный «регат» и по сей день является частью военной униформы во многих странах мира.

Каких только галстуков не носили модники! Пылкие художественные натуры оставались верны «лавальеру». «Трагические» черные галстуки носили не только в трауре, но и как скорбный символ неразделенной любви, а белоснежные бабочки надевали на дипломатические приемы или на балы в сочетании с фракком или смокингом. Любители же эпатажа отдавали предпочтение галстукам насыщенно-лимонного цвета.

Но время рантье уходило, стиль стали задавать деловые люди. Наступили перемены и в галстучной моде: в 1924 году американский бизнесмен Джесс Лангсдорф придумал и запатентовал «идеальный галстук», который и по сей день шьют-

ся из трех частей, скроенных по косой. Именно «идеальный галстук» вытеснил практически все остальные разновидности и модели галстуков.

Свой — чужой

Для современного делового мужчины галстук — своеобразная визитная карточка. Советская номенклатурная элита носила пиджаки из одного ателье и однотонные, невыразительные галстуки со скучными однообразными узлами. Сегодняшние российские политики привнесли моду на костюмы дорогих марок, элитные часы, драгоценные запонки и мобильные телефоны-VIP. С легкой руки Владимира Путина отечественная политическая элита уже не может существовать без костюмов всемирно известных брендов. «Бюджетный» гардеробчик нардепов и властей предержащих представлен сегодня примерно так: костюмы от Бриони, галстук от Барберри или Валентино, очки от Армани, часы «Ролекс» или «Патек-Филипп». Вспоминается старый анекдот: «Сэр, вы родились в рубашке?» — «Да, сэр! А еще в галстуке, запонках, ботинках и в Финляндии». Анекдот анекдотом, но как точно престижность такого аксессуара, как галстук, отметил Василий Аксенов в рассказе «Победа»: «Гроссмейстер был воплощенная аккуратность, воплощенная строгость одежды и манер, столь свойственная людям, неуверенным в себе и легкоранимым. Он был молод, одет в серый костюм, светлую рубашку и простой галстук. Никто, кроме самого гроссмейстера, не знал, что его простые галстуки помечены фирменным знаком “Дом Диора”. Эта маленькая тайна всегда как-то согревала и утешала молодого и молчаливого гроссмейстера...»

Но следует признать, что публичная профессия заставляет вырабатывать свой специфический дресс-код, отражающий социальные и эстетические особенности эпохи, но и подчеркивающий статус конкретного лица. Например, невозможно представить президентов или премьер-министров в пестрых галстуках. Предпочтение отдается, как правило, классическому варианту — благородную диагональную полоску никто

не отменял. А вот узел галстука — деталь более индивидуальная. Скажем, Дмитрий Медведев предпочитает широкий узел, чаще всего это half windsor (то есть полвиндзора), и расцветка его галстуков, надо сказать, отличается большим разнообразием. Владимир Путин предпочитает узлы меньшего размера — психологически это отражает большую закрытость и более жесткий характер. Не претендуя на политическую аналитику, тем не менее отметим, что на политическом пространстве современной России выстроились две партии: партия широких узлов и партия узлов узких. Какая из них станет господствующей — покажет время.

Как утверждает историк моды Александр Васильев, самый большой модник среди наших политиков — Герман Греф. По части галстуков в бытность свою министром экономического развития Греф давал фору всем остальным. Полагают, он и ввел «либеральную» моду на большие узлы. Самым же «расхлябанным» галстукононосителем является Владимир Жириновский. Вот уж кому нужен свой «галстучный». Жириновский носит галстуки яркие, с припушенным узлом, а верхняя пуговица воротника рубашки у него всегда расстегнута.

...Дизайнеры сегодня предлагают галстуки на любой вкус. Любителям классики — яркие решения от Багутта и Москино, изысканные — от Кристиана Лакруа, нестандартные — от Роберто Кавалли. Галстуки с рисунком тоже в моде, они в изобилии представлены в коллекциях Кельвина Клайна и Жанфранко Ферре, часто рисунок на них может изображать и логотип дизайнера. Волнистые линии, кляксы, цветы — вот неполный перечень ярких, а то и вовсе хулиганских галстуков от известных брендов, которые никого не оставляют равнодушным. Оригиналы любят Кризиа. Мелкий геометрический рисунок также очень популярен, здесь особо выделяются галстуки от Кензо Такада: потрясающие расцветки в мелкую крапинку и горох выглядят просто шикарно. Всеми любимый и популярный во все времена «огурец» отыщется в коллекции Марины Дэсте и Ренато Балестра. Ну и на пике популярности — узкие галстуки-«селедки» в стиле унисекс от Кензо Такада.

85 способов завязывания

Строгих правил в выборе галстуков не существует. Надо лишь помнить, что сначала покупается костюм, затем галстук и рубашка (женщины, к примеру, в первую очередь покупают перчатки, а потом сапоги, пальто и т. д.). Это, пожалуй, единственное ограничение. Выбор галстука ярчайшим образом характеризует его владельца. Психологи утверждают, что в галстучном деле важна не столько расцветка, сколько длина. Застенчивый человек интуитивно выбирает слишком короткий галстук, а самоуверенный — длинный. По правилам же конец галстука должен касаться верхней части или середины брючного ремня. И развязывать галстук следует каждый день: снятие через голову очень скоро испортит даже самый что ни на есть качественный и дорогой аксессуар. Тем более что завязывать его не так уж и сложно. Вот ученые из лаборатории Кавендиш Кембриджского университета в 90-х годах прошлого столетия путем математического моделирования пришли к выводу, что, используя всего девять движений при завязывании, можно завязывать галстук 85 способами!

Галстук давно и прочно проник не только в мужской гардероб, но и в женский. Образ Марлен Дитрих в мужском костюме и галстуке переняли многие дамы.

В последнее время галстук стал своеобразным символом стиля. И носят галстуки не только в офисах и не только политики высокого ранга. Узкие черные галстуки повязывают не поверх рубашек, а скорее под, обвязывают прямо шею и обнажают грудь. Такие модники, как Джордж Клуни, Клайв Оуэн, Джастин Тимберлейк, Дэвид Бекхэм, отдают предпочтение именно этой манере. В общем, без галстука стильному мужчине — никуда. Прав был герой романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»: «...во фраке и белом галстуке кто угодно, даже биржевой маклер, может сойти за цивилизованного человека...»

По способу завязывания галстуки разделяются на «бабочку», «регат» и «самовяз». «Бабочка» надевается в торжественных случаях. «Регат» — длинный галстук с готовым фабричным узлом. Наиболее распространенный вариант — самовяз, название говорит само за себя. Завязывается просто. Пере-

киньте галстук через шею. Широкий конец галстука расположите поверх узкого. Далее заверните широкий конец за узкий. Затем снова расположите широкий конец сверху. Получится, что вы как бы обмотали широкий конец вокруг узкого. Потом вытащите широкий конец галстука через середину, но со стороны рубашки, то есть снова заверните его за узкий конец. Далее проденьте широкий конец в получившийся узел и затяните. Мужчинам лучше самим научиться завязывать галстук, или же придется нанимать «галстучного», как это делал «король-солнце» Людовик XIV.

Мужчина должен знать по крайней мере десять основных типов узлов. Но можно обойтись и двумя: самым простым four-in-hand (очень демократичный узел, его можно быстро освоить, даже если вы в этом деле совсем новичок) и самым универсальным, а посему и самым популярным half windsor — такой узел подходит для традиционных галстуков. Его тоже довольно просто завязывать, лишь немного попрактиковавшись: узел получается симметричным и треугольным. Подходит для любых рубашек. Многие политики и дипломаты предпочитают именно half windsor.

В начале 90-х прошлого столетия был популярен анекдот про «новых русских»: «Двое встречаются в Лондоне. Один другого спрашивает: почему брал галстук? За три штуки баксов! Дурак, там за углом за пять, от Версаче!» И появилась такая шутка: «Как повяжешь галстук, береги его, он ведь от Версаче — стоит ого-го!»

Резиновый гламур

...Бедные калоши! Люди прячут их со стыдом и неблагодарностью в уголках передней, а там они, бедные, лежат забрызганные, затоптанные, в обществе лакеев, без всякого уважения.

Владимир Соллогуб. История двух калош

Наиболее распространенные «мокроступы», резиновые сапоги и калоши (настаиваем на «к», ибо «наше всё» писал в письме брату «Да пришли мне калоши!», а с Пушки-

ным не поспоришь!) совершили с течением времени своеобразную рокировку. Прежде калоши были признаком достатка, определенного социального положения, а резиновые сапоги, появившиеся значительно позже, всегда указывали на самые низкие ступени социальной лестницы.

Теперь же с резиновыми сапогами случилось то, что часто бывает с самыми обычными, практичными вещами: они становятся не просто модными, а ультрамодными. И такая неотъемлемая часть «гламура» эпохи наших бабушек и мам, как резиновые сапоги, стала модным трендом последних нескольких лет.

Среди звездных поклонников резиновых сапог замечены Николь Кидман, Кира Найтли, Гвинет Пэлтроу, Анжелина Джоли и многие другие голливудские звезды. По их примеру все гламурно-модно-прогрессивное человечество начало обуваться в такие трогательные резиновые сапожки. Ведущие дизайнеры без устали начали трудиться в этом направлении. Но началось все, как говорят в модных кругах, с Кейт Мосс, которая несколько лет назад на музыкальном фестивале Гластонбэри предстала миру в массивных черных сапогах фирмы «Хантер». Фирмы, к слову, знаменитой и заслуженной: «Хантер» производит резиновую обувь начиная с 1856 года, носили ее охотники, наездники, любители загородного отдыха, причем внешний вид сапог со временем менялся незначительно, так что модели обуви наших дней отличаются от прежних лишь яркими расцветками и материалами. Вот таким образом самая высокооплачиваемая манекенщица запустила новую, что немаловажно — недорогую моду, которой покорились даже ассы индустрии моды-люкс. Сегодня коллекции от самых престижных фирм немислимы без дизайнерских резиновых сапожек. Модели новых коллекций представлены как в однотонной гамме, так и с нанесением стильных принтов — «полоска», «леопард», «цветы» и др. Автор и сам чуть было не стала владельцем эффектных красных сапог с принтом Мэрилин Монро, да не оказалось на тот момент лишних двенадцати тысяч рублей. Дутые и плоские, со стразами и без, такие сапоги придутся по вкусу даже самой взыскательной моднице. Ну и немаловажная изюминка — максимальный ком-

форт и уют. Если осень и не дождливая, но, надев модные резиновые сапоги, можно выглядеть весьма стильно и элегантно.

И все же новая резиновая фенечка гламура не что иное, как ретроспекция. Ведь в шестидесятые годы прошлого столетия резиновые сапоги также пришлось ко двору благодаря образам, созданным в кино, такими звездами, как Катрин Денёв или Одри Хепберн. Красотки в резиновых сапогах, болоньевых плащах и трогательных косынках не оставляли равнодушными никого. Начиная с восьмидесятых годов, после появления новых технологий и материалов (например, специальных сохраняющих тепло вкладышей, красителей и т. п.), позволивших воплотиться самым смелым дизайнерским фантазиям, сапоги поднимаются на шит высокой моды и становятся модным элементом одежды. Нарочитая простота всегда давала и дает ощущение свободы. В крайних случаях — вседозволенности, а стильно одетые люди в резиновых сапогах выглядят неизменно эпатажно. А уж про полезность резиновой обуви сказано-пересказано. Даже Михаил Булгаков не преминул отметить в повести «Собачье сердце»: «Вы, господа, напрасно ходите без калош в такую погоду, — перебил его наставительно Филипп Филиппович. — Во-первых, вы простудитесь, а во-вторых, вы наследили мне на коврах, а все ковры у меня персидские...»

В России мировая мода на дизайнерские резиновые сапоги проявилась лишь недавно. Причиной тому стали снежные и не очень холодные, со многими оттепелями, зимы. Но вне зависимости от погодных условий наша любовь к резиновым сапогам носит весьма специфический характер. Ведь резиновым сапогам можно отвести отдельную главу в истории нашей страны. Если в западных странах резиновые сапоги вызывают в уме образ охотников, фермеров, путешественников, то в России резиновые сапоги в первую очередь ассоциируются с лесоповалом, местами лишения свободы, в лучшем случае с командировкой в подшефный колхоз, уборкой картофеля студентами, выездом на овощную базу научных сотрудников. А корпулентные тетki в оранжевых безрукавках, укладывающие шпалы? Эти несчастные, бывшие совсем недавно «гордостью» развитого социализма, очень бы пове-

селились, скажи им кто-нибудь, что зарубежные кинодивы шеголяют в купленных за сумму, превосходящую их годовую зарплату, резиновых сапогах. Так что единственное приятное воспоминание о резиновых сапогах — это детство. Хотя раньше они и были поскромнее, чем сегодня, но все же — яркими, цветными, а самое главное, лишь в них и только в них разрешалось до одури шлепать по лужам.

Вообще же резиновым сапогам нет и двухсот лет. Это XIX век дал миру технологию производства синтетического каучука, что сделало возможным производство резиновой обуви. Началось все на самом деле с калош. Причем сразу после появления эта практичная обувь стала не только предметом первой необходимости, но и символом шегольства. Особенно — среди деревенских жителей, которые калоши носили не столько в сырую погоду, сколько из-за желания помодничать, причем чаще других — молодые женщины, шеголеватые парни и молодые мужчины из зажиточных семей. Особенно быстро стали распространяться калоши среди деревенских парней, для которых атрибуты «чужого» городского мира служили доказательством умения зарабатывать и тратить деньги. Вот что пишет Владимир Иванович Немирович-Данченко в очерках об Архангельске: «В окрестностях Архангельска деревенские парни ходили по праздникам в черных сюртуках, в калошах, с дождевыми зонтиками в руках при совершенно сухой и ясной погоде, в необыкновенных галстуках, давивших им горло». О том же писал и Антон Чехов. Вспомним гениальную повесть «В овраге»: «Сын сельского фабриканта Анисим Цыбукин приехал домой за три дня до своей свадьбы во всем новом. На нем были блестящие новые калоши, и вместо галстука красный шнурок с шариками». Примерно такое же описание сельского шеголя мы встретим и у Глеба Успенского в «Нравах Растеряевой улицы», где описан костюм молодого самоварщика, собравшегося на богомолье: «Он был одет во все новое. Несмотря на жару, на голове драповый картуз; на плечах, кроме сюртука, — драповая же ватная чуйка с бархатным высоким воротником, шея повязана носовым платком, узкие выростковые сапоги, надетые на шерстяные чулки, и, наконец, глубокие калоши».

Да, калоши пришли в деревню из города и стали модной деталью костюма, знаком сельского пижонства. В городской же среде калоши в первую очередь были символом достатка, их отсутствие — знаком бедности. У Чехова можно найти массу примеров, когда подчеркивается бедность героя именно тем, что у него не было этой важной детали гардероба. Например, в описании бедного студента: «Молодой человек, лет восемнадцати, с овальным как яйцо, безусым лицом, в поношенном облезлом пальто и без калош старательно вытирает свои большие неуклюжие сапоги о подстилку, причем старается скрыть от горничной дырку на сапоге, из которой выглядывает белый чулок».

Конечно, калоши стали сегодня анахронизмом. Придя в деревню из города, они так там и остались. Придумали их то ли индейцы Южной Америки, которые погружали ноги в каучук, то ли древние галлы, которые для защиты от грязи носили футляры для обуви — «gallicae». В любом случае рождением защитной обуви мы обязаны появлению каучука. В XIX веке вся резиновая промышленность выпускала в основном калоши. В 1792 году англичанин Самуэль Пиль запатентовал свой метод изготовления тканей, пропитанных скипидарным раствором каучука, а через десять лет другой англичанин, сапожник Рилли, изготовил из такой ткани первые чехлы для обуви, похожие на лапти, которые надевались поверх туфель и сапог, они-то, скорее всего, и стали прототипом калош. Осенью они были незаменимы, но летом начинали плавиться, а в мороз, напротив, — трескаться. Эту проблему пытался решить в 1823 году Чарлз Макинтош, открывший знаменитую фирму по производству плащей-дождевиков. Он смешивал каучук с различными наполнителями (сажей, маслами, серой), пытаясь изменить его свойства. И лишь в 1839 году американский исследователь Чарлз Гудьир, случайно нагрев кусок такой ткани, открыл метод вулканизации, с помощью которого каучуковую смесь превращают в резину.

...В 1859 году в Петербург прибыл немецкий предприниматель Фердинанд Краускопф, который открыл там фабрику резиновых изделий, ставшую вскоре самым известным производителем калош в России, а затем и в СССР, но уже

под названием «Красный треугольник». В 1860 году фабрика выпускала до тысячи пар калош в день. Вскоре она начала экспортировать свои изделия в Европу...

Незаменимыми и всегда востребованными калоши остаются в Азии и на Кавказе. Их носят как на босу ногу, так и на сапоги, называемые «ичиги». В российских деревнях калоши тоже не выходят из моды, а валенки с калошами вещь незаменимая. «Без галош элегантнее — это ложь! Вся элегантность от наших галош» — такой слоган придумал когда-то Владимир Маяковский для «Росрезинотреста», использовавший, как видим, вариант «галоши».

Если сапоги вернулись в моду, почему бы не вернуться и калошам? А заодно, кстати, и ботикам. Эти резиновые изделия надевались поверх выходной обуви и были, так сказать, двухсоставными: низ — из резины, по типу калош, верх — из войлока тонкой выделки или из кожи, с подкладкой или без. Верх ботика застегивался на особые пуговицы, а в стельке имелась специальная выемка для каблука. Помочь даме снять или надеть ботинки считалось большой честью. И гимназистки сбивали, как в песне поется, рыхлый снег с каблук, скорее всего, ботинок. Пик популярности ботинок — начало XX века. Конкуренции с валенками после революции эта буржуазная обувь не выдержала, хотя некоторые дамы хранили свои ботинки и даже передали их по наследству. Удивительно, но второе рождение ботинок, уже полностью резиновых, пришлось на годы, когда Советский Союз вернулся к раздельному обучению в школах мальчиков и девочек. Из чего, конечно, не следует, что без раздельного обучения ботинок нам не дожидаться. Ведь мода, как известно, капризная штука.

...Согласитесь, любой человек хочет выглядеть привлекательно при любой погоде. Осенью и весной, в городе и на природе в дождливую, слякотную погоду комфортнее будет, конечно, в резиновых сапогах, а еще приятнее и комфортнее будет в модных и красивых сапогах. А мировые бренды очень даже впишутся в наш деревенский пейзаж. Ведь сапоги и калоши уже пришли однажды в деревню из города...

Думается, что скоро мы будем шеголять по городским улицам и в калошах. В Европе они никогда не выходили из

моды. И самые что ни на есть пижоны надевали и продолжают надевать калоши поверх элегантных туфель, дабы не замочить, не испортить, да и, как говорил профессор Преображенский, не испачкать персидские ковры. Ведь по большому счету главное — не сесть в калошу.

Шуба-дзубба блюз

— Прекрасный мех! — воскликнул он.

— Шутите! — сказала Эллочка нежно. — Это мексиканский тушкан.

— Быть этого не может. Вас обманули. Вам дали гораздо лучший мех. Это шанхайские барсы. Ну да! Барсы! Я узнаю их по оттенку. Видите, как мех играет на солнце!.. Изумруд! Изумруд! — тотчас отозвался Остап Бендер.

Эллочка сама красила мексиканского тушкана зеленой акварелью, и потому похвала утреннего посетителя была ей особенно приятна.

Илья Ильф и Евгений Петров. Двенадцать стульев

Несмотря на апокалипсический прогноз о наступающем глобальном потеплении, зимы все еще выдаются настоящие. А еще с обильными снегопадами и, главное, прореженные вереницей праздников и растянутыми, прошедшими под изрядным хмельком зимними каникулами. Посему часто вспоминался чеховский рассказ «Ряженые»: «Вечер. По улице идет пестрая толпа, состоящая из пьяных тулупов и кацавеек».

Только нынче встретить тулупы и кацавейки затруднительно. Как, впрочем, и настоящие меховые шубы и шапки. Пришла синтетика. Меховые шапки уступили место вязаным шерстяным, утепленным бейсболкам, кожаным картузам с подбоем из цигейки. Куда подевались каракулевые «пирожки» самого-самого большого начальства, куда — пыжиковые номенклатурные, ондатровые для чиновников средней руки, кроличьи для всех прочих шапки? Ведь даже кроличьи сдергивали с голов подвыпивших граждан. Как

когда-то сдернули перед самым Новым годом ондатровую шапку у соседа, инженера-нефтяника: «поддал» на работе, припозднил, подкараулили во дворе. Ну, благо у нефтяников деньги водились всегда. И на следующий день сосед купил очень похожую на базаре, за сто рублей. Вернулся домой счастливый, вроде бы — недорого, а тут жена возьми да огорош: оказывается, купил свою же, на подкладке жена когда-то вышила его инициалы...

Что же касается шуб, то из них когда-то лихие люди обладателей вытряхивали. И потеря шубы посерьезней потери шапки. Ведь еще с языческих времен шуба была символом семейного счастья и благополучия. Да и после принятия христианства исполняли старинный свадебный обряд. Молодых усаживали на разостланную на полу в красном углу овчинную шубу, приговаривая: «Шуба тепла и мохната, жить вам тепло и богато!» Затем шубу укладывали в сани и отправляли молодых под венец. Свекор и свекровь встречали их в доме жениха, надев шубы мехом наружу.

Первое письменное упоминание о шубах на Руси датируется 1368 годом, а произошло слово «шуба» от арабского «джубба». Так в Средние века арабы называли длиннополую суконную одежду с рукавами. Шили шубы мехом вовнутрь, а по покрою различали русские, с меховым отложным воротником, и турецкие или польские, с воротником узким и застежкой у шеи.

В царском гардеробе XVI—XVII веков держали шубы для выезда, приемов, свадеб. На пиру царь бывал в столовой шубе из беличьего меха, покрытой белым аксамитом (то есть дорогой шелковой тканью восточной работы). Белый цвет означал расположение к гостям. Царь и бояре много часов проводили на приемах и застольях, изнемогая от жары.

Были так называемые шубы нарядные и санные. В нарядных ходили в церковь, в гости, во дворец или надевали их, принимая гостей у себя дома. В санных шубах по зиме отправлялись в дорогу. Бояре, как правило, облачались в дорогие шубы из соболей и лис — черно-бурых, черных, серых и «сиводушчатых», то есть сибирских лис с темно-сивыми горлом и грудью. А то обходились шубами из куниц и белок. Зажиточные крестьяне могли себе позволить —

далеко не всегда — шубу из овчины или меха кролика — как правило, одну-две на семью. Шубы покрывали тканью, или они были нагольными, то есть шились мездрой наружу. Ценность шубы зависела еще и от качества самого меха. Шубы были, по выражению историка Н. И. Костомарова, «самым нарядным платьем для русского... Случалось, что русские не только выходили на мороз, но сидели в них в комнатах, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство».

К «семейству шубных» относится тулуп, на Руси известный с XVI века. В тюркских языках «тулуп» — мешок без швов, из цельной выделанной шкуры. Длинный, до пят, с широким отложным воротником, без застежек, тулуп надевали поверх кафтана, армяка, шубы, отправляясь зимой в дальнюю дорогу или для несения караула. Его подпоясывали кушаком, запахивали или носили нараспашку. До революции 1917 года черный необъятный тулуп служил зимней униформой и петербургских и московских дворников. От монголов русским досталась сибирская доха, которую сами монголы называли «ягой». Шили из жеребьячьих и телячьих шкур мехом наружу. Дохи из волчьих и собачьих шкур имели мех снаружи и изнутри. Надевали доху тоже поверх обычной шубы и не застегивали, а запахивали. Доха спасала от лютых морозов жителей Урала, Сибири и Дальнего Востока. Если с тулупом обычно носили «треух», то к дорожной шубе часто одевали не шапку, а шляпу, котелок, высокий блестящий цилиндр. Кстати, к тем временам, когда носили цилиндры, относится и наблюдение из рассказа Антона Чехова «Ряженые»: «В ложе сидит красивая полная барыня; лета ее определить трудно, но она еще молода и долго еще будет молодой... Одета она роскошно. На белых руках ее по массивному браслету, на груди бриллиантовая брошь. Около нее лежит тысячная шубка. В коридоре ожидает ее лакей с галунами, а на улице пара вороных и сани с медвежьей полостью... Сытое красивое лицо и обстановка говорят: “Я счастлива и богата”. Но не верьте, читатель! “Я ряженая, — думает она. — Завтра или послезавтра барон сойдется с Nadine и снимет с меня все это...”»

В провинции, где жизнь более сурова, от зимней стужи, особенно в дальних поездках на лошадях, берегли шубы на

волчьем и медвежьем меху. Пешком в них не ходили: их невероятные тяжесть и длина делали это невозможным. Добрую память о себе оставили романовские шубы и полушубки из шкуры знаменитых романовских овец. Эти шкуры имели очень густую и не очень волнистую шерсть и дубились мягко, по-особому. Красили их в черный или коричневый цвет. Шили шубы нагольным способом, то есть не покрывали сверху тканью. Они имели отрезную «гусарскую» спинку из трех частей, которая ниже талии была на сборках. Застегивалась такая шуба на крючки как на левую, так и на правую стороны. Воротник отложной или стойкой. Меховые нашивки, тиснение с вышивкой в два цвета по борту и по краям рукавов и карманов придавали романовским шубам нарядный вид. Романовские шубы и полушубки были в основном в провинциальном обиходе; столичные жители надевали их, отправляясь на охоту. В Первую мировую войну в них облачились фронтовые офицеры, военные врачи, сестры милосердия, сотрудники земского и городского союзов.

Пришлась ко двору в России и бекеша, теплая верхняя одежда родом из Венгрии, названная так по имени командующего пехотой в войске польского короля Стефана Батория. Облицованная сукном или габардином серого или коричневого цвета, во время войны — цвета хаки, обычно на овчине или, в начале XX века, на меху кенгуру, со строгим воротником серого каракуля, сюртучного покроя, с отрезной талией, с разрезом сзади от самой талии и на крючках, бекеша подчеркивала стройность и молодцеватость военных. Недаром в годы Великой Отечественной войны она вернулась в армию в качестве зимней нестроевой формы полковников и генералов.

И тулупы, и бекешы, и в особенности шубы, помимо своей основной цели защитить от холода, всегда были своеобразной сословной меткой. Мех служил не столько для защиты от холодов, сколько для демонстрации положения в обществе. Морозной пылью бобровый воротник мог серебриться лишь у богатого молодого повесы, наследника всех своих родных. Легкая норковая или соболья шубка согревала далеко не каждую молодую красавицу. В советские времена шуба, оставаясь социальным знаком и предме-

том мечтаний, практически полностью стала женской верхней одеждой.

Шубы перешивали и перекраивали, ушивали, укорачивали. Они переходили по наследству. Женщина, обладавшая заветными мехами-шубами, ощущала себя королевой. Одна, как говорится, дама в возрасте, хорошо помнящая шубный дефицит, рассказывала, как в начале 60-х годов летом зашла в ныне закрытый меховой магазин на Арбате и увидела только что вывешенную на продажу шубку из каракульчи. Сто тридцать рублей! Немалые по тем временам деньги. Продавец, солидный, седовласый, чуть наклонился: «Вы еще думаете?» Шубка жива до сих пор, хотя и потеряла немного по длине. А знаменитый московский меховой закройщик получал не меньше, скорее — больше академика, был желанным гостем на всех премьерах «Современника», обладателем «волги» цвета «кофе с молоком».

Шубный дефицит породил и такой анекдот: «Богатый одессит приходит к директору московского мехового магазина и просит организовать ему норковую шубу для жены. Выясняется, что шуб нет. “Тогда я покупаю две норковых шубы — одну своей жене, другую — вашей...”»

Неудивительно, что одним из признаков «демократизации и гласности» стали организованные выезды за границу за шубами. И волна шуб-туров еще не прошла! Так, одна молодая особа каждый год отправляется в Грецию за шубами. Покупает исключительно дорогие, некрасивые шубы, этакие шубы-клевш или «полусолнце», длинные, до пят. Одну оставляет себе, другие идут на продажу. Передвигаясь в огромном джипе от подъезда до подъезда, особа шубу начинает носить с конца октября. Так сказать, «для престижу»: работает косметологом-массажистом и шуба ей нужна для привлечения богатых клиенток, которые, видя висящее на вешалке сокровище, понимают — этот косметолог-массажист одного с ними поля ягода, ему можно доверять.

Собственно, каждому жителю бывшего СССР есть что вспомнить о своем меховом, пушистом прошлом. О заветной ли дубленке, о вожаденной ли шубе, о шапке из кролика, или тулупе из овчины. Многие могут начать рассказ о первой шубе словами «А вот у меня в детстве была...». И у меня

была темно-коричневая шуба. Вот только — из искусственного меха. Легкая и мягкая, удобная, но я ее не любила и не очень берегла. Нравилось, когда на меня надевали пальто или куртку. И еще в детстве казалось, что люди в шубах какие-то другие, им нельзя делать то, что могут делать другие дети — бегать, кататься с ледяной горки, играть в хоккей, а шубу надо беречь, хоть и досталась первая — она же по сей день и последняя — в наследство от старшей сестры. Сестра проносила шубу не меньше пяти лет, и мне хватило аж на два сезона! С тех пор наши с шубами пути разошлись и не сойдутся до сих пор...

Кстати, искусственные меха появились примерно тогда же, когда многие начали выкидывать на помойку старую мебель, покупать румынские стенки, треугольные журнальные столики и гэдээрэшные низкие кресла с гнутыми фанерными подлокотниками. Из коммуналок люди переезжали в малогабаритные, но отдельные квартиры, куда не влезал старый комод. И казалось, что в этой якобы новой жизни нет места старым, «натуральным» шубам. Искусственные меха и шубы из них были сначала заграничными, но в ноябре 1964 года в СССР впервые в продаже появились женские шубы из искусственного меха. Это было наследство от находившиеся уже на пенсии Никиты Хрущева, страстного поклонника «синтетики». Натуральный мех, столь вожеленный для многих, стал казаться скучным и недемократичным. Мода на искусственные шубы и искусственные меха захватила абсолютно всех, даже людей, имеющих возможность покупать вещи из натурального меха. Несколько лет советские модницы облачались в шубы из искусственной норки, а мужчины носили шапки из искусственного каракуля. Но мода на искусственный мех у нас закончилась так же внезапно, как и началась.

Ввиду дефицита и нехватки средств массовым спросом в СССР пользовались скорее не шубы, а меховые аксессуары — меховая оторочка, воротники, меховые манжеты и даже муфты. И конечно — меховые шапки. Вспомним огромную меховую, похожую на эскимосское иглу шапку Гали, героини «Иронии судьбы». Видимо — песцовую. А вот Ипполит, несмотря на солидность и дорогой меховой воротник добротного пальто, моется под душем в шапке кроличьей...

Если на «целую» шубу средств не хватало, то на выручку приходила так называемая «маленькая норка», то есть меховой воротник. По величине и пушистости таких воротников тоже можно было судить о достатке сограждан. Воротники, как и шубы, реставрировали, холили и лелеяли. Пальто, как правило, менялось чаще, нежели воротник. Воротник, переходил от одного пальто к другому, переходили они и по наследству: их до сих пор можно обнаружить в каком-нибудь сундуке.

По меху можно было определить не только статус, но и возраст обладателей меховых изделий. Песец и волк вроде считались молодежным мехом. Норку, каракуль, нутрию любили женщины постарше. Сегодня, однако, мехолюбивая молодежь, изменив нежному песцу и волку, кутается в «возрастную» норку...

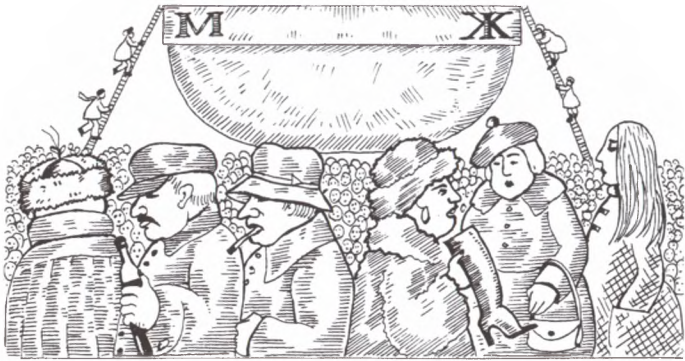
«Хорошо мне в моей стариковской шубе, словно дом свой на себе носишь. Спросят — холодно ли сегодня на дворе, и не знаешь, что ответить, может быть, и холодно, а я-то почему знаю? Есть такие шубы, в них ходили попы и торговые старики, люди спокойные, несуетливые, себе на уме — чужого не возьмет, своего не уступит, шуба, что ряса, воротник стеной стоит, сукно тонкое, не лицованное, без возрасту, шуба чистая, просторная, и носить бы ее, даром что с чужого плеча, да не могу привыкнуть, пахнет чем-то нехорошим, сундуком да ладаном, духовным завещанием. Купил я ее в Ростове, на улице, никогда не думал, что шубу куплю. Ходили мы все, петербуржцы, народ подвижный и ветреный, европейского кроя, в легоньких зимних, ватой подбитых, от Манделя, с детским воротничком, хорошо, если каракуль, полугрейках, ни то ни се. Да соблазнил меня Ростов шубным торгом, город дорогой, ни к чему не приступишься, а шубы дешевле пареной репы», — писал в начале XX века Осип Мандельштам. Этот век, по выражению Осипа Эмильевича — «век-волкодав», как ни странно, вернул интерес к шубам.

Причиной тому стало изобретение автомобиля. Первые авто, появившиеся на улицах европейских столиц, были открытыми и требовали более теплой одежды. Кроме того, дамам-пассажирам, а тем более — севшим за руль хотелось

покрасоваться и подчеркнуть свое богатство. Так в моду снова вошли шубы из длинношерстных мехов — лисы, опосума, соболя, горного козла, волка или енота. Тогда же, в начале XX века, среди звезд Голливуда появилась мода на «королеву мехов» — норку, так что ее разведение превратилось в выгодный бизнес для многих американских фермеров, а за ними и для всего остального мира. С тех самых пор норка в гардеробе женщины считается признаком успешности и богатства. В начале века из нее шили пелерины и накидки, в шестидесятые французские модельеры в своих экспериментальных коллекциях представляли публике костюмы, жакеты и юбки из норки. В восьмидесятых модельеры представили миру шикарные манто из норки, которые были по карману только очень состоятельным дамам. Но вскоре наскучило и это, и норка вновь ушла из мира моды. И лишь в конце 90-х норка вновь стала популярной, но уже в новом обличье: шубы начали стричь, выщипывать, красить во всевозможные цвета, выжигать кислотой, облегчать и смягчать мех, закручивать и даже инкрустировать и украшать жемчугами и стразами.

Шуба, окончательно утратив свои функциональные преимущества, прочно перешла в разряд престижа и роскоши. Как ни крути, но, без сомнения, одежда из меха и кожи остается свидетельством финансовой успешности и респектабельности. Появление современных синтетических тканей и материалов позволяет создавать одежду гораздо более функциональную. Куртки на синтепоне и пуховики на гагачьем пуху прекрасно спасают от зимних холодов, в них и гораздо удобнее, как детям, так и взрослым, но в такой одежде в глазах многих своих сограждан ты будешь выглядеть неудачником, лузером. Да и чтобы отличить успешную женщину от «неудачницы», надо лишь бросить взгляд на даму — будь то на улице или на какой-нибудь модной вечеринке — и увидеть на ней столь вожеленный женский атрибут — шикарную шубу. Ведь бытует мнение, что, надев шубу, женщины якобы становятся более утонченными, женственными, сексуальными. Для многих «купаться» в густом и шелковистом меху — верх блаженства...

...В один из декабрьских, морозных дней, москвичам и «гостям столицы» посчастливилось наблюдать прелестную картину на площади Белорусского вокзала: молодая особа с роскошными русыми волосами, в роскошной норковой шубе, в роскошном серебристом джипе-«мерседесе» с опущенным стеклом лузгала семечки и выплевывала шелуху на мостовую. Мечты, судя по всему, у этой барышни сбылись на все сто... Утонченность, женственность и сексуальность этой особы оставались на мостовой в виде шелухи от подсолнуха... Мех, да и только!

Выход есть, или Общественные туалеты
как зеркало русской души

Не лсти себе — подойди поближе!

Надпись над писсуаром

Се павильон уединенный...

По приблизительной оценке, в Москве — один общественный туалет на 50 тысяч человек. В Древнем Риме один приходился на 5 тысяч. Может ли современный москвич почувствовать себя древним римлянином?

Что ж! Несмотря на то что пропорции говорят не в нашу пользу, ответ однозначный: наш человек конечно же может почувствовать себя древним римлянином — с имперским духом у нас полный порядок. А вот сортиров маловато. И много-много связанных с этим проблем.

Скорее всего, неправильно устанавливать прямую зависимость между культурой, с одной стороны, и количеством и обустройством отхожих мест — с другой. Прямые зависимости — обычно плод мысли излишне рьяного публициста. Но какая-никакая зависимость все же существует. И общественные туалеты есть пусть кривое, пусть шербатое, пусть

опосредованное, но зеркало нас самих. Правда, повествовать о туалетах, тем более о различных обычаях пользования оными — значит рисковать быть обвиненным в вульгарности. Или, если сделать акцент на тех надписях, что украшают стены туалетов, — в некоторых особенных психических отклонениях. Назовут эротоманом с уклоном в виртуальную копрофагию — не отмоешься. Но опять же таки есть надписи, что отражают кросскультурное общественное сознание, а есть уникальные, отражающие жизнь одной конкретной страны в конкретное время.

Вспомним хотя бы героя автобиографической повести Юрия Нагибина, который в первую послевоенную зиму едет к находящемуся в ссылке отцу и, зайдя на станции Кемь в привокзальный сортир, видит на заиндевевшей стене — высоко, почти под потолком — сделанную дерьмом надпись: «Гитлер — сука!» Именно тогда герой понял: наш народ непобедим. Понял ни раньше, ни позже. Именно тогда...

Но собственно, с туалетами всегда и везде случались проблемы. Скажем — в сельской местности. Об этом выпукло писал Ярослав Гашек в «Похождениях храброго солдата Швейка во время мировой войны»: «Уборная представляла собой обыкновенную маленькую деревянную будку, уныло торчавшую посреди двора неподалеку от навозной кучи. Это был старый ветеран, там отправляли естественные потребности многие поколения. Теперь тут сидел Швейк и придерживал одной рукой веревочку от двери, между тем как через заднее окошечко ефрейтор смотрел ему в задницу, следя, как бы он не сделал подкопа».

Хотя представляется, что именно в России к туалетам отношение слишком брезгливое. Мы как бы выше этого. Стыдимся самого факта, что такие Божьи создания, как мы, в своей телесности можем извергнуть из себя нечто нечистое. Именно от брезгливости, от того, что мы сами себе отказываем в неотъемлемом биологическом праве, нам эта брезгливость, этот отказ о того, от чего отказаться никак невозможно, и мстят. Мстят через грязь, через недостаток сих столь необходимых человеку заведений, через их устройство, отстающее от передовой туалетной мысли на столетия. Если не на тысячи лет.

От Веспасиана до московских кабинок

Те же римляне строительство города начинали с водопровода и канализации, над которыми выстраивали свои форумы, храмы и театры. Это они ввели в обиход выражение «Деньги не пахнут!», когда император Веспасиан заставил посетителей Колизея платить за пользование туалетами (в Колизее их было по шесть на каждую трибуну) и сунул сыну, будущему императору Титу, под нос полученные от посетителей сестерции. У нас же обычно все наоборот. Видимо, римляне могли принять человека, даже простолюдина, в его, так сказать, комплексном виде. У нас же человек слишком долго был всего лишь общественной функцией, а у функции нет потребности в туалете.

Кроме того, брезгливость — родная сестра отсутствия чувства юмора. Лишь в «Заветных сказках» Афанасьева присутствует эта стыдная тема. Обсмеять столь ранящий чувствительные души телесный низ, тем самым сделав его нестыдным, может далеко не всякий. Тут самое время вспомнить Боккаччо, и памятуя, что этот писатель Раннего Возрождения был далеко не одинок в обращении к теме туалетов, отметим: Европа веселилась и зубоскалила всегда над тем, что у нас оставалось почти под запретом. Во все времена.

И это тогда, когда в Праге, крупнейшем европейском городе XIII века, туалеты в лучшем случае были обустроены как дырка в сильно выступающем над улицей балконе второго или третьего этажа. Несчастный прохожий должен был обладать хорошим слухом, чтобы в уличном шуме различить звон колокольчика или предупреждение: «Летит!» Именно так по распоряжению городских властей владельцы туалетов-балконов должны были предупреждать сограждан об опасности.

А вообще — не только в Праге, а и во всех городах Европы того времени, — царила чудовищная антисанитария. Европейские города буквально тонули в нечистотах. Вплоть до середины XIX века. Именно тогда в Лондоне, где эпидемии холеры ежегодно уносили до двадцати тысяч жизней,

была построена канализация, и эпидемии пошли на спад. До канализации в лучшем случае обходились выгребными ямами. От которых, особенно от больших, обустроенных прямо под зданием, пришлось отказаться после трагедии 1183 года, когда в Эрфуртском замке пол главного зала проломился и император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса с баронами и графами упал в устроенную под замком яму с нечистотами. Императора спасли, а те графы и бароны, что выплыли сами, перешли на систему отвода нечистот по желобам за стены замков (у кого они имелись) во рвы, окружавшие крепостные стены. Вот идущим на приступ врагам было хорошо! Как и захавшим к соседу в гости другим баронам и графам. Ведь чужое, как известно, пахнет сильнее.

Долгое время даже особы «голубых кровей» пользовались в лучшем случае ночными горшками. Многие замки и дворцы были просто-напросто лишены такого удобства, как туалет. И лишены, кстати, до сих пор. Например, один замок в Честершире, Англия, выставленный на продажу в конце 2011 года, не только лишен туалетов (и, между прочим, водопровода), но будущему владельцу, решившемуся выложить за замок от 12 миллионов фунтов стерлингов, придется смириться с тем, что туалетов там и не будет. Иначе придется прокладывать коммуникации, перестраивать исторические интерьеры, а это запрещено по британским законам в том случае, если здание объявлено историческим наследием.

...Однако именно для венценосной особы был изобретен первый унитаз со сливным бачком. Это сделал около 1596 года сэр Джон Харрингтон для королевы Елизаветы I. Свое изобретение автор назвал «Аякс» и подробно описал его в книге «Метаморфозы Аякса», перечислив все использованные материалы и цены на них. Цена на унитаз Харрингтона была по тем временам высокой (шесть шиллингов и восемь пенсов), но ватерклозеты не получили распространения не из-за дороговизны, а из-за отсутствия в Лондоне водопровода и канализации. В деле проектирования унитазов застой царил почти двести лет, пока в 1738 году не

был создан туалет со смывом клапанного типа, а несколько позже Александр Каммингс не предложил водяной затвор, решавший проблему неприятных запахов. В 1777 году Джозеф Прейзер спроектировал смывной бачок с клапаном с рукоятью, а когда Томас Креппер, обладатель нескольких патентов за сантехнические изобретения, изобрел устройство дозированного слива воды, туалет приобрел практически современный вид. Креппер, кстати, вошел в историю не только как выдающийся изобретатель, но и как человек, чья фамилия породила сленговое словечко стар, переводимое как «дерьмо».

Самые древние прообразы современных туалетов, в которых имела система смыва нечистот водой, были обнаружены на Оркнейских островах у побережья Шотландии. Их возраст около 5000 лет.

Древнейшему в мире унитазу более 2000 лет. Создан он был, по мнению экспертов, примерно в 50–100 годах до нашей эры в Китае. Первый общественный туалет был установлен в Лондоне в 1852 году. Серийное производство фаянсовых унитазов — прежде и слова-то такого не было, — впервые предприняла в 1908 году испанская фирма «Унитас», или — «Единство»...

Но «Единство» единством, а с туалетами обычно происходит что-то не то во времена разнообразных катаклизмов, общественных и социальных потрясений. Об этом писал Жозе Сарамага в романе «Слепота». Это в прямой связи с тем, что происходило у нас после Гражданской войны, отмечал и Михаил Булгаков в «Собачьем сердце», да так, что слова его стали одной из самых популярных в России цитат: «Что такое эта ваша “разруха”? Старуха с клюкой? Ведьма, которая выбила все стекла, потушила все лампы? Да ее вовсе не существует! Что вы подразумеваете под этим словом? Это вот что: если я, вместо того чтобы оперировать, каждый вечер начну у себя в квартире петь хором, у меня наступит разруха. Если я, ходя в уборную, начну, извините меня за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной получится разруха. Следовательно, разруха сидит не в клозетах, а в головах!»

Наше нынешнее туалетное состояние немногим отличается от европейского Средневековья. Несмотря на отдельные успехи, принцип дощатой будки над выгребной ямой остается превалирующим. Со всеми вариациями. Например, трасса М-4 «Дон», Москва — Воронеж — Ростов-на-Дону, далее — везде, обустроена такими, правда, сложенными из кирпича туалетами. Стоят они по обочинам, без дверей, по соседству с автобусными остановками. Немудрено, что те, кому приспичило, выбирают придорожные кусты. Правда, по мере движения к югу кусты становятся все реже и реже, степь да степь кругом...

Кстати, в обустройстве российских туалетов помимо безгливости нашло отражение еще одно российское свойство: презрение к женщине. Там, где мужчина и сможет исхитриться, женщина спасует. Даже выставленные на улицы Москвы переносные туалеты, вроде бы последнее слово отечественной туалетной техники, рассчитаны только на сильную половину человечества. К тому же неустойчивость многих из них заставляет каждый раз вспоминать про печальную участь рыцарей императора Фридриха. Высота же «стульчака» такова — простите за столь подробные детали! — что воспользоваться им может как минимум обладательница первого разряда по спортивной гимнастике. В связи с этим тему про туалеты для инвалидов лучше вообще не поднимать. Инвалидам у нас из дома выходить не рекомендуется.

Но все ли так плохо? Нет, конечно. Есть прогресс и на этом направлении. В московских кафе, особенно в «продвинутых», идет настоящее соревнование, кто лучше, «прикольнее», «стильнее» оформит туалет. Некоторые туалеты в провинциальных городах строятся с таким размахом и шиком, оставаясь при этом совершенно бесплатными, что создается впечатление, будто уроки Веспасиана прошли даром. Но успехи на отдельных направлениях не могут исправить положения на всем фронте. Именно — фронте. Каждый из нас — участник этой войны. Войны за право на свою биологическую природу. И пока мы проигрываем сражение за сражением...

Дым Отечества

И тотчас вошла и она, тоже покачиваясь на каблучках туфель без задка, на босу ногу с розовыми пятками, — длинная, волнистая, в узком и пестром, как серая змея, капоте с висящими, разрезанными до плеча рукавами. Длинные были и несколько раскосые глаза ее. В длинной бледной руке дымилась папироса в длинном янтарном мундштуке.

Иван Бунин. Пароход «Саратов»

Папиросы окончательно вышли из моды. Осталось несколько сортов, качество которых не одобрил бы один большой специалист и любитель крепкого табака — корифей всех наук. Однако ностальгический дымок еще поднимается над советской историей и нашим утраченным бытом.

Существует устойчивый миф, будто И. В. Сталин папиросы «Герцеговина Флор» не курил. Он отламывал гильзу-мундштук, раздавливал своими крепкими пальцами курительную часть, набивал этим табаком трубку, чиркал спичкой, окутывался клубами ароматного дыма. И только потом поворачивался к благоговейно молчавшим товарищам и, лукаво прищурившись, спрашивал: «А что нам скажет товарищ Жуков?»

И хотя имеются свидетельства, что генералиссимус втайне от других любил подымить гаванской сигарой (недаром на «ближней» даче, на столике возле его любимого дивана до сих пор стоит пепельница со «сталинскими», давно иссохшими гаванскими сигарами), да и хороший трубочный табак уважал, все-таки папиросы марки «Герцеговина Флор» занимают важное, если не первое место в иерархии папирос.

Недаром великий пролетарский поэт Маяковский писал про эту марку: «Любым папиросам даст фор “Герцеговина Флор”». И получил не только гонорар от фабрики «Ява» (бывшая Государственная табачная фабрика № 2, бывшая «Габай»), но и мировое признание как мастер рекламного

слогана на международной художественно-промышленной выставке в Париже в 1925 году, где сами папиросы получили серебряную медаль. Как-никак — первый сорт. Сколько стоили эти папиросы во времена Маяковского, нам не известно, а вот в ценах 1951 года — почти восемь рублей. Большие деньги.

На другой, противоположной, точке шкалы когда-то располагались папиросы «Бокс» и «Ракета». То был так называемый «седьмой класс», ныне давным-давно забытые сорта. В ценах 1951 года — 47 копеек за пачку. Их курили или солдаты, которые получали эти папиросы в качестве табачного довольствия, или деклассированные элементы, или те, кто испытывал серьезнейшие денежные затруднения, а курить хотелось. Так, в фильме «Собачье сердце» «Бокс» курил Шариков (в повести Булгакова нет упоминания предпочитаемой бывшим псом марки папирос), а у Анатолия Рыбакова в «Кортике» — трудколониист Коровин. «Бокс» наряду с «Птичкой» и «Фиалкой» относился к самым ходовым табачным продуктам еще начала XX века, и эта марка просуществовала до середины 50-х. Позже на смену «Боксу» пришел «Прибой». Тот же класс, тот же табак, вернее, обрезки больших табачных листьев — то, что оставалось в качестве отхода при производстве сигар. Это про папиросы «Прибой» пели: «Выкуришь полпачки, встанешь на карачки, сразу ты становишься другой!»

Между «Герцеговиной Флор», с одной стороны, и «Боксом» и «Прибоем» — с другой, располагалось все многообразие нашего папиросного мира. Уникального, если учесть, что впервые сигареты в СССР начали выпускать только в 1947 году, на все той же фабрике «Ява». Конечно, на вывезенном из побежденной Германии оборудовании, на так называемых сегатерных машинах. Да, это было удивительное пространство, в котором существовали традиции, своеобразная преемственность («Нами оставляются от старого мира только папиросы “Ира”»), стиль, правила, свой этикет, основы которого были заложены более трехсот лет назад.

Первые rapilitos появились в Центральной Америке, в испанских колониях, в XVII веке. Собственно, курить

табак, завернутый в кусочек бумаги, было и удобнее, и практичнее, чем трубку или сигары, цены на которые уже тогда «кусались». Да вот беда — бумага была далеко не так распространена и тоже недешева. И хотя в своих мемуарах Казанова писал об испанских крестьянах, куривших *sigaritos* с бразильским табаком, впервые папиросы и сигареты шагнули в мир со времени Крымской войны.

Войны, как известно, служили толчком не только к развитию орудий убийства. Консервы, папиросы... Всему этому мы обязаны войнам. И поколение, прошедшее войну, войну Великую Отечественную, хорошо запомнило строки Николая Майорова:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете как миф
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

Раздел между Востоком и Западом проходил в те, а также в последующие годы в том числе и через потребление табака. Завернутый в тонкую, «папиросную» бумагу табак, так сказать, присоединенный к картонному мундштуку, во Франции имевший название «русской сигареты», был скорее экзотикой и вскоре вышел из моды. А в России завернутый в тонкую бумагу табак, но без картонного мундштука, однако со специальным ватным тампоном в качестве фильтра носил имя «французской папиросы». И также не пользовался особым спросом.

Так что раздел мира происходит не только по линии, скажем, «демократия — авторитаризм», а и через предпочтения того или иного способа потребления табака. Иными словами, «их» мир — сигареты, «наш» — папиросы. Они распечатывали разные там «житаны» да «мальборы», шелкали разными «ронсонами» да «зиппо» и пускали дым колечками, обсуждая котировки. Мы же крепким ногтем вскрывали пачку «Беломора», вытряхивали оттуда папироску, продували, придержав за кончик (иначе табак мог вылететь напрочь), пережимали мундштук (это целое искусство,

существовало множество приемов, от простецких до эстетских, от приемов а-ля Волк из «Ну, погоди!» до скромного куса у самого конца мундштука), чиркали особым образом спичкой, дабы укрыть ее от ветра (с моря Лаптевых, от проходящей невдалеке тяжелой техники, от открытой форсунки, от шага проходящих рядом курсантов — нужное подчеркнуть), прикуривали — и тот дым таким своеобразным, удивительным образом проникал в легкие, что тут же кровь начинала бежать быстрее, а мысли сразу выстраивались правильным образом. Или наоборот, неправильные мысли укреплялись в своей неправильности, становились убеждениями. Все благодаря папиросам. И какие там котировки! Как тут не вспомнить знаменитую присказку: «А табачок — врозь!»

Правда, «Беломор», как и любая другая папироса, если не затягиваться в определенном ритме, постоянно гас. Все дело в папиросной бумаге, не пропитанной селитрой, в отличие от бумаги сигаретной. Недокуренные осто-вы складывались в пепельницу. Если курильщиков было несколько, по мундштукам можно было составить психологический, социально-демографический портрет, меняющийся со временем.

В далеком 1913 году в Российской империи выкуривалось почти 14 миллиардов папирос. Теперь показатели 1913 года по количеству выкуриваемого перекрыты окончательно и бесповоротно, но при этом сигарета победила папиросу. Запад, иначе говоря, победил Восток. Сигареты «Винстон» оказались сильнее папирос «Три богатыря». Несмотря на то что производится этот «Винстон» в России и по вкусу отличается от подлинного «Винстона», как икра натуральная от синтетической, но соблазн глобализации оказался сильнее. При том, что дым папирос «Три богатыря» (производятся до сих пор, недешевы, вкусны, ароматны) не просто табачный, а дым Отечества. Это, впрочем, странный, буквально вредоносный патриотизм.

Как бы то ни было, но вся папиросная палитра канула в Лету. Из папирос остались лишь «Беломор», «Казбек» (ограниченное производство, этикетка тоже утверждалась

Сталиным И. В.) да те же пафосные «Три богатыря», производимые в Северной столице. Права на «Герцеговину Флор» принадлежат компании «БАТ-Ява», хотя еще совсем недавно «Герцеговина» выпускалась Моршанской табачной фабрикой. И купить их затруднительно, и качество оставляет желать... Вождь бы не одобрил. Нет давно и папирос «Спутник» с ароматнейшим, великолепным светлым табаком, нет «Элиты» в темно-синей с красным твердой пачке, длинных и толстых, солидных папирос.

Видимо, массовый потребитель и здесь сделал свой выбор. Окончательный. Бесповоротный. И папиросного времени не вернуть.

Коко и Ваня

Люди не умеют жить. Их этому не учат.

Коко Шанель

... Он живет в однокомнатной квартире на втором этаже, окна — в сквер. Сам убирает, готовит, кормит кота — единственное близкое ему существо в подлунном мире. Сам ходит за продуктами и у прилавков подолгу считает деньги. Он очень стар и одинок: жена давно умерла, общих детей не было, с пасынком и двумя падчерицами отношения не сложились. У него есть несколько фотографий миниатюрной женщины с выразительными черными глазами и хитрой полуулыбкой. На одной женщина сидит, забросив ноги на ручку кресла, на другой — ловит руками в браслетах подол юбки, на третьей — выходит из шикарного авто возле Триумфальной арки на Елисейских Полях. Эти фотографии, вырезанные из зарубежных журналов и фотоальбомов, — работы лучших мастеров, признанных мэтров и корифеев. Корифеи и мэтры несказанно бы удивились, узнав, что эту женщину и нынешнего жителя маленькой квартиры, скромнейшего московского пенсионера, связывал почти год нежнейшей дружбы...

Ополченец

Иван Никифорович попал в плен под Вязьмой. Сюда их, ополченцев, отправили, толком не научив держать винтовку. И подняли в атаку. Пули из ручного немецкого пулемета MG-34 прошли оба бедра, но счастливым образом не задели ни кости, ни артерии. На опушке леса, видя из-за кустов, как в поле немцы добивают раненых, он нашел в сумке убитого санинструктора бинты и перебинтовал себя сам. Еще в сумке была маленькая рыжая бутылочка спирта. Он выпил спирт, занюхал рукавом шинели, вытер слезы, одернул задравшуюся юбку санинструктора, забрал из кармана ее шинели две слипшиеся карамельки и уполз в лес.

Сквозные раны кое-как затянулись, но с того дня, как немцы расколошматили ополченцев, прошло около двух недель, и из леса он вышел на дорогу, шатаясь от голода. Он курил самокрутку из березовых листьев. Сзади слышался звук приближающихся грузовиков, но у него не было сил даже упасть в канаву. Седой немец на первой проезжавшей мимо машине по-отечески погрозил Ивану пальцем — мол, молод еще курить. Со второй спрыгнул другой немец и указал направление — куда идти в плен. Вторым немец не был противником никотина, он дал Ивану две набитые светлым слабым табаком сигареты и маленькую жестяную баночку с мармеладом. Сигареты Иван выкурил, мармелад выбросил — боялся, что второй немец хотел его отравить.

По счастливому стечению обстоятельств он попал не в обычный лагерь для советских солдат, под открытым небом, практически без еды, а в госпиталь. Ивана накормили, немецкий врач осмотрел раны, его перевязали, потом все-таки запихнули в вагон и повезли на запад, где переводили из лагеря в лагерь, пока он не оказался в Рурской области, на металлургическом заводе. Помогло московское ФЗУ, оконченное перед войной, а также сносное знание немецкого языка, спасибо соседке-немке по московской коммунальной квартире, вернее — ее дочке, по недосмотру оставленным на свободе, после того как расстреляли их мужа и отца, соратника Тельмана. Но больше всего помогло то, что Иван пользовался расположением старшего мастера, которо-

му напоминал погибшего в Греции сына. Когда любимцу фюрера скульптору Арно Брекеру понадобились рабочие в его мастерскую, старший мастер откомандировал Ивана. Иван приглянулся и Брекеру, даже позировал ему для фигуры факелоносца. Брекер лепил лицо Ивана, увидев в нем образец нордической расы, а потом отправил в качестве подсобного рабочего в свою парижскую мастерскую на острове Сен-Луи, в конфискованном у Елены Рубинштейн особняке.

Тогда он не знал, что Брекер, всюю использовавший для создания своих монументальных творений труд военнопленных и иностранных рабочих, был учеником скульптора Моисея Когана. Когану, выданному вишистами и отправленному в Освенцим, Брекер помочь не смог, зато за очередным завтраком у фюрера просил за Пабло Пикассо, которого гестапо уже собиралось прибрать к рукам. И Брекер же, перед своим окончательным отъездом в рейх, выправил удостоверение Ивану, по которому тот смог перекантоваться в Париже до прихода союзников. А потом Иван встретил ее...

Коко и Ваня

«Случайно все получилось, — рассказывает Иван Никифорович. — Я просто шел по улице. А она вышла из магазина с витринами. Какие витрины? Не помню, помню только, что она подвернула ногу и сломала каблучок, а я успел подхватить ее под локоть. Я тогда по-французски ничего не знал, ничего не понимал, кроме “амур-тужур”. Она чего-то лопочет, а я киваю и помогаю ей идти. Прохожие — я это заметил сразу — оборачивались на нее с интересом и некоторым испугом. Это я потом узнал, что у нее были какие-то шашни с оккупационными властями. И кто она такая на самом деле, тоже узнал потом. Но о том, что ее зовут Коко, — в тот же день. Ну Коко и Коко! Каких только имен я не узнал за три с половиной года плена!

Она, конечно, выглядела сильно старше моего, но чтоб на сорок лет старше, этого я не ожидал. Она была добрая, позвала с собой, а квартира у нее была... Боже мой! Ну я таких ни до, ни после не видел. Дворец! Какие-то вазы, хрусталь, бронза... Она мне: “Ваня!”, а я ей: “Коко!” Сидим друг напротив друга — “Ваня!” и “Коко!”

У нее, оказалось, лодыжка опухла, я ей — компресс, тугую повязку. Она что-то говорит, я не понимаю, но чувствую — благодарит и чувствую еще — она очень одинока. Ну, просто страшно одинока...

И кроме того, она поняла все про меня. Что мне идти некуда, что документов, кроме брекеровских, которые она тут же сожгла в духовке, у меня нет никаких. И денег тоже нет. Что мне только в советскую миссию идти. А кто знал, что потом, после миссии?

Так вот и получилось, что стал я у нее жить. Первым делом камин ей почистил. Очень он дымил у нее. Изгваздался весь, копать... А Коко мне — ванну. Мол, пожалуй, Ваня в ванну! Смех один... Я смушался, тем более у нее ванная комната была больше той комнаты в Замоскворечье, в которой я жил с матерью, отцом, двумя братишками и сестрой, да еще за ширмой бабка бок свой чесала и кашляла. А тут — мрамор, зеркала, пахнет так, что я даже испугался. Она мои шмотки в мусор, а как увидела мои шрамы, то просто головой закачала: “О-ля-ля! О-ля-ля!”

Дала она мне костюм, рубашки, шляпу. Вечером пошли мы с ней в какой-то кабачок. Там все отвернулись, когда она вошла. Ну, сделали вид, что она — пустое место. Ее прямо в краску бросило, она меня сама развернула, и вышли мы вон. Пошли мы обратно, а за нами увязался какой-то француз и орет нам вслед что-то. Орет и орет... Она шла пока спокойно, а потом вдруг остановилась, словно ее кнутом ударили. Я понял, что тут дело серьезное, и, веришь ли, оставил ее стоять, развернулся и тому французу как дал по сопатке. Ну просто от души! Он летел метров пять, не меньше. Оказалось, многие это видели, но никто за француза не заступился. Вот так я стал другом Габриэль Шанель, по прозвищу Коко.

Она учила меня языку, всему она меня учила. А что я видел? Двор в Замоскворечье, ФЗУ, ополчение, плен. Я, конечно, постепенно понял, кто она такая, понял, что это продолжаться вечно не будет. А уж когда узнал, сколько ей лет, то понял: недолго мне быть при этой великой женщине.

Правда, почти год я был с ней, почти год. А потом как-то взял стоявшую возле моей кровати ее фотографию — она мне подарила, написала: “Моему другу Ване от Коко”, — вышел

на улицу, и ноги сами привели меня в посольство. Там я взял и сказал: так-то и так-то, такой-то я и сякой-то, был в плену, работал на немца на заводе, для другого немца позировал, а теперь вот хочу на Родину, там у меня мама-папа, братья-сестры и бабка за ширмой.

Мне с улыбкой так — да, Родина-мать тебя ждет, Ванечка, ждет не дождется! Ну, я подмахнул все бумаги, пошел проститься со своей Коко, а ее не было дома. Я оставил записочку, с ошибками, конечно, так, глупости какие-то написал и теперь уж ушел навсегда.

Что было дальше? Ну ясное дело, известный маршрут: Марсель — Одесса — Владивосток — Магадан. Фотографию отобрали в Одессе, я попросил отдать, смершевец — мне по зубам. Могли расстрелять, да у меня была одна бумага, Коко мне ее выправила, что, мол, я помогал коммунисту Пикассо переводить валюту для движения Сопротивления. Вранье, конечно, я и знать не знал тогда, кто такой этот Пикассо, но Коко, видимо, предполагала, что я могу попроситься на Родину, знала, что бумага такая мне не помешает. Мне ребята на пароходе советовали ее выбросить, говорили, будут неприятности, я не послушался и правильно сделал. Но вернулся тем не менее в Москву аж в пятьдесят восьмом. Братья погибли на войне, отец с матерью и бабка померли. Нашел только сестру, да она вдруг мне как заявит, что я, мол, враг народа и знать она меня не хочет.

Так вот, сынок... У тебя еще есть вопросы?»

Вопросов больше нет, Иван Никифорович...

За мной просили не занимать!

В очередь, сукины дети, в очередь!

Михаил Булгаков. Собачье сердце

Наконец-то прогресс и компьютерные технологии начали менять основы человеческого бытия. Извечный вопрос «Кто последний?» — причем многих слово «последний» обижает, обиженные требуют, чтобы их называли «край-

ними», — звучит уже совершенно в ином формате. Например, вы входите в некое учреждение (собес, сбербанк, почта и т. д.), прикасаетесь к поверхности монитора на специальном терминале и получаете на руки квиток с номером очереди. Теперь вы не должны стоять за кем-то, вдыхая аромат давно невымытых волос, а можете, рассчитав время, пойти выпить кофе, посидеть в удобном кресле с журналом. Главное — не пропустить того момента, когда ваш номер высветится на специальном табло. Однако...

Однако иной формат не отменяет сущности очереди. Которая неизменна. Не меняет он также и нашего к очередям отношения. Сформированного долгими и долгими годами. Не меняет и отношения к стоящим в очередях тех, кто в данном присутствии служит. Поэтому терминалы с мониторами одно, а отдельная, коммерческая запись — другое. Зачем вам квиток, когда за восемьсот рублей вы и пройдете впереди всех, и получите режим благоприятствования? Правильно, квиток не нужен. Но если у вас нет таких денег, то охранник обеспечит вам все нужно за половину стоимости. Технологии приходят и уходят, очереди — остаются. Технологии в другом, параллельном нам мире. Наш мир очередей и мир прогресса не пересекутся никогда. Мы жили, живем и будем жить по законам Евклида...

Впрочем, лучший способ избежать очередей — следовать старому и проверенному приказу «Больше двух не собираться!». Из двух человек, равно как из двух элементов или событий, очередь не выстраивается. Это любой математик или программист объяснит.

Строго говоря, очереди разделяются на два основных типа — живые и виртуальные, с массой промежуточных вариантов. Нетрудно догадаться, что стоящие за чем-либо или куда-либо друг за другом живые люди составляют «живую» очередь. Они же, только будучи записанными в виде последовательности имен в компьютере, составляют очередь виртуальную. Ведь записанные в нее могут не «совпадать» со своими именами, за одним именем могут стоять сразу несколько человек и так далее. Вообще очередь вещь очень человеческая, и контакт в ней, в том числе физический, крайне важен. Несмотря на кажущуюся искусствен-

ность, примеров длящихся после совместного стояния в очередях знакомств немало. Какое там знакомств! Прочных супружеских союзов! Особенно если это были наши, «советские» очереди. Близкие друзья автора этих строк познакомились в очереди за билетами на московский концерт «Pink Floyd» в конце 80-х годов XX века. Недавно стали делом и бабкой. Как время летит!..

Итак, для очереди, как и для «малой группы», основы человеческого социума, необходимы минимум три человека. Один делает нечто, двое других хотят делать то же самое, первый из этих двоих говорит: «Я — следующий!», второй соглашается: «Я — за тобой!» или, наоборот, возражает: «Следующий — я!» И тут возникает масса вариантов. Как по действиям, так и по словам, предваряющим-сопровождающим эти действия. Например, занимающий очередь может на словах соглашаться, а в ключевой момент оттолкнуть — действием или вербально — того, кто считает, будто его очередь подошла. Может, что встречается довольно часто, использовать другие способы прохождения вне очереди. Например, то, что принято называть «блат». Или — взятку. «Блатные» могут попадать в очередь как бы со стороны, возникая словно ниоткуда, и тогда тот, кто, скажем, был в очереди семнадцатым, вдруг оказывается тридцать седьмым. Продвижение в очереди от начала к концу — удивительная особенность советских очередей. Известен один очередник, вечно бывший вторым в очереди на квартиру. Привыкший к второму месту, свыкшийся с ним, он воспринял перемещение на третье место как личное оскорбление и попытался подать документы на выезд, не имея на то никаких оснований. И его прошение удовлетворили сразу. Без очереди!

Одним словом, очередь — открытая книга практической психологии. Любая психологическая теория применима к ней. При этом парадокс очереди заключается в том, что она может состоять из огромного числа людей, но люди в ней, как в «малой группе», все равно будут объединены общими целями и задачами. Да и эмоциональная близость в очереди становится неким объединяющим, сплачивающим фактором. Вспомним очереди за спиртным, начавшиеся после антиалкогольных указов времен перестройки, или за моло-

ком в начале 90-х. Впрочем, эмоциональная близость и теплота с легкостью менялись на разобшенность и граничащее с агрессивной враждебностью отчуждение. Особенно в тех случаях, когда завезенный в магазин алкоголь или молоко кончались. Призыв «Два в одни руки!» — самый безобидный вербальный сигнал в очереди. Подавляющее большинство остальных — за гранью литературного языка.

Так что всем понятно — в очередь можно выстроиться и для поедания филейных частей миссионера в гористом районе Папуа — Новой Гвинеи, и для оформления ипотечного кредита в солидном банке. Составляющие очередь могут быть в деловых костюмах, набедренных повязках, телогрейках, шортах. Могут быть мужчинами, женщинами, детьми. Образованными или нет. Убежденными монархистами или приверженцами идей князя Кропоткина. Молодыми, средних лет, старыми. Представителями любой расы. В очереди люди могут проявлять самопожертвование, альтруизм, могут превращаться в диких зверей.

Можно даже сделать далеко идущий вывод: способность выстраиваться в очередь — вот что выделяет человека из прочих представителей животного мира. Человеческая очередь в принципе отлична от той, которую соблюдают, например — при кормлении, стайные животные. У них после того, как напится доминантный самец или самка, начинается общая свалка. Порядок, установленный главой львиного прайда, практически всегда летит к черту. У людей же порядок в той или иной степени сохраняется, причем стоящие в очереди сами стремятся его соблюсти, а те, кто пытается порядок нарушить, или попадают под огонь критики (словесной, с применением силовых методов, с привлечением компетентных структур), или пользуются окольными путями, позволяющими в принципе избежать стояния в очередях. И последнее, то есть использование окольных путей, также порицается в большинстве человеческих сообществ. Чем ты лучше других? Все стоят, стой и ты!

Так что нет ни одного места на Земле, где бы, пусть — в определенных условиях, не выстроилась бы очередь. На так называемом цивилизованном Западе они тоже встречаются. Например — в центре Мадрида, очередь на распродажу

дамских сумочек. В почтовом отделении маленького городка в штате Огайо, что поделаешь — государственная служба! В Нью-Йорке, в сток системы «Ликвидейтор», куда свозят товары из разорившихся магазинов и где в очереди пихаются корпулентные дамы из Гарлема, причем так, что им может позавидовать защитник из лучшей команды американского футбола. Очередь за билетами на джазовый фестиваль. Про места менее «цивилизованные» и говорить не приходится — очереди там и встречаются чаще, и выстраиваются они по значительно большему числу поводов.

Но очередь также открытая книга для того, кто собирается изучить менталитет в ней коротающих время людей. Тут только бы не впасть в абсолютизацию, очернительство и т. п. Сохранить научную беспристрастность, что практически невозможно. Особенно для того, кто на собственной шкуре знает, что такое очередь. Как в ней стоят. У кого не «пепел Клааса» стучит в сердце, а на ладони время от времени проступают старые номера, проставленные распорядителями очередей в прежние годы. Как зиц-председатель, вспоминая «как он сидел при Александре», такой человек может вспомнить, как стоял за хлебом — туалетной бумагой — справками, как ходил на переключки, как сверялись списки, как велась борьба с теми, кто формировал параллельную очередь, составлял списки альтернативные. Это была жизнь, полная опасностей, интриг и страстей.

К очередям у нас отношение трепетное. Почему-то считается, что наши очереди всем очередям образец. Исторический пример. Будто бы по очередям мы впереди планеты всей. Писатель-эмигрант Юрий Дружников писал, что он вообще родился в очереди, так как его мать, уже испытывая родовые схватки, стояла в очереди к регистраторше роддома, своей очереди из-за отсутствия паспорта не дождалась и разродилась на месте. Дружников отмечал, что «с тех пор очередь стала неотъемлемой частью моего существования». Если бы только его! Если задуматься, то кто не стоял в очередях за колбасой, за стаканом воды, купить рубашку или ботинки, за учебниками и тетрадями, за паспортом и военным билетом, подать документы в институт, взять книгу в библиотеке, залечить зуб, жениться, развестись. Удивительно, но почему-то об очередях ностальгирующие о «сов-

ке» никогда не упоминают. Видимо, потому, что очереди были настолько органичны, что воспринимались предельно естественно. И это при том, что очередь была генератором ненависти абсолютно всех слоев населения. Вряд ли найдется человек, которому нравилось терять свое время в очередях. Подобная аберрация памяти очень российское явление. Для людей, у которых, вполне возможно в результате мутаций, имеется особый ген очереди, даже издевательские обещания поставить в очередь всех нуждающихся в улучшении жилищных условий ветеранов войны уже не вызывают никаких эмоций. Для них это обычное дело.

Советские очереди пронизывали советскую жизнь, в известном смысле эту жизнь цементируя. Ее цементировали и социалистические средства борьбы с очередями — «заказы»: майонез, гречка, шпроты, полбатона колбасы, печенье «Юбилейное» и горошек, горошек, зеленый горошек...

Как можно было что-то в этой жизни менять, если потенциальный реформатор стоял в очереди на жилье? Начнешь менять — выкинут из очереди. Жить, жить где? А очередь на мебель? На ковры? Один знакомый записался в очередь на дорогие, выпускавшиеся ограниченной партией стерео-усилители с колонками. На первой же перекличке продал свою очередь, записался в другую, на усилитель подешевле, продал и вторую очередь, в конце концов купил мандолину, выдал разухабистое тремоло да разбил ее через сорок минут о чью-то голову в очереди за разливным пивом за кинотеатром «Прага». На пятнадцать суток — в очередь... Сосед по гаражу, заслуженный летчик, герой, несколько раз записывался в очереди на автомобили. Когда на него настучали, проверяющие инстанции были потрясены тем, что он не заработал на очередях ни копейки. Отдавал очереди молодым инженерам. Хотя другой сосед, тоже — ветеран, тоже давно покойный, после каждой переклички в очереди на мебельные стенки имел бутылку коньяку за то, что сдвигался на несколько пунктов к концу. А очередь за колбасой! О, очередь за колбасой! Это лицо человека перед вами: «За мной сказали не занимать!», это отраженное на нем удивительное сочетание сочувствия и злорадства. Какое сочетание потеряли! Увы-увы...

Поэтому-то человеку иной культуры, иных корней понять сущность нашей очереди затруднительно. Это модельера,

соперницу Коко Шанель и приятельницу Сальвадора Дали, Эльзу Чиапарелли удивляли очереди в Мавзолей, к мумии Ленина. Граждане же одной шестой такую очередь воспринимали вполне естественно. Человеку иной культуры для понимания этого надо попасть в экзистенциальную ситуацию. Пережить землетрясение и встать в очередь за гуманитарной помощью. Пережить ураган Катрина. Быть среди подлежащих эвакуации лиц и ожесточенно толкаться возле готового взлететь вертолета. Опыт, отделенный от него одним поколением, тем более — двумя-тремя, он уже не чувствует. Да и что это за опыт, если тем более иметь в виду культуру западную? Знакомая француженка рассказывала, как стояла с матерью в очереди, — в городке, где она провела детство, в 1944 году были трудности с шоколадом... Или вот Гюнтер Грасс описывает очередь после крушения рейха в банк для обмена рейхсмарок на новые деньги: «Мы выстояли огромную, трехчасовую очередь...» Три часа в очереди! Это звучит настолько наивно! Бабушка пишущего эти строки вспоминала, как занимала очередь за хлебом с вечера, стояла ночь, чтобы утром узнать — хлеба не будет. Или — вставала в очередь, чтобы оставить передачу арестованному деду. Эта очередь, впрочем, в отличие от других очередей, была вполне организована и двигалась быстро. Передачу тем не менее принимать отказывались. Якобы — до окончания следствия не положено. Но однажды передачу приняли. Следствие закончилось, дед уже был — как выяснилось через много-много лет — расстрелян. Саму бабушку арестовали на следующий день. Думается — в соответствии с ее местом в очереди на арест...

А поутру они проснулись

Нельзя же доверять мнению человека, который не успел похмелиться!

Венедикт Ерофеев. Москва — Петушки

Похмелье! Как много в этом звуке... Бывает, что, пробуждаясь на следующее утро, мы с трудом узнаем окружающий мир, своих близких, самих себя. Но что все-таки делать, если уж похмелье нас настигло?

С похмельем далеко все не просто. Как и с тем, от чего оно случается, то есть — с потреблением алкоголя. Стопка текилы или водки, бокал красного сухого вина включают в себя помимо самой жидкости и нечто социокультурное, нечто генетико-историческое. Взять хотя бы тот факт, что носители рецессивных генов, а именно — голубоглазые белокожие блондины и блондинки, алкоголь переносят хуже и имеют намного больше шансов стать алкоголиками, чем носители генов доминантных, темноглазые со смуглой кожей брюнеты и брюнетки. Вот сразу и начинаешь задумываться о том, что винная, тем более — «водочная» традиция несет в себе историю человечества и как биологического вида, и как существа социального. Рискую быть обвиненными в махровом либерализме, мы тем не менее отметим также, что алкоголь, а следовательно — и похмелье от него, это одновременно и свобода и ответственность. Кто-то недоуменно скривится — эка куда хватили! Однако именно свобода и ответственность в потреблении алкоголя и в том, чем это потребление чревато, наиболее важны и стоят на первом месте. В одной связке. Можно, конечно, ограничиться одной свободой. Ну, ее мы наблюдаем практически ежедневно. Стоит выйти на улицу любого российского города. Уж чего-чего, а алкогольной свободы у нас выше крыши, и ее никакими ограничениями (например, по времени продажи спиртного) не срезать. Наша свобода в этой области перетекает в свою крайнюю ипостась, в русский алкогольный мазохизм, в явление, крайне редко встречающееся в иных краях, у нас же распространенное почти повсеместно. Он заключается в выпивании всего, что можно выпить, в питии на самоуничтожение. В страшной обиде на тех, кто отказывается быть алкогольным мазохистом, в презрении к тем, кто падает (банку держать не умеет!) раньше времени, в агрессии, депрессии и прочих невротических проявлениях. И единственным, чем можно купировать алкогольный мазохизм, остается ответственность. Которая проявляется, например, в осознании, что выпитое не просто некий спиртосодержащий напиток. Что, в конце концов, залив глаза, нельзя садиться за руль. Да и заливать глаза до поросычьего визга по большей части безответственно. Понятное дело, что ответственность у нас сильно

отстает от свободы, да разве только в алкогольно-похмельном пространстве!

Ну да ладно, оставим философию, перейдем к конкретике, но для начала процитируем хрестоматийное, из «Мастера и Маргариты»: «Прыгающей рукой поднес Степа стопку к устам, а незнакомец одним духом проглотил содержимое своей стопки. Прожевывая кусок икры, Степа выдавил из себя слова:

— А вы что же... закусить?

— Благодарствуйте, я не закусываю никогда, — ответил незнакомец и налил по второй. Открыли кастрюлю — в ней оказались сосиски в томате. И вот проклятая зелень перед глазами растаяла, стали выговариваться слова, и, главное, Степа кое-что припомнил...»

...Строго говоря, состояние похмелья знакомо всем, кто хоть раз злоупотребил алкоголем. На следующее утро после возлияния ощущаются головные боли, тошнота, сухость, неприятный привкус во рту, жажда и как минимум легкое недоумение от осознания того, что вчера было так весело, а сегодня так стыдно. Слабость и угнетенное состояние обычно длятся не более суток. Правда, в тех случаях, когда потребление алкоголя было на грани или за гранью алкогольного мазохизма, а также тогда, когда похмелью предшествовала алкогольная инициация, оно может продолжаться и значительно дольше. Тут важно отметить крайне принципиальную вещь. А именно различие между собственно похмельем и похмельно-абстинентным синдромом. Если похмелье может даже пройти само по себе, может быть преодолено с помощью разных средств, напитков, кушаний, мероприятий, в том числе и с помощью новой порции алкоголя, то похмельно-абстинентный синдром снимается только алкоголем. Только им. И тех, кто достиг такого уровня (что, кстати, бывает и сразу после алкогольной инициации, в клинической наркологии такие случаи известны), можно поздравить — они уже алкоголики. Так что в лечении похмелья по принципу «подобное подобным» заложена мина замедленного действия. Но не будем о грустном...

Биохимия похмелья увлекательна как легенды и мифы древних народов. С одной стороны, похмелье характеризу-

ется патологическим перераспределением жидкости в организме. С другой, при избытке алкоголя в крови ферментные системы печени, призванные превратить спирт сначала в ацетальдегид, а потом в уксусную кислоту, не справляются (наступает дефицит фермента ацетальдегиддегидрогеназы) и начинается накопление ацетальдегида, продукта очень токсичного. Кроме того, сложные биохимические процессы приводят к тому, что печень не может компенсировать падение уровня глюкозы, без которой наш мозг лишается своей энергетической подпитки, и как следствие такие симптомы похмелья, как усталость, слабость, нарушение настроения, пониженное внимание и концентрация, заставляют нас целый день лежать в неподвижности и думать, что любое движение станет для нас последним.

Но биохимия — биохимией. Многие знания, как известно, умножают скорбь и, несомненно, усиливают похмельный синдром. Во всяком случае, если вы не знали меры, соревновались — кто больше выпьет, запивали водку чем-то газированным, если пили напитки сладкие, напитки, содержащие много сивушных масел и танина (в таких вкусных, как упомянутая текила и виски, их немало), если мешали так называемые виноградные напитки с напитками зерновыми, курили одну сигарету за другой и уж тем более после водки пили портвейн, как сделал небезызвестный Степа Лиходеев и в чем его уличил Воланд, то ваше похмелье будет тяжелым. Справиться с ним будет непросто...

Но — возможно. Существует один комплексный рецепт, проверенный многими, но далеко не для всех подходящий. Частично он был явлен в фильме «Афера», когда герой великого Пола Ньюмана погрузил свою похмельную физиономию в наполненную колотым льдом раковину. Для реализации такого рецепта требуется самая малость — соответствующие условия, решимость и отменное здоровье. Он включает в себя: а) купание в голом виде в снегу, б) половой акт и в) контрастный душ. Возможны вариации и изъятия, но если до начала мероприятий выпить около литра апельсинового сока, а после — ввести в организм пару растворенных в воде таблеток «Алка-Зельцера», то положительный эффект будет почти стопроцентным.

Конечно, вышеуказанный рецепт многим покажется или фривольным, или слишком (в идеале он включает в себя еще и клизму) радикальным. Тогда можно воспользоваться креслом Леонардо да Винчи, созданным титаном Возрождения для Лодовико Сфорца, миланского герцога, по совместительству — известного пьяницы. Леонардо изобрел нечто вроде зубоврачебного кресла, сидя в котором страдающий похмельем излечивается посредством прохладного ветерка от установленного напротив вентилятора, массажа двумя парами механических рук в мягких рукавичках и погружением ног в прохладный ручеек, вода в котором приводится в движение мельничными лопастями. Правда, тут необходим не страдающий похмельем ассистент, который будет приводить механизм в движение с помощью системы рычагов.

Строго говоря — что нашло подтверждение и в большинстве научных и околонаучных статей по данной проблеме, — борьба с похмельем преследует следующие цели: снятие болезненных симптомов, восстановление водно-солевого баланса, вывод из организма токсинов, восстановление нормальной деятельности мозга (что, как справедливо отмечают исследователи, уже на выбор опохмеляющегося, а для тех, кто не обременен ответственностью и вовсе не обязательно). Тот же «Алка-Зельцер» (простой аспирин вреден для слизистой) поможет справиться с симптомами, активированный уголь и цитрат магния в сочетании с молочнокислыми продуктами или рассолом восстановят баланс и выведут токсины, сон и свежий воздух помогут мозгу.

Честно признаться, лучшими средствами все-таки являются те, что применял все тот же Воланд. Здесь возможны самые разнообразные комбинации. Одна из них (от 50 до 150 грамм водки плюс горячий суп, лучше мясная, еще лучше — настоящая рыбная солянка) действует великолепно. Если же страх перед абстиненцией силен или при одном взгляде на спиртное становится плохо, то в ход могут пойти следующие подручные средства: промывание желудка, кислокапустный рассол (без уксуса!), минеральная вода,

кока-кола (если повезет и она будет на натуральном тростниковом сахаре, а не на заменителях!), кефир с небольшим количеством сахара, не очень крепкий чай с лимоном и сахаром.

Однако бывает так, что необходимо взбодриться, а точнее — протрезвиться как можно быстрее. В таких случаях поможет яичный желток, опущенный в смазанную в растительном масле рюмку, залитый столовой ложкой джина и густо посыпанный смесью черного и красного перцев. Туда же можно добавить чайную ложку соуса табаско и немного лимонного сока. Кстати, таким средством можно заканчивать обильное возлияние, и оно в значительной степени снижает вероятность тяжелого похмелья.

Национальные традиции в борьбе с похмельем хороши, но иногда в них, как в любых традициях, встречаются основанные на суевериях вредоносные элементы. Поэтому надо помнить о так называемых кросскультурных средствах и продуктах, которые помогут всем без исключения. К продуктам в первую очередь относятся: красный перец, мандарины, картофель, брокколи и цветная капуста, морковь, свежая капуста, салат и любая другая зелень, черника, апельсины, чай, подсолнечное масло, тыква, кабачки, помидоры, яблоки, абрикосы, черная смородина, говяжья печень, яйца, авокадо, белое куриное мясо, сардины (в оливковом масле — самое то!), скумбрия, качественная соленая сельдь (съесть целую рыбу сразу!). Ну, а средства, помимо указанных выше, сводятся к следующим: воздух, вода, легкие физические нагрузки. Причем если принимать ванну, то неплохо будет добавить в воду по 5–6 капель следующих эфирных масел (покупаются в аптеке): грейпфрутового, розмаринового, можжевельнового и фенхелевого. Они окажут еще лучшее воздействие, если вдыхать их пары через ингалятор. Но если летом вы находитесь возле источника воды, куда можно бултыхнуться (не переусердствуйте!), а зимой у вас есть возможность (и силы) встать на лыжи, то лучших средств не найти

...За исключением тех случаев, когда спиртное пьют только для оценки вкуса напитка, установка на то, чтобы оста-

ваться абсолютно трезвым (все то же пресловутое «умение держать банку»), нам представляется ложной и неискренней. Пить и не пьянеть по большому счету означает без толку переводить продукт. К тому же, как учит наркология, подобная устойчивость имеет и обратную сторону — «державшие банку» зря оболыщаются, ведь их устойчивость свидетельствует и о том, что они как минимум на второй стадии алкоголизма. Следует также помнить, что следующее за опьянением похмелье суть результаты тяжелой работы. Да, питье — это работа, имеющая, помимо биологических, психологических, культурных составляющих, составляющие и экономические. Пить не дешево. А потеря достоинства вкупе с физическими потерями (порванный пиджак или разбитые колени) вновь ставят перед нами вопрос соотношения свободы и ответственности. Хотя, если положить руку на все надлежащие места, этим соотношением следует руководствоваться не только тогда, когда перед вами стоит запотевший (вот подлец!) графинчик...

Избранные похмельные рецепты

Жестокий литовский:

В стакан холодного светлого пива опустить два яичных желтка, влить 50 г медовой водки, добавить соль и черный перец по вкусу. Выпить залпом и вдохнуть настоящего на запахе сосен балтийского воздуха.

Жестокий закавказский:

Выпить пятьдесят грамм водки, заесть несколькими ложками очень горячего хаша, куда необходимо добавить мелко толченного чеснока с солью и черным перцем. Несколько минут посидеть и вдохнуть настоящего на запахе роз каспийского воздуха.

Мягкий тропический:

2 банана, 1 столовая ложка жидкого меда, стаканчик йогурта, две щепотки молотого мускатного ореха. Все смешать в блендере, долить холодным молоком, пить медленно, через соломинку.

Привет от Чавеса:

Измельчить в блендере одно манго и одну гуайяву. По классическому рецепту следует залить очень холодным молоком, но если временно допустить отступление от борьбы с североамериканским империализмом, то вместо молока можно добавить очень холодную кока-колу.

Мягкий русский (так называемый «чай по-питерски»):

Стакан крепкого очень горячего сладкого чая с лимоном, рюмка холодной водки (70 г), кусок бисквитного торта с большим количеством шоколадного крема. Выпить водку, съесть торт, запивая чаем, вздыхая и горюя об утраченном.

Жестокий русский:

Выйти из парной, медленно выпить полстакана водки с медом (можно 50 на 50), заесть двумя-тремя пригорошнями клюквы, глубоко вздохнуть, вернуться в парную (для особо крепких телом) или с кружкой холодного пива в руке не спеша опуститься в бочку с прохладной водой.

Забористая страна

Мы поехали за город,
А за городом дожди,
А за городом заборы,
За заборами — вожди.

Геннадий Шпаликов

Забор во всех его разновидностях определил наше мировосприятие. И — миропотребление.

Бетон, камень, кирпич, дерево, лоза, металл, пластик, сетка рабица, чугунное литье, дерево, кустарники или так называемые шпалеры, зеленые стены из стриженных деревьев. Как вы думаете, для чего все это? Да очень просто: это все — материал для возведения заборов. На заборы, между прочим, работает целая индустрия. Старая шутка про «заборостроительный» техникум, где будто бы учатся одни долдоны, давно потеряла актуальность. Некоторые нынешние

специалисты по заборам обладают знаниями и навыками не только в области строительства, сопротивления материалов, но и в электронике, акустике и многих других областях. Возвести забор — не поле перейти.

Особенно если за забором будет проживать человек важный, состоятельный. Особенно если дом у него будет не щитовой будкой, а особняком с мраморным портиком, гаражом под «ауди» и проч. Такому человеку и забор нужен важный. По цене пять тысяч евро за десять метров. Высотой — четыре. В переломных местах — камеры наблюдения с системой ночного видения. По верху забора — умные сенсоры, способные распознать нарушителя по весу, скорости движения, температуре тела. Чтобы все работало, чтобы из-за какой-то белки не поднялась тревога, надо заканчивать не заборостроительный техникум. Тут подавай университет. Академию заборной службы. С дипломами международного образца...

Дело Тома Сойера

Пожалуй, самый знаменитый «литературный» забор, который приходит на ум, это тот, который красил Том Сойер. Между прочим, немалой высоты был заборчик. Такой не стыдно было поставить вокруг какой-нибудь номенклатурной дачки. Почти три метра высотой! Вот только номенклатурные заборы, за которыми сидели вожди, красили темно-зеленой, так называемой заборной, краской, ныне ставшей почти дефицитом. Хитрюга же Том Сойер забор покрывал известкой, то есть белил. Да к тому же делал вид, что покраска забора ему доставляет большое удовольствие, и, сказав приятелям, что «только хорошим мальчикам разрешают красить заборы», в результате наблюдал, как забор красят другие, еще и платившие всякими безделушками за право повозюкать кистью. Не зря, наверное, позже появился такой бизнес-термин «дело Тома Сойера». Так называют прием, когда привлеченные работники сами же и платят за выполняемую ими работу.

Историю человечества, задолго до появления пресловутых номенклатурных заборов или забора тети Полли, впол-

не можно рассмотреть как историю заборов знаменитых, изгородей малоизвестных, оград местного значения. Конечно, среди них есть такие, которые носят гордое наименование «стена», но от перемены имени суть, предназначение «заборovidного» сооружения не меняется. Сооружение, ограждавшее виноградник, к которому прижалась увидевшая ангела с горящим мечом Валаамова ослица, и не выдержавшие акустического воздействия стены Иерихона; Великая Китайская стена, построенная для защиты целой страны; стена Берлинская, появившаяся и исчезнувшая исключительно по политическим мотивам, железобетонная трагедия целого народа; строящаяся с использованием новейших «заборных» технологий стена между Израилем и Палестинской автономией — все это не более чем заборы, чье главное предназначение — разделять и не пускать, скрывать и защищать. Ну и само собой разумеется — стена Кремлевская, символ российско-советско-российской государственности.

Случай Ринго Старра

Видимо, поэтому, несмотря на то что и в других странах достигли больших успехов в заборостроении, именно в России заборы приобрели такое первостепенное значение. Забор — наше всё. Забор во всех его разновидностях определил наше мировосприятие и миропотребление. Отгородиться, чтобы чувствовать себя в безопасности. Чтобы тебя не видели другие. Чтобы никто не разевал рот на твой шашлык. Что по-человечески, быть может, и понятно. Вот когда сосед по даче построил высокий и непроницаемый забор, он объяснял свои действия тем, что дом-то стоит у всех на виду, а он любит утром выйти на крыльцо в чем мать родила. Хотя другой сосед выходит и так, обладая низеньким и редким заборчиком. Просто два разных психологических типа!

Даже переселяясь туда, где оградкам не отводится такой важной роли, наши сограждане в первую очередь начинают их строить. Известен случай, когда лет пятнадцать тому назад один российский бизнесмен купил в Лондоне дом, в котором когда-то некоторое время жил Ринго Старр, и тут

же начал надстраивать прежний, британский невысокий забор, явно собираясь привести его к родным нормативам. Соседи пришли в ужас. Новый забор должен был в корне изменить облик тихого, традиционного района. Выбрали делегатов, и те попытались уговорить бизнесмена свернуть строительство. Делегатам в довольно резкой форме было указано на дверь. Но оказалось, что мистер Старр продолжает оставаться членом муниципального совета того района, в котором он когда-то жил. Позвонили мистери Старру. Далее все лучше узнать со слов любящего изгороди бизнесмена: «Сижу дома. Один. После тяжелого дня. Слышу — звонок. Иду, открываю. Стоит какой-то небритый кекс, в круглых темных очках. Говорит, что, мол, у него ко мне просьба. Я бы его послал, но мне он кого-то так сильно напомнил, что приглашаю войти. Он входит, оглядывается. Говорит, что благодарен мне за то, что я не стал ничего в доме перестраивать и менять. Я хмыкаю и говорю, что жена как раз заканчивает — она у меня дизайнер, правда по букетам, — проект полной перестройки. Кекс начинает несколько нервничать и снимает очки. И тут я его узнаю! Мама дорогая! Пот даже прошибает. А он говорит, что пришел он по поводу забора, что, если я его надстрою, от этого его любимый квартал станет совсем другим. А ему облик квартала очень дорог. Ну что, что я мог ему сказать? Да, конечно, я тут же пообещал все работы свернуть, восстановить прежний заборчик. Ринго так любезно улыбается и меня — меня! — благодарит. Мыжимаем друг другу руки. Я предлагаю по чуть-чуть. Он, оказывается, в завязке. Я предлагаю чай. Кофе. Сок. Отказывается, говорит — дела, но еще раз благодарит. И уходит! А я хотел с ним спеть *Octopus garden* на два голоса! Я в школьном ансамбле ее пел...»

Бизнесмен сдержал слово. Более того, он отказался перестраивать дом по проекту своей жены, что вызвало полный и окончательный разрыв, развод, раздел имущества. Живет он, к слову, сейчас на Рублево-Успенском и там уж оттянулся по полной: его забор считается самым высоким, самым дорогим и т. д. и т. п. Компенсация. А быть может, уже не верит, что к нему когда-нибудь вновь по старой памяти заглянет Ринго Старр. И — страдает...

Забор как символ

Впрочем, функциональностью суть оград не исчерпывается. Да, забором можно оградить пастбище, защитить посевы и государственные секреты от врагов и шпионов, за него, в конце концов, можно упрятать нарушителей закона... Список можно продолжать и продолжать, но у нас, скорее всего, получится «китайская классификация», то есть такая, в которой, по Борхесу, нет единого основания. Ведь заборы давно уже не выполняют своей функции защиты от неких посягательств. Любая изгородь преодолима. И посему заборы стали определять собой некий символ благополучия и свободы. Статус. Благосостояние. И — притязания. Иными словами, смыслы, стоящие — прошу прощения! — за забором, каким-то особенным образом действительно включаются в то, что принято нынче называть менталитетом. Видимо, это наша, российская особенность: отгораживаться, выстраивать по отношению к агрессивному внешнему миру еще более агрессивную защиту. Но это вовсе не тот случай, когда минус на минус дает плюс.

Борьба за огонь

И больше полспички не давай, гравицапа полспички стоит!

Из кинофильма «Кин-дза-дза»

«В непроглядную ночь бежали уламы, обезумев от страданий и усталости; все их усилия были тщетны перед постигшим их несчастьем: огонь был мертв!» Так начинается «Борьба за огонь», роман популярнейшего на рубеже XIX—XX веков французского писателя, лауреата Гонкуровской премии и председателя Академии Гонкуров Жозефа Анри Рони-старшего. Нам же, людям XXI века, такая коллизия времен палеолита может показаться слишком примитивной. Делов-то! Берешь зажигалку, нет зажигалки — спички, раз — и готово! Разжигай костер, затапливай печь или камин, начинай готовить барбекю. Прикуривай, в конце концов.

Но если так получилось, что зажигалка потеряна, спички промокли? Неужели придется, как герою романа «Борьба за огонь» Нао, сыну Леопарда, отправиться на поиски огня? Ждать, пока молния ударит в старое дерево, или силой отнять огонь у других, с позволения сказать, дикарей?

От дремучего леса до мест заключения

Другой французский писатель — в сущности, зачинатель жанра научной фантастики Жюль Верн в романе «Таинственный остров» описывает способ получения огня с помощью двух часовых стекол. Инженер Сайрус Смит сооружает линзу и, направив пучок солнечных лучей на трут, разжигает костер. К сожалению, в наше время практически никто не носит таких, а именно — карманных, часов, а стекло из часов современных плоское и для изготовления линзы не годится. Но «концентратор» солнечных лучей можно соорудить из наполненной водой бутылки, аптечного пузырька, даже — из пластикового пакета. Подойдет и кусочек алюминиевой фольги, пивной банки и тому подобное. Главное, чтобы луч был направлен на сухой горючий материал, фокус должен быть как можно короче, а зажигать следует в укрытом от ветра месте.

Бывалые люди знают, что огонь можно получить, если вытащить из гильзы пулю или дробь, примерно половину пороха отсыпать, вместо дроби или пули забить в гильзу небольшой лоскут ткани. Тогда если зарядить оружие таким патроном — бывалый человек всегда имеет при себе огнестрельное оружие, даже выйдя в лес за грибами, — и выстрелить в землю, то тлеющий лоскут вылетит из ствола. Теперь, положив его на сухой мох, можно разжечь костер. Если же оружие было изъято, скажем, ОМОном при подходе к лесу, но патроны оставили, то высыпаемый из патрона порох можно поджечь двумя способами: потеряв порох на одном камне другим или поджечь высеченной из камня искрой. То есть сделать примитивное огниво.

Вообще, получение огня при использовании кремня — один из самых надежных способов. Конечно, лучше всего

бить по кремню каким-то куском металла, но можно бить и камень о камень.

Можно получить огонь и по методу, который до сих пор используют некоторые племена в амазонской сельве да на Адаманских островах. Суть его в том, чтобы вращать стержень твердой древесины в углублении, сделанном в куске дерева сравнительно мягкого и сухого. Можно, конечно, делать это руками, но все те же люди бывалые, что ходят в леса обязательно с ружьем, а также амазонские индейцы используют для получения огня таким способом маленький лук. Тетиву надо будет обернуть вокруг стержня и, держа лук горизонтально и придерживая стержень прочной прокладкой, вращать, вращать и вращать стержень, двигая лук туда-сюда.

Тут как в анекдоте — если не получите огонь, то хоть согреетесь, но надо признаться, что и в средней полосе России такой способ получения огня может оказаться плодотворным. Главное — не отчаиваться.

Бывает и так, что огонь надо развести не в лесу, не на вольном воздухе, а тогда, когда нуждающийся в огне замкнут — пусть всех нас минует чаша сия! — в четырех стенах. Как ни удивительно, но для получения понадобятся лишь небольшой кусочек ваты и резиновый тапок. Вату на побеленной (!) стене надо скатать в плотный валик толщиной в полпальца. Потом на него намотать еще один слой ваты и повторить эту операцию четыре-пять раз. Затем валик кладется на деревянную поверхность и тапком энергично раскатывается до тех пор, пока от валика не начинает пахнуть гарью: внутри валика вата от трения начинает тлеть, остается раздуть огонь и как минимум прикурить.

Самогарные спичи

Само слово «спички», как свидетельствуют справочники, является «множественной несчетной формой слова “спица”» обозначающего заостренную деревянную палочку. Самогарные же значит «зажигательные».

Спички, во всем их нынешнем многообразии, один из самых необходимых человеку, наряду с солью и мылом,

предметов. Поразительно, но еще не прошло и двухсот лет со времени изобретения спичек: топки первых пароходов и паровозов разжигались с помощью огнива.

Первые спички сделал в 1805 году французский химик Гюстав Шансель. Это были деревянные палочки с головкой из смеси серы, бертолетовой соли и киновари. Поджиг спички Шанселя достигался при соприкосновении головки спички с капелькой концентрированной серной кислоты. Понятно, что такие спички, хотя и позволяли добыть огонь быстрее, чем огниво, были крайне непрактичны.

Все попытки усовершенствовать спички Шанселя оказывались неудачными, пока немецкий студент-химик Ян Каммерер не попал в тюрьму за участие в студенческих волнениях. Начальник тюрьмы, узнав, что Каммерер пытается сделать многообещающее научное открытие, организовал в его камере некое подобие «шарашки», начал снабжать студента химическими реактивами и не прогадал. Каммерер догадался добавить в серу некоторое количество белого фосфора. Спичка с серно-фосфорной головкой легко зажигалась после «чиркания» по стене.

По одной из версий, освобожденный из тюрьмы изобретатель не смог ни защитить свое изобретение, ни сделать состоятельными людьми начальника тюрьмы и самого себя: секрет изобретения был разгадан другими химиками, а Каммерер в конце концов умер в сумасшедшем доме в полной нищете. По другой, Каммереру в 1833 году все же удалось получить патент и продать его венским фабрикантам Ремеру и Прешелю, причем Ремер придумал упаковывать спички в коробки, на одной стороне которых приклеивались шершавые бумажки. Так отпала необходимость чиркать спичками о стены тюремных камер. Вот только белый фосфор крайне ядовит и производство спичек стало настолько же опасным, какими были из-за соединений ртути зеркальное и шляпное — вспомним безумного шляпника из «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла — производства. Да и потенциальные самоубийцы получили в свое распоряжение сильнейший и легко доступный яд. Недаром Йозеф Швейк, несколько раз прокричав патриотический лозунг и попав за это в сумасшедший дом, встречается там с одним

симулянтом, рассказывающим всем и каждому о своей якобы тяжелой наследственности, и, в частности, о будто бы отравившейся спичками сестре.

Правда, к началу Первой мировой войны фосфорные спички уже были запрещены в большинстве стран. Но человечество не вернулось к кресалу и кремню: в 1847 году был открыт неядовитый аморфный красный фосфор. Немецкий химик Бетхер смазывал бумагу составом, включавшим некоторое количество красного фосфора. При трении спичечной головки из серы, бертолетовой соли и клея о такую бумагу частички красного фосфора воспламенялись за счет прикасающихся к ним частиц бертолетовой соли и спичечная головка воспламенялась. Так появились безопасные спички, после того как в 1851 году их производство наладили братья Лундстрем получившие название «шведских». Собственно, это были уже современные, привычные нам спички. О них, родимых, писал Чехов в «Шведской спичке»: «— На полу ничего особенного не заметно, — сказал Дюковский. — Ни пятен, ни царапин. Нашел одну только обгоревшую шведскую спичку. Вот она! Насколько я помню, Марк Иваныч не курил; в общежитии же он употреблял серные спички, отнюдь же не шведские. Эта спичка может служить уликой...»

Спички не только значительно упростили процесс получения огня. Они породили целое направление в коллекционировании, филуменистику, то есть собирание спичечных этикеток. Существуют спички для самых разных нужд. Даже горящие под водой, а в 1898 году были изобретены и так называемые бестерочные спички, зажечь которые можно практически о любую поверхность. Вспомним, как зажигал их трогательный герой Чарли Чаплина о свои заношенные брюки бродяги. Вот только, к сожалению, в России их не выпускают, только в США и Великобритании...

Возврат к огниву

Журналы для так называемых настоящих мужчин нет-нет да публикуют рекламные статьи о престижных зажигалках. «Картъе», «Данхилл», «Дюпон»... Одно произнесение назва-

ний этих фирм — «праздник носоглотки». Золото, бриллианты, патентованный звук открываемого колпачка. У Дюпона — только нота «ля». Выверено по камертону.

Обладать такой прелестью может лишь крайне узкий круг лиц. Хотя элитные зажигалки часто становятся объектом насмешек. Причем со стороны тех, кто вроде бы к «рассейской элите» принадлежит сам, но смотрит на нее несколько иронически. Например, в романе «Casual» Оксаны Робски страсть к цацкам-зажигалкам осмеивается автором довольно остроумно. Объект нападок автора романа — зажигалки «Ронсон». Не иначе некий обладатель такой зажигалки когда-то автору сильно насолил, но вывод делается в общем справедливый: выпендриваться посредством дорогих зажигалок не совсем по-мужски, пользуйтесь простой, надежной зажигалкой «Крикет» и забудьте про «понты».

А как натерпелся от дорогих зажигалок герой фильма «Чудовище» в исполнении великого Жана Поля Бельмондо! Несчастный неудачник-каскадер вынужден раз за разом скатываться вместо пустышки-звезды с крутой лестницы, а у пустышки раз за разом отказывает дорогая зажигалка, и режиссер заставляет переснимать сцену. Зато герой Тима Рота из последней новеллы фильма «Четыре комнаты» на сбое зажигалки хорошо заработал. Вот только пришлось отрубить палец постояльцу, убежденному в безотказности знаменитой зажигалки «Зиппо», но это лишь издержки работы служащего отеля.

Все зажигалки, как дорогие, так и «бюджетные», попадают под определение, по которому они суть компактные устройства для многократного получения огня, принцип действия которых первоначально был основан на высечении искры при ударе огнива о кремь. То есть — вновь вечная пара «кремь — кресало», появившаяся тысячелетия назад. И предназначены, за исключением зажигалок специальных, например — для розжига кухонной газовой плиты, они для прикуривания. Конечно, за годы эволюции зажигалок появились зажигалки газовые, зажигалки, в которых используются электронные системы. Быть может, проект Сколково даст миру и зажигалки на основе нанотехнологий,

но сути это не изменит: нажал (повернул колесико и т. п.), огонек вспыхнул, прикурил...

Правда, еще до появления табака в Европе были попытки создать механические устройства для получения огня. Леонардо да Винчи, помимо прочих чертежей, составил и чертежи первой зажигалки, представлявшей собой огромный механизм. До начала XIX века наука зажигалками не занималась, пока немецкий химик Иоганн Доберейнер не предложил настольную зажигалку, в которой воспламеняться должен был водород. Обладающий элементарными знаниями по химии сразу поймет, что пользоваться такой зажигалкой все равно что играть в «русскую рулетку»: смесь водорода и атмосферного кислорода крайне взрывоопасна.

По мере того как курение все больше входило в моду, зажигалки совершенствовались и появился принцип действия, основанный на том, что фитиль, смоченный неким горючим составом, должен воспламениться искрами от удара металлических колесиков по кремню. Уже в середине XIX века фирмой «Картье» был налажен выпуск зажигалок из драгоценных металлов. А когда в 1903 году австрийский химик Карл фон Вельсбах получил сплав железа с церием, из которого до сих пор делают кремни, зажигалки резко уменьшились в размерах, стали безопаснее и приобрели почти современный вид. Во всяком случае, сделанная из дюймового снаряда времен Первой мировой войны зажигалка, имеющаяся у автора этих строк, будучи заправленной хорошим бензином, работает исправно по сей день. Кстати, бензиновые зажигалки безраздельно господствовали до 1947 года, когда появились газовые зажигалки, где вместо фитиля применяется особый клапан, открывавшийся в момент получения искры посредством колесика и кремня.

Другое дело, что первоначально зажечь бензиновые зажигалки можно было только двумя руками. Первую зажигалку, с помощью которой получить огонь можно было одной рукой, сделали английские инженеры Чарлз Уайз и Вильям Гринвуд в двадцатых годах прошлого века. Один из них (история не сохранила данных — кто именно?) потерял руку на войне, так что вопрос, как прикурить одной рукой, был

принципиальным. Инженеры благоразумно продали патент фирме «Данхилл», что принесло им благосостояние, а фирме — процветание на долгие годы.

Знаменитые зажигалки «Зиппо» по цене относятся к так называемой «средней» категории. Бесконечные подделки не испортили фирменный почерк этой зажигалки. И лозунг «Мы говорим “зажигалка”, подразумеваем “Зиппо”!» вполне может составить конкуренцию известному политическому лозунгу по Ленину В. И. и партию, им основанную.

Основатель «Зиппо» Джордж Блейсделл, получив эксклюзивную лицензию на импорт австрийских зажигалок в США, обнаружил в них принципиальные недостатки и попробовал создать свою зажигалку. Уменьшив размеры, он также соединил крышку с корпусом петель. Ветрозащитный экран вокруг фитиля остался неизменным, с тем же количеством отверстий (по восемь с каждой стороны), какое было в австрийском прародителе. Надо было придумать название, и Блэйсделл использовал название только что появившейся застежки-молнии, в США имевшей название «зиппер» и считавшейся очень надежной. Помимо невысокой цены, «Зиппо» имела бессрочную гарантию. То есть, если ваша «Зиппо» почему-либо вышла из строя, ее замена с 1932 года дело чести для фирмы.

Блэйсделл использовал все возможности для продвижения своего товара. Не располагая необходимыми средствами для рекламы, он раздавал свои зажигалки водителям-дальнобойщикам и водителям междугородних автобусов. Пассажиры и посетители придорожных закусочных хотели иметь такие же зажигалки, простые, надежные, позволяющие прикурить на сильном ветру. Популярность «Зиппо» резко пошла в гору после Второй мировой войны. ДжиАй-освободитель, жвачка, сигареты «Кэмел» (конечно, без фильтра) и зажигалка создали крайне популярный образ. Даже никогда не куривший Рэмбо в нужный момент достает из широких штанин «Зиппо» и поджигает автомобиль, где уже штабелированы нейтрализованные им «плохиши»...

«Славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит», — писал Пушкин, бывший, кстати, любителем выкурить трубочку. Чем прикуривало «наше всё»? Лучин-

кой? Спичками Шанселя? История умалчивает. Но можно с уверенностью сказать, что пока на Земле остаются курильщики, производители зажигалок без работы не останутся...

Тройка, семерка, туз

О поэте Пушкине, сколько краткость времени позволила мне сделать разведение, — он принят во всех домах хорошо и, как кажется, не столь теперь занимается стихами, как карточной игрой, и поменял Музу на Муху, которая теперь из всех игр в большой моде.

*Из донесения жандармского генерала
Волкова Бенкендорфу от 5 марта 1827 года*

Обуздать эту страсть немислимо. Дело даже не в том, что нельзя взять под контроль все места, где можно сыграть в карты: парки, пляжи, следующие из города в город такси (когда-то — любимое место разводки «лохов» бригадами карточных шулеров), общественные туалеты, подсобные помещения магазинов, комнаты для переговоров в офисах и так далее и тому подобное. Изгнанные из зданий вокзалов, картежники сядут в электрички и поезда дальнего следования. Удаленные с пляжей, перейдут на борт речных и морских судов. В конце концов, ведь можно играть сегодня у себя дома. Завтра — у партнера. Послезавтра — у другого. И менять местоположение каждый раз.

Но главное — эта страсть, страсть к игре. Она — в крови. И проявляется часто как наглядная иллюстрация к посылкам классического психоанализа: многие, даже мнящие себя хорошими игроками, на самом деле испытывают тягу к смерти и проигрывая в карты тем самым находят социально приемлемый способ для реализации своих подсознательных влечений. А уж те, кто выигрывает! А уж те, для кого карты настоящий источник существования! Словом, карточная игра из изобретенных человечеством игр самая человеческая. И всему человеческому удовлетворяющая.

Наследие гуннов

По наиболее распространенной версии, игральные карты впервые появились в Китае и были сделаны из слоновой кости. Именно такими играли на жизнь и смерть воины Аттилы, позаимствовавшие карты у китайцев. Вот только карты из слоновой кости были слишком дороги, да и гунны, пройдя смерчем по Европе, растворились в потоке переселения народов вместе со своим вождем.

Лишь в начале прошлого тысячелетия, скорее всего — после Крестовых походов, китайские карты, но уже бумажные, вновь попали в Европу. Тем не менее и они поначалу были слишком дороги, и в основном играли картами на пергаменте. Кроме того, требовалась определенная адаптация. Китайские разделялись на четыре масти, символизирующие времена года, а общее число карт было 52, по числу недель в году.

Первые подлинно европейские карты, по преданию, сделал придворный художник Жакомин Грингонер для развлечений слабоумного французского короля Карла VI. Однако еще раньше, во времена Людовика Святого, в 1254 году, уже был издан указ, грозивший кнутом за карточную игру. Следовательно, начиная с XIII века карты были распространены достаточно широко. В колоде того времени тоже было 52 карты, и лишь в XV веке в Италии появилась колода из 56 карт.

Итальянские масти носили названия «мечей», «кубков», «динариев» и «жезлов». Французы переделали итальянские карты, получив вместо «мечей» — «пики», вместо «кубков» — «черви», вместо «динариев» — «бубны», вместо «жезлов» — «кресты», или, что более грамотно, «трефы» (по-французски — «лист клевера»). У всех карточных «картинок» имелись ныне забытые старинные, реальные или легендарные, прототипы. Короли — это Карл Великий («черви»), царь Давид («пики»), Юлий Цезарь («бубны») и Александр Македонский («трефы»). Дама «червей» — Елена Троянская, «пик» — богиня войны Афина, «бубен» — «царица денег», обокравшая собственного отца библейская Рахиль, «треф» — Аргина, анаграмма латинского Regina — королева. Слово «валет» вна-

чале означало слугу, позже — не всегда честного, но храброго искателя приключений. Ведь таковыми были реальные прототипы валетов — французский рыцарь Ла Гир по прозвищу Сатана («черви») и Ожье Датчанин («пики»), и легендарные герои эпосов — Роланд («бубны») и Ланселот Озерный («трефы»).

До XVI века и сами карты, и карточные игры были довольно сложными. Играла преимущественно аристократия, колоды расписывались вручную, а простой люд довольствовался игрой в кости. Наступление Нового времени потребовало упрощения карточной игры и карт.

Унификация привела, во-первых, к созданию карт почти таких же, в которые играют и сейчас: три картинки и туз в каждой из мастей, «фоски» от двойки до десятки плюс — два «джокера», или шута. Во-вторых, к формированию как минимум двух типов игр — международных (например, нынешний покер) и местных (например — немецкий скат). В-третьих, разделению карточного времяпрепровождения на игры коммерческие, где денежный интерес может или присутствовать, или отсутствовать вовсе (например — бридж), азартные, в которые крайне редко играют без интереса (например — очко) и так называемые «народные» (например — все разновидности игры в дурака), что, правда, не мешает игрокам просаживать немалые суммы денег.

В России карты появились при царе Федоре Иоанновиче. В Уложении царя Алексея Михайловича от 1649 года карточные игры квалифицировались как серьезное преступление, за которое полагалось клеймение раскаленным железом и вырывание ноздрей. Послабление произошло при царе Петре, но сам Петр карт (до него — исключительно привозных) не любил и играл в них очень редко, хотя и повелел открыть производство на двух небольших мануфактурах в Москве: нужны были деньги, которые в казну приносила торговля игральными картами. Окончательно государственная монополия на производство игральных карт была введена при Александре Первом, причем доход шел на содержание Ведомства императрицы Марии, опекавшего детей-сирот.

Бумага, из которой изготавливали карты, была низкого качества и поэтому предварительно натиралась тальком на спе-

циальных талечных машинах. Такие карты были гладкими, хорошо скользили при тасовании и назывались «атласными». Дюжина колод атласных карт в 1855 году стоила 5 рублей 40 копеек. Немалая цена на атласные карты сохранилась и при советской власти: в 1935-м колода стоила 6 рублей. Теперь отечественные игральные карты (самые дешевые — 20 рублей за колоду в 32 карты) уступили в конкурентной борьбе картам импортным. Если в последние годы СССР из сравнительно хороших карт можно было свободно купить лишь венгерские по 2 рубля 50 копеек, то теперь выбор широк...

Золотой век

Золотой век русской литературы удивительно совпал с золотым карточным. В свою очередь начавшимся тогда же, когда начался «золотой век государства Российского».

При матушке Екатерине, по свидетельству историка Пылаева, «дворяне почти только и делали, что сидели за картами; и мужчины, и женщины, и старые, и молодые садились играть с утра, зимою еще при свечах и играли до ночи, вставая лишь пить и есть; заседания присутственных мест иногда прерывали, потому что из самого заседания вдруг вызывали членов к кому-нибудь на карты; играли преимущественно в коммерческие, но много и в азартные игры...».

По наступлении века девятнадцатого страну захлестнула уже настоящая игромания. Играли все. Неудивительно, что тема карточной игры стала популярна и в литературе. Причем иногда со значительным мистическим уклоном, как в «Пиковой даме» Пушкина:

«...Направо легла дама, налево туз.

— Туз выиграл! — сказал Герман и открыл свою карту.

— Дама ваша убита, — сказал ласково Чекалинский. Герман вздрогнул: в самом деле, вместо туза у него стояла пиковая дама. Он не верил своим глазам, не понимая, как он мог так обдернуться. В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась...»

Появились и профессиональные игроки, причем — из высшего сословия, к тому же — нечистые на руку. При царице-матушке таковые были наперечет, а умением вовре-

мя перевернуть карту славился «старик» Державин. Позже шулеров стало значительно больше, что дало повод князю Петру Вяземскому отметить: «...карты нигде не вошли в такое употребление, как у нас. В русской жизни карты — одна из непреложных и неизбежных стихий». Все это нашло отражение в русской литературе. Вспомним хотя бы персонажей гоголевских «Игроков». Вот только Николай Васильевич, сам в карты не игравший, описывал в «Игроках», как и во многих других своих произведениях, не свой личный опыт, а то, о чем ему рассказывали люди знающие. Не исключено, что одним из рассказчиков был поэт-народолюбец Некрасов, и живший долгое время за счет карточной игры, и умевший вовремя с помощью шулерского приема сдать нужную карту.

Да что Некрасов! Сам Пушкин играл так увлеченно и страстно, что оставил после себя карточных долгов из общей суммы в 60 тысяч более половины. Лермонтов, однако, как гений сумрачный, в карты играл исключительно потому, что офицер не играть не мог, и переносил свои карточные фантазии на бумагу в «Маскараде» и «Тамбовской казначейше».

Но пожалуй, самым страстным игроком «золотого века» был Лев Толстой, и проигрывавшийся чаще в пух и прах, и, бывало, выигрывавший немалые деньги, но игравший всегда безукоризненно честно. Известен эпизод, когда, чтобы посветить нагнувшему за десятирублевой ассигнацией Афанасию Фету (упавшие на пол деньги поднимать считалось неприличным, они «уходили» обслуживающим господ лакеям), граф поджег от пламени свечи сторублевою купюру. Поэтому и проигрыш Николеньки Ростова Долохову описан с таким знанием дела, как и то, с какими трудами семейство Ростовых выплачивало бретеру долг чести.

Ловкость рук

Шулер, даже во времена золотого карточного века, был все-таки фигурой не очень распространенной. Но когда пришло время капитализма, шулер стал привычен как гул паровых машин. Не только в России. По всему миру. Причем

профессионализм шулеров или, по современной российской терминологии — «катал», возрос настолько, что многие из них могли дать сто очков вперед самым знаменитым фокусникам. Недаром ходил анекдот, как на плывущем по Миссисипи пароходе встречаются два знаменитых шулера. Один предлагает сыграть и протягивает другому свою колоду. «Здесь не хватает одной карты!» — говорит тот, взвесив колоду на ладони. «Не может быть! — изумляется первый, забирает колоду и взвешивает ее в свою очередь. — Вы правы, сэр, не хватает девятки треф!»

Однажды автор этих строк, взятый в качестве «подсадного» на серьезную игру, где в его функции входило помимо «честной» игры на один карман еще и снабжение «основного» необходимой информацией по заранее оговоренной системе знаков, или «маяков», наблюдал нечто схожее. Тот, кого предполагалось обыграть, был с виду нежный, болезненный юноша с замотанным шарфом горлом. Юноша не удивился, что в игре будет участвовать третий. Не пресекал попыток «основного» передернуть. На чужой сдаче сидел прямо, поднося к глазам карты так, что даже сам мог видеть их только под определенным углом и — одним глазом. И по большей части пасовал. Зато на своей сдаче творил. Сдавал, что хотел, не только себе, но и двум своим неудачливым партнерам по игре. Это был тотальный, неуловимый контроль. Достижимый — это необходимо признать! — только годами изнурительных тренировок. Не помогала ни замена колоды, ни просьбы пересдать или переснять. Завороженным «основному» и «подсадному» (в просторечие — «мартышке») не оставалось ничего другого, как с тоской ждать окончания игры. После расчета юноша поблагодарил и предложил заходить еще. На улице «подсадной» попросил у «основного» рубль на порцию пельменей в кафе (ныне давно отсутствующем) на углу проезда Художественного театра и улицы Горького. «Основной» не дал: ему этот рубль был нужен на другой игре, он сбирался «обуть» какого-то заезжего «лоха» и вернуться вечером к юноше отыгрываться. Аргументы «подсадного», что, мол, отыграться не получится, не слышал. И вечером проиграл — уже в игре один на один — все. Буквально — все...

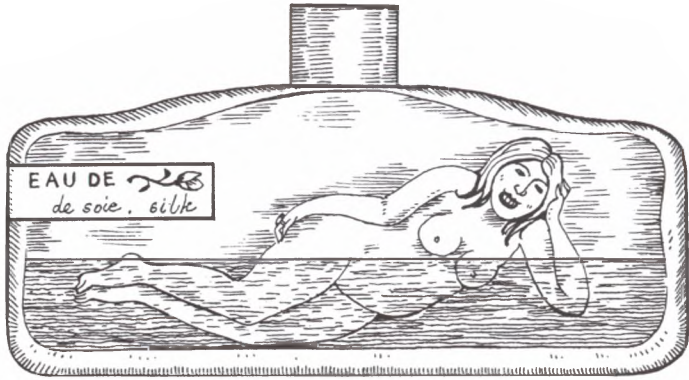

Как считают профессионалы не нам чета, настоящая азартная игра невозможна без хотя бы минимального обмана. Чтобы ни говорили сторонники игры «честной», нет ни одного игрока, который бы отказался посмотреть в чужие карты. А это уже отход от «честности». В таких играх все определяется по принципу «не пойман — не вор». Не поймал, проиграл — расплачивайся. Сам виноват! Вот если поймал, то выбор действий широк. Вплоть до удара канделябром. Впрочем, подавляющее большинство людей все-таки не любит проигрывать. Несмотря на толкуемое по Фрейдю стремление к смерти. И уж тем более — не любит отдавать проигранное. Слова «карточный долг — долг чести» ныне почти повсеместно превратились только в слова.

Если же вы по-настоящему (как тот Парамоша из фильма «Бег» в блистательном исполнении Евстигнеева) самоуверенны, готовы играть в азартные игры с малознакомыми людьми в сомнительной обстановке на большие деньги, если полагаетесь исключительно на свое умение и везение, то рано или поздно вы проиграете много. Но если осторожны, как минимум — знаете о шулерских приемах, если в азартные игры играете лишь со знакомыми, а предпочитаете коммерческие по умеренной ставке или «народные» на шелчки по носу или раскладываете пасьянсы, то почему бы и не сыграть?

Ну? Кто сдает?

Ближе к телу!

Клатч или кошелек

...Перед сном он стукнул кулаком по подушке, извлек из тумбочки возле кровати помещенный туда кошелек и дважды пересчитал восемь бумажек пятирублевого достоинства...

Михаил Веллер. Кошелек

Во многих странах не принято ходить с пачкой денег в кармане. В наличии имеется лишь небольшая сумма на чашку кофе или на пачку сигарет. Да и зачем напрягаться с наличными, если для этого давным-давно придумали кредитные карточки. Вот и россияне, как и весь цивилизованный мир, теперь предпочитают не носить наличных денег в кармане. Пластиковую карточку сегодня имеет каждый четвертый взрослый россиянин, и количество их продолжает расти с каждым днем. Мало того что карточками очень удобно расплачиваться, так на них еще растут и проценты. А вот от ношения денег в кошельках и всевозможных портмоне денег не становится больше. Но тем не менее карточки карточками, а нал в кармане всегда греет душу, да и чувствуешь себя более уверенно. Зря, что ли, ходят тол-

стые дядьки с барсетками, ведь не ключи же от квартиры они в них носят. Хотя отсутствие наличных денег — это вроде как удел состоятельных людей.

Такие аксессуары, как кошельки, портмоне, бумажники, барсетки и клатчи, прочно остаются в нашем обиходе. Да и кредитки надо в чем-то носить. В бумажниках и кошельках сегодня носят не только наличные деньги, но и кредитные и дисконтные карты, визитки, фотографии, квитанции, чеки, словом, наш кошелек превращается в своеобразный мини-банк. Да и сам кошелек нужно куда-то класть. С таким наполнением кошелек в карман не очень-то и спрячешь. Вот и ходят дамы с сумками, клатчами (исторически клатч, пожалуй, ближе всего к кошельку — кошель, сшитый из ткани, кожи, а часто и из высушенной бычьей мошонки, носили так же в руках), а «солидные» джентльмены с барсетками. Впрочем, мужчины все же предпочитают носить свои портмоне и бумажники в карманах.

Похоже, что не за горами время, когда и кредитки станут анахронизмом. Деньги сегодня стремительно уходят в виртуальный мир, на всевозможные Webmoney. Сегодня уже можно расплачиваться за покупки, и вовсе не имея никаких, даже виртуальных денег, достаточно того, чтобы на вашем продвинутом телефоне не было отрицательного баланса.

Виртуальные деньги не звенят в кошельке и не шелестят в наших бумажниках, но вполне подходят для оплаты товара в интернет-магазине, осуществления интернет-платежей и перевода некрупных сумм денег на другие счета. Преимущества виртуальных денег неоспоримы — удобство, многофункциональность, безопасность. Такие деньги точно никогда не украдут из вашего кармана, вы их никогда не потеряете, а покупки на них можно совершать, не отходя от компьютера и не выходя из дома.

Уже сейчас достаточно большое количество людей совершают покупки через Интернет, пользуются интернет-магазинами. И число их постоянно растет. В сущности, виртуальные деньги — это тот же кошелек, и в целом специфика использования уже установленной программы «Кошелек»

очень напоминает наш реальный счет в банке. На наш счет могут переводиться деньги в случае продажи чего-либо или оказания какой-то услуги, а также сниматься в случае покупки. Кроме того, при проведении каких-либо операций с нашего счета могут сниматься определенные комиссионные проценты и, наоборот, начисляться какие-либо проценты по вкладам.

О благосостоянии друг друга люди испокон веков судили именно по размеру кошелька. Денег в их современном виде в древности не существовало, и был принят натуральный обмен. В Древнем Египте в рамках натурального обмена появился так называемый эталон стоимости товара, его роль играла медная спираль «утен», а позже кольцо «дебен». Они переходили из рук в руки в тех случаях, когда было необходимо компенсировать небольшую разницу в стоимости обмениваемых товаров. У северных народов денежной единицей служил олень. Эквивалентами денег также были сахар, какао, опиум, слоновая кость, ценные шкурки, табак, копыя, перец и пр. Такое богатство в кошельке не спрячешь. Если что-то из перечисленного можно было еще нанизать на нитку, а сыпучие деньги сложить в мешочек, то придумать кошелек для «объемных денег» было сложнее.

Позже мешочки-кошельки практически без изменений заимствовали древние греки, которые привязывали мешочки к поясу хитона и использовали для ношения монет. Существенные изменения во внешний облик кошельков внесли римляне. Они не только впервые применили в качестве материала кожу, но и инкрустировали ее и украсили вышивкой, сделав кошелек непременным атрибутом женского костюма. Вскоре римлянки стали использовать удобный и привлекательный аксессуар для хранения украшений и косметики. Та же ситуация сложилась и в арабском мире, где сумки-кошельки делались из богатых парчовых тканей, расшивались золотыми и серебряными нитями. А вот в Древнем Китае и Японии кошелек как таковой не существовало достаточно долго. Дело в том, что «дальневосточные монеты» имели отверстия в центре и носились просто на кожаных или шел-

ковых шнурках. Со временем роль кошельков в этих странах также стали играть поясные мешочки.

Подобный способ хранения денег был известен и на Ближнем Востоке. Там в складках пояса носили не только деньги, но даже табак и мелкие покупки. Большой популярностью пользовались сарацинские кисеты, привезенные крестоносцами с Востока в XIII веке. Как правило, они украшались серебряными колокольчиками, эмалью и миниатюрными портретами.

С XVI—XVII веков кошельки на поясе стали атрибутом преимущественно женской моды. Они носились под верхней юбкой, в которой для удобства был специальный разрез, и предназначались не только для денег, но и для личных вещей, по сути, такой кошелек был прообразом дамской сумочки. Появились же дамские сумочки в XVIII—XIX веках, когда маркиза де Помпадур, фаворитка короля Людовика XV, ввела в моду фасон помпадур, а супруга императора Наполеона, Жозефина, — фасон ридикюль. А вот мужской кошелек значительно видоизменился после появления одежды с карманами. На смену вместительным кошелькам пришли небольшие мешочки для хранения круглых денег. Клади-то их как раз в карманы.

Слово «бумажник» появилось в XVII веке, и означало оно — сумка для бумаг. Синонимом кошелька бумажник стал лишь в XIX веке, когда в России и Европе получили широкое распространение бумажные деньги. Впервые они появились в Китае в конце первого тысячелетия нашей эры, в Европе (в Стокгольме) первые выпуски банкнот были осуществлены в 1661 году, а в России ассигнации появились лишь при Екатерине II, в 1769 году.

Кошельки и бумажники XIX века представляют значительный интерес. В начале столетия в моде были продолговатые кошельки с металлической оправой, а также кошельки шести- и восьмиугольной формы. Мужские бумажники того времени имели два отделения или кармана и застежку. Основной кошельков и бумажников служили плотная бумага или картон, покрытый сверху кожей либо белым или цветным атласом. С внешней стороны кошельки украшались бисер-

ными вышивками, очень модными в России в первой половине XIX века.

Вот и современные дамские сумки-кошельки, как и прежде, украшаются бисером, а сочетание кристаллов Сваровски с бисером разных оттенков позволяет создать сложную и изящную композицию. Универсальность бисера как материала позволяет не только создавать разнообразные геометрические узоры, но и украшать кошелек оригинальными накладными деталями или тоненькими подвесками. Бисер также прекрасно сочетается с драгоценными и поделочными камнями...

История кошелька продолжается. Уход денег в виртуальный мир не способен отменить кошельки с бисером, шикарные портмоне и бумажники. Индустрия по производству аксессуаров для хранения «наличных» на месте не стоит. А в коллекциях ведущих домов моды появляются все новые и новые модели кошельков, всевозможных клатчей, бумажников и портмоне. Пугающее слово «клатч» стало настолько актуально, что как бы его не приравняли к «барсетке»... Ведь из вечернего аксессуара клатч превращается в полноценную альтернативу сумке.

Сегодня нам предлагают оригинальные эксклюзивные кошельки, барсетки, портмоне, бумажники из кожи рыб (лосося, форели, шуки, карпа), из кожи питона, крокодила и страуса, кошельки для олигархов очень дорогой отделки с золотом. А стоимость самого дорогого кошелька составляет 3,8 млн. долларов. Выполненный в виде сердца, кошелек инкрустирован бриллиантами общим весом 381,92 карата. Кроме того, в кошельке присутствуют элементы из 18-каратного золота. Но многие по-прежнему вместо того, чтобы приобрести стильный кошелек или портмоне, продолжают сворачивать деньги в тугий рулончик и обматывать резинкой. Стиль от Тони Сопрано из знаменитого американского сериала «Клан Сопрано». Его тоже никто не отменял. И не нужны им никакие модные портмоне и уж тем более кошельки виртуальные...

Запахи жизни

Слушал господина, который другому говорил: «смешно, как они одинаково пахнут, горелым сквозь духи, все эти сухие хорошенькие шатеночки», и, как часто бывает, пошлость, неизвестно к чему относившаяся, крепко обвилась вокруг воспоминания, питаюсь его грустью.

Владимир Набоков. Весна в Фиальте

Представим невозможное: обоняния как органа чувств больше нет. То есть запахи есть, но люди, сохранив способность слышать, видеть, ощущать нечто на ощупь, потеряли возможность запахи различать. Более того, они никогда и не знали об их существовании.

«О! Нет! Нет-нет!» — воскликнули бы хозяева парфюмерной и табачной промышленности, владельцы брендов и марок. Большинство бы разорилось, наиболее ушлые переqualificировались бы в дизайнеров. Имевшие таланты и способности занялись бы музыкой. Но все было бы чужим, непривычным. Мы потеряли бы значительную часть наших воспоминаний. И немудрено, ведь память об ароматах — все равно каких, приятных или отталкивающих, — более глубинная, чем память зрительная. Способность различать запахи — одна из самых древних способностей, недаром обонятельный центр расположен на нижней поверхности височной и лобных долей, в самой «старой» части головного мозга, в мозге обонятельном, в так называемой извилине морского коня — гиппокампе, или аммоновом роге. И от работы этого центра зависит, как говорят ученые, и формирование эмоций, и даже мотивация.

Но ученые учеными, а обыкновенные люди недаром говорят: «Слышать запахи». Именно слышать, и никак иначе. Наверное, это самый подходящий глагол.

Для нас, пока еще имеющих дар обоняния, мир без запахов был бы кошмаром: усеченный мир, лишенный чего-то очень важного. Возможно — самого важного.

Немного младенцы

Если задуматься, то запахи могут ассоциироваться со временем. Благодаря запахам мы воспроизводим в памяти многие моменты прошлой жизни, порой до вроде бы незначительных мелочей. Удивительно, что дома, в котором я выросла, больше нет, а запах каждой комнаты, каждой вещи, мебели — со мной до сих пор. А запах керосина? Каждый выходной я напрашивалась со взрослыми на базар, лишь бы только оказаться в лавочке керосинщика. Это был смешной, горбатый дядька, он был всегда чисто выбрит, вечно сидел на бочке с надписью «Керосин» и курил «Шипку». Вот «Шипкой» и «Шипром» от него и пахло. А потом прочитала у Набокова в «Машеньке»: «Этот запах, смешанный со свежестью осеннего парка, Ганин теперь старался опять уловить, но, как известно, память воскрешает все, кроме запахов, и зато ничто так полно не воскрешает прошлого, как запах, когда-то связанный с ним», — и подумала, что от прошлого иногда ничего, кроме запаха, не остается.

Да, сохраненные запахи детства позволяют тоньше почувствовать запахи взрослой жизни. Например, темные залы кинотеатров в детстве имели совершенно иной запах, чем нынешние. Нет, дело не только в запахе поп-корна, дело в том, что даже мороженое в вафельном стаканчике уже никогда не будет пахнуть так, как в детстве. И не потому, что детство давным-давно кончилось, а потому, что и вафли, и само мороженое совсем иные. А тот, прежний, запах уже впечатался, и след его будет с нами всегда. Тут все как в известном эксперименте, когда только что родившимся давали понюхать тампон, пропитанный запахом матери, и, если малышей отдавали другим мамам, они начинали плакать, но стоило их вернуть родной матери, они, учуяв родной запах, блаженно припадали к материнской груди. Все мы немного младенцы...

Память о «звучании» некоторых запахов оказывается дольше их самих. Так, например, звучат для автора этих строк запахи улочек Старого города в Иерусалиме. И правда, по запаху можно различить города и страны, даже, пожалуй, и континенты. Африка пахнет иначе, нежели Европа, в которой одна страна по запаху отличается от другой. А уж как благоухает Россия, какие ароматы несет с собой пресло-

вутый дым Отечества — знает каждый. Взять хотя бы наши подъезды... Нет, их мы брать не будем, а лучше зажем нос, побыстрее юркнем в свою квартиру, наполненную любимыми и близкими запахами ее обитателей.

Впрочем, в нашей жизни большую роль играют зачастую те запахи, которые принято называть «неприятными». Они не только нас отвращают, но и, что удивительно, привлекают. Вспомним героя фильма «Запах женщины» в исполнении великого Аль Пачино. Он, ослепший в результате несчастного случая, мог не только оценивать женщин по их запаху, по тому, каким мылом и каким парфюмом они пользуются. При помощи своего обострившегося обоняния герой мог также услышать изменение эмоционального состояния говорящего с ним человека, мог по одному только запаху выявить негодяя и подонка.

Человек без свойств

Лишенный запаха человек — монстр. Таким был, например, герой романа Патрика Зюскинда «Парфюмер» Жан Батист Гренуй, отвращавший от себя людей тем, что не имел собственного человеческого запаха. Несмотря на то что родился в самом вонючем месте Парижа. Наверное, поэтому-то природа и наградила Гренуя феноменальным обонянием и интуицией непревзойденного парфюмера. Не имея собственного запаха, Гренуй прекрасно различал запахи окружающего его мира.

Да, у негодяев, скорее всего, свое, особенное амбре. Но и просто запах невымытого тела далеко не всегда так неприятен, как принято считать. Американские генетики Клаус Ведеркинд и Сандра Фюри предложили своим студентам несколько дней не менять футболки и не пользоваться дезодорантами и духами, а потом, смешав несвежие футболки в одну кучу, попросили выбрать из нее ту, запах которой будет наиболее приятен. Выяснилось, во-первых, что мужчины и женщины неизменно выбирают запах представителей противоположного пола, причем часто оценивают его как привлекательный, а вовсе не как отталкивающий. Во-вторых, самыми притягательными были запахи тех пред-

ставителей противоположного пола, кто был наиболее далек генетически. Ведеркин и Фюри предположили, что все дело в лежащем на шестой хромосоме гене MNC, белок которого участвует в определении иммунной системой организма своих и чужих белков. Иными словами, для нас предпочтительнее как бы дважды «чужие» — представители противоположного пола и те, союз с кем в меньшей степени несет «генетическую» угрозу возможному потомству.

Но еще до опыта Ведеркина и Фюри животноводам было известно, что свиноматок привлекает запах вытяжки из семенных желез хряка. Этим они и пользовались, когда хотели вывести породу свиней с нужными характеристиками. А потом и хитрые парфюмеры, добавляя все ту же вытяжку в отдушку очень дорогих, выпускаемых ограниченными партиями мужских духов и кремов, создавали целые ряды «парфюма-обольстителя». Так что получается, что нас далеко не всегда и не везде привлекает свежий аромат духов, или дезодоранта, или даже чисто вымытого тела.

Мода на запахи

Так что — нам без запахов никуда. А производителям запахов вообще труба. По ним, по истории известных и не очень марок, можно составить своеобразную картину развития культуры. Время тяжелых цветочных ароматов (вспомним Грушницкого, лившего себе на шейный платок взятые у Печорина духи) сменялось временами, когда модными становились запахи более тонкие, потом «цветы» возвращались вновь. Обонятельная мода менялась, как и мода на одежду. Ведь мир запахов — такая же система знаков, как и любой другой. Даром разве существует выражение «аромат красивой жизни»: запах салона дорогого автомобиля, натурального, без добавления отдушек табака, хорошей ткани, натуральных продуктов. Запах дорогого парфюма прилагается к этому списку для того лишь, чтобы некто был принят как свой. Эти знаки диктуют свои правила, и если сегодня хочется надушиться «Красной Москвой», следует помнить, куда вы направитесь и с кем будете общаться: ведь у многих аромат «Красной Москвы» на глубинном, не поддающем-

ся сознательному анализу уровне ассоциируется с пустыми полками в магазинах, с очередями. В том числе — и за той же «Красной Москвой». Нет, пожалуй, лучше «Шанель № 5»!

Запах ведь нечто большее, чем отдельно взятый аромат. Недаром же хороший нюх, умение держать нос по ветру — это, пожалуй, синонимы успешности, информированности. И — пронырливости. Не зря же существует поговорка «у него хороший нюх». Нюх не только на дорогие духи, но и на запах удачи или запах несчастья. Сама «логика» запахов помогла Греную сделать открытие, что девушки — те же цветы, аромат можно и должно у них отнять, действуя по правилам парфюмерного искусства, и рядом с флакончиками с розовой водой и эссенцией жасмина появилась новая эссенция. Монстр, убийца — и заставляющий забыть обо всем аромат блаженства и любви. В этом вроде бы невозможном союзе коренится вся загадка мира запахов.

Но загадки загадками, а как все-таки прекрасно, проснувшись поутру, почувствовать запах только что сваренного кофе и горячего хлеба. На свете вряд ли что-то может быть блаженнее этих ароматов! И начинаешь понимать, что проснулся не зря...

Зимние радости

...И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и выюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

Александр Пушкин

Поцеловаться на морозе все сложнее. Искусственный лед катка, спуск на горных лыжах с рукотворной, посыпанной синтетическим снегом горы, лыжные стадионы под крышей... Неужели активный зимний отдых уходит в область преданий?

Нет-нет, ничего подобного, активный зимний отдых консервативен (консервативная активность — неплохой оксю-

морон!) уже потому, что он неотделим от целого комплекса именно зимних ощущений. О них писал еще Петр Вяземский:

Яркой пылью иней сыплет
И одежду серебрит,
А мороз, лаская, шиплет
Нежный бархатец ланит.

Пресловутые ланиты могут быть ушиблены морозом лишь на свежем воздухе, никак не под крышей лыжного, например, стадиона! И только такие ланиты приятно согреть поцелуем, о котором писал друг князя Вяземского Александр Пушкин. И только от натурального мороза стоит спасаться грамотно приготовленным глинтвейном или горячим, крепким и сладким чаем с лимоном. Можно еще отметить, что и чай, и глинтвейн (а кому повезет — и поцелуй) надо заслужить. Как? Все той же пробежкой на лыжах по натуральному снегу, пируэтом на коньках на естественном льду. Да игрой в снежки, в конце концов! И только, так сказать, аутентичному зимнему отдыху может сопутствовать окунание, с уханьем и взвизгами, в прорубь, падение после парилки в сугроб и растапливание ононого собственным разгоряченным телом.

Убежать от хищников

Когда появились первые лыжи, ни о каком «отдыхе» и речи не было: главное было выжить. Лыжи помогли сохранить значительной части человечества — в буквальном смысле этого слова. Ни охота и спасение от злобных хищников, ни миграция древних людей через заснеженные пространства из Евразии в Северную Америку без них были бы невозможны. Правда, 20–30 тысяч лет тому назад это были приспособления не для скольжения, а для ходьбы по снегу. Снегоступы, отдаленно напоминающие большие ракетки для бадминтона, только чуть вытянутые, плели из прутьев, обтягивали шкурами животных, ремнями привязывали к тогдашней, из шкур же, обуви. Появившиеся, судя по археологическим находкам, на Алтае и в районе озера Байкал лыжи-снегосту-

пы были широко распространены до XVI века нашей эры. Но к этому времени уже использовались и лыжи скользящие. Во всяком случае епископ Олаф Великий в своей изданной в 1555 году в Риме книге «История северных народов» так описывал приемы зимней охоты лопарей: «Те из них, кто на лыжах ступает, служат загонщиками, те, кто скользит, бьют дубинами оленей, волков и даже медведей, потому что свободно их догоняют. Звери не могут быстро бежать по глубокому, проваливающемуся снегу и после утомительной и долгой погони делаются жертвой легко бегущего на лыжах человека».

Лыжи скользящие появились, скорее всего, три тысячи лет назад. На юге Кольского полуострова использовали лыжи неравной длины, причем короткой лыжей отталкивались, используя для равновесия одну палку. А вот древние жители Скандинавии уже всю передвигались на лыжах одинаковой длины, причем основатель Норвегии легендарный Нор пришел к фиордам по «хорошей лыжне». Лыжи, на которых ходил Нор, можно найти и сейчас. Например, в Западной Сибири, у хантов и манси. Подбитые оленьей шкурой (мехом, конечно же, наружу), такие лыжи не требуют смазки, не дают «заднего хода», идеальны на глубоком снегу.

Деревянные лыжи, которые появились значительно позже, современный вид приобрели на рубеже XIX–XX веков и дожили практически до наших дней. Их перед использованием нужно было обязательно просмолить, купить набор мазей под разные температуры, выбрать соответствующие палки, ботинки по ноге, подогнать крепления. Довольно большая морока, надо сказать, но любителей бега по снегу она не останавливала.

Теперь беговые лыжи делают из пластика. Они легкие и значительно более прочные. Прежние, «с дырочками», крепления, постепенно вытесняются более современными, которые сделали процесс вставания на лыжи практически мгновенным. Тяжелые лыжные ботинки ушли в прошлое, их сменили удобные, легкие, непромокаемые и теплые, а крепления и материалы для экипировки современного лыжника позволяют не бояться ни глубокого снега, ни падений.

С местами для катания в городе, конечно, есть проблемы, но во многих парках тем не менее оборудованы лыжные трассы — даже подсвеченные. Однако если когда-то в выходные московские троллейбусы, идущие, скажем, в сторону Серебряного Бора, были битком забиты лыжниками, то теперь в «Серебчике» лыжников практически нет. Не прокатишься хоть коньковым, хоть классическим ходом вдоль Москвы-реки: заборы, заборы, заборы...

Звонкий лед

Принято считать, что самыми древними конькобежцами были киммерийцы. Эти довольно буйные и агрессивные ребята, по свидетельству античных историков, катались на костяных коньках по поверхности замерзшего Днепровского лимана и с готовностью вступали в стычки с попавшими в эти края греками.

Костяные коньки пережили самих киммерийцев. Вот что писал в XII веке монах Стефаниус, автор «Хроники знатного города Лондона»: «Когда большое болото, омывающее с севера городской вал у Мурфильда, замерзает, целые группы молодых людей идут туда. Одни, шагая как можно шире, просто быстро скользят. Другие, более опытные в играх на льду, подвязывают к ногам берцовые кости животных и, держа в руках палки с острыми наконечниками, по временам отталкиваются ими ото льда и несутся с такой быстротой, как птица в воздухе или копье, пущенное из баллисты...»

Поистине революционным было использование вместо костей животных деревянных брусков, в которые вставляли металлические заточенные полоски. Так в Голландии и Исландии XIII века появился прообраз современных коньков. С начала XVIII века деревянные бруски стали заменять на стальные трубки. Одной из проблем было крепление конька к обуви. Царь Петр, находясь в Голландии, поразил голландцев своим неординарным решением: он привинтил коньки прямо к сапогам и лихо заскользил к верфи, где проходил стажировку. Вернувшись в Россию, он приказал наладить производство коньков в Туле. Со смертью Петра увлече-

ние коньками сошло на нет (так в России обычно и бывает: вспомним увлечения теннисом, потом горными лыжами, то возраставшие, то затухавшие в зависимости от привязанностей властей предержавших), но примерно через сто лет Пушкин отмечал, «как весело, обув железом острым ноги, скользить по зеркалу стоячих ровных рек». Впрочем, стоячие ровные реки все равно создавали конькобежцам неудобства, среди которых неожиданная неровность была, пожалуй, самой безобидной. Поэтому, когда в 1842 году житель Лондона Генри Кирк залил первый каток, все лондонские любители коньков вздохнули с облегчением: катайся на здоровье, не боясь провалиться под лед.

Вот качусь я в санках...

Каких только саней не изобретали за многие сотни лет! И простые крестьянские розвальни, и маленькие лакированные санки, на которых Николай I выезжал на прогулку по Петербургу, и огромные грузовые сани, в которые впрягали сразу несколько апшеронов. Но в наши дни сани скорее экзотика. А вот санки, на которые можно посадить ребенка, на которых можно скатиться с горы, — вещь очень распространенная. Их без конца усовершенствуют, есть даже санки с рулевым управлением, но принципиально они не изменились. Хотя давным-давно, когда на месте храма Христа Спасителя еще был открытый бассейн «Москва», в Новый год жители окрестных домов собирались на окружавших бассейн крутых склонах и развлекались, скатываясь не на санках, а в эмалированных тазках. Вот это было круто! Особенно если таз как следует раскручивался на оледенелом склоне и, вылетев с «трассы», на полном ходу вмазывался в ствол покорной березы...

Между прочим, нынешние дети тоже предпочитают скатываться с ледяных горок на некоем подобии тазиков — «ледянках», производимых ныне в огромном разнообразии: они не так травмоопасны, как санки, да и веселее лететь на «пятой точке», сшибаясь друг с другом и устраивая кучумалу...

Новое слово

Если история обыкновенных лыж, коньков и санок теряется во тьме веков, то наиболее популярные ныне горные лыжи и сноуборд историю имеют сравнительно короткую. Первый сноуборд сделал из куска фанеры один австриец лет восемьдесят назад. Горные лыжи постарше, их история началась в конце XIX века, когда в Норвегии стали выпускать прочные деревянные лыжи с металлической окантовкой и специальные крепления. Но и сноуборд, и горные лыжи долгое время оставались уделом лишь рискованных людей, пока не началась технологическая революция. Появились сноуборды и лыжи из пластика, высокотехнологичные ботинки, крепления, палки, экипировка. «Молодые» виды отдыха и ориентироваться стали на молодую аудиторию: сноуборд и скоростной спуск на лыжах налагают серьезные возрастные ограничения. Да и финансовые возможности играют не последнюю роль: здесь экипировка — весьма затратная статья.

Зато и удовольствие от полета с горы не сравнить ни с чем. Свист ветра в ушах, сияние снежной белизны, азарт, веселый ужас и счастье одновременно...

Конечно, к активным видам календарного зимнего отдыха справедливости ради следует отнести и прогулки на снегоходах. Этот скоростной агрегат, получивший в середине 90-х наименование «убийцы олигархов», — великолепное средство для впрыска адреналина. Но что бы ни говорили апологеты техники, снегоходы экологически вредны, да и цена самого дешевого сравнима с ценой хорошего автомобиля.

В общем, давно канул в Лету дефицит спортивного инвентаря. Но при этом нельзя не признать — и зимние привычки горожанина стали иными. Многие вообще не выходят из своих квартир, предпочитая спускаться по горным склонам в компьютерных играх. За экстримом надо ехать далеко, да и удовольствие это недешевое.

С другой стороны, каток заливают теперь даже на Красной площади. Когда такое было возможно? Залить бы до кучи и Манежную...

Рецепт напитка, как нельзя лучше подходящего после зимних удовольствий на открытом воздухе

Основа глнтвейна — только красное сухое вино. Возможны эксперименты с винами полусладкими и даже сладкими, с винами креплеными (например, с кагором). Глнтвейн ни в коем случае не должен закипать, в идеале следует подогревать в специальной серебряной посуде до температуры не выше 75°. Пить сразу после нагрева. Если в состав входит горячая вода, воду вскипятить предварительно, а вливать очень осторожно, по краю.

Глнтвейн классический

Бутылка (750 мл) красного сухого вина, 1/3 стакана воды, 3 ст. л. сахара, специи: 6–7 шт. гвоздики, мускатный орех по вкусу.

Гвоздику, молотый мускатный орех засыпать в турку, залить водой, довести до кипения, варить одну минуту. Отвар настоять 10–15 минут. Вино налить в кастрюлю, поставить на огонь, довести до требуемой температуры, вылить в него содержимое турки и добавить сахар.

Лондонский глнтвейн

Бутылка красного сухого вина, 150 г рома, 100 г сахара, цедра одного лимона, 1 ч. л. мускатного ореха, 1 палочка корицы.

Растворить сахар в небольшом количестве горячей воды. Добавить вино, подогретое с ромом, лимонную цедру, корицу, подогреть вновь, вынуть корицу, добавить мускатный орех.

Локомотив

Бутылка красного вина, 100 мл ликера кюрасао, 5 желтков сырого яйца, 70 г сахара, 100 г меда, 1 ч. л. молотой корицы, лимонная цедра.

Смешать желтки, сахар и мед. Разогреть вино, ликер и корицу, влить желтки. Пить из керамических стаканов, край которых украсить лимонной кожурой.

А на правой груди — профиль Сталина

Ближе к сердцу кололи мы профили
Чтоб Он слышал как рвутся сердца...

Владимир Высоцкий

Многое, прежде маргинальное, присущее ранее ограниченному числу людей, всеми прочими если не осуждаемое, то не одобряемое, в наши дни стало модным. Почти — массовым. Татуировка — из этого разряда. Сейчас иметь татуировку значит идти в ногу со временем. Значит быть «продвинутым».

Как свидетельствуют социологи, число маргиналов практически в любом из человеческих сообществ колебалось и колеблется в диапазоне от шести до пятнадцати процентов. Верхняя граница может свидетельствовать о серьезных социальных проблемах, нижняя — условный «приемлемый уровень». Чезаре Ламброзо, проводивший в середине XIX века осмотр тел почти четырех тысяч заключенных и пяти тысяч солдат, обнаружил, что число татуированных среди них было около восьми процентов. Данные о татуированных наших дней отсутствуют, но, вероятно, показатели позапрошлого века пройдены давно. Но скорее всего, нынешнее повсеместное распространение татуировок, мода на них не говорит напрямую о социальных проблемах. Мир стал другим. Отношение к татуировкам — тоже.

Массовые, модные татуировки давно перестали быть ритуальными. Перестали быть оберегами. Они уже не несут в себе, за исключением татуировок преступного мира, татуировок военных или моряков, четкой социальной информации. И хотя они нагружены многими смыслами, зачастую непонятными не только их носителям, но и тем, кто их наносил, по большей части татуировки рассматриваются как чистое искусство украшения тела. Да и носители татуировок могут быть вполне респектабельными членами общества. Вовсе не маргиналами...

Первоначально, как принято говорить — на заре человечества, тело просто размалевывали красками. Раскраска служила для отпугивания злых духов, устрашения врагов, праздничного или повседневного украшения, определения

общественного статуса, кроме того — в культовых целях. Но даже использование самых прочных красок не могло дать долговременный эффект. Поэтому, однажды обнаружив, что краска, попавшая в надрез или в наколотое место на коже, остается практически до конца жизненного пути, первобытный человек открыл искусство татуировки.

Извечный спор между прагматиками и романтиками, между «физиками — лириками» коснулся и татуировки. Некоторые — среди них подавляющее большинство тату-мастеров и адептов татуировок — считают, будто бы главным, ведущим мотивом на протяжении тысячелетий был мотив эстетический. Будто бы люди еще на заре человечества, наколов на своем теле некий узор, увидели, что это хорошо, красиво, и продолжили в том же духе, совершенствуя татуировки и их технику, чтобы в XXI веке украшать тела уже с помощью самых современных татуировочных машинок разнообразными узорами, зачастую совмещающими в себе заимствования из практик самых разных времен, народов, социальных и профессиональных групп. Другие, наоборот, утверждают, что с момента возникновения татуировка, как и любая другая человеческая деятельность, несет в себе самые разнообразные мотивы, причем иногда, так сказать, — архаичные, и просто татуировки — даже если ее носитель так думает — быть не может: по тату опытный человек может узнать даже больше, чем из анкетных данных.

Вовсе не отрицая эстетической составляющей, признаем — скорее правы вторые. Человек такая скотина, что ничего не делает просто так, а уж татуировка — шаг ответственный. На всю жизнь...

Как бы то ни было, изначально и до наших дней татуировки служат для определения принадлежности к некой расовой, национальной, этнической, социальной, демографической группе. Причем нанесение татуировок прежде входило в некий комплекс культовых мероприятий, предваряющих, например, переход в разряд взрослых или награждение отличившегося в битве с врагами доблестного воина. Или же, вне особых торжеств, помогало узнать, сколько детей у женщины, замужем ли она, кто ее отец, мать, из какой она деревни, как у аборигенов некоторых племен Новой Гвинеи.

Часто татуировка была знаком своеобразного отличия. Ведь рабов или преступников не только клеймили, а и татуировали, как, например, в Японии, где воришкам последовательно накалывали на лбу сначала вертикальную линию, потом две дугообразных горизонтальных, так, чтобы в результате составилась обозначающий слово «собака» иероглиф. Там же, в Японии, где практика тату достигла уровня настоящего искусства, многофигурные и многокрасочные татуировки, где каждый элемент и фигура имеют четкое значение, веками были только у низших слоев общества. Такие татуировки словно открытая книга, и бывшему члену якудзы, японской мафии, если он сможет «уйти из семьи» и попытается встать на добропорядочный путь, крайне трудно устроиться на работу именно из-за татуировки. Красивые рыбки, покрывающие предплечья настоящего якудзы далеко не безобидное украшение. Тем более если это не просто рыбки, а карпы, то есть японский символ мужества, отваги, презрения к смерти...

В архаичных обществах, до нашей эры и на заре нашей, сложно было встретить человека нетатуированного: татуировки использовались практически во всем обитаемом мире. Лишь греки и позже римляне относились к татуировкам презрительно, считая их откровенным варварством. Да и древние иудеи, следуя данным Моисею заветам, и, в частности, завету «Ради умершего не делайте нарезов на теле вашем и не накалывайте на себе письма», старались таким образом выделиться из окружающего политеистического мира.

Ранние христиане, особенно если они не были выходцами из семей граждан Рима, а вольноотпущенниками или рабами, использовали так называемые религиозные татуировки, например — изображение двух рыб, знак Иисуса. Тем не менее и в исламе, и в христианстве были выработаны свои своды запретов, среди которых запрет на татуировки был одним из самых важных. Исключения первоначально делались лишь для паломников, с риском для жизни достигавших Иерусалима и Святой земли или исламских святынь Медины и Мекки. Таким образом паломники могли доказать, что паломничество совершили. Христианам, с использованием довольно грубых инструментов, деревянных дощечек с вде-

ланными в них иголками, предприимчивые «мастера», чьи тату-мастерские по закону должны были находиться за стенами Иерусалима, штамповали аляповатые изображения Богородицы с младенцем, святого Петра и кричащего петуха, тех же рыб. Болезненная, но зато быстрая операция — ведь чтобы получить «свидетельство», приходилось выстоять огромную очередь. По схожей технологии паломникам-мусульманам штамповали суры из Корана, которые должны были гарантировать попадание в рай после смерти.

Однако борьба с татуировками в христианском и мусульманском мирах набирала обороты. Когда в X веке арабский путешественник и дипломат ибн Фадлан отправился из Багдада по пути из греков в варяги и на территории современной России встретил язычников русов (скорее всего — шведов), чье тело татуировка покрывала «от ногтей на пальцах ног по шею набором деревьев, фигур и иных знаков», то для него подобное телесное украшательство было уже удивительным. Для русов же путешествующий араб был по причине отсутствия татуировок человеком-загадкой: чтобы понять, кто он такой, с ним надо было поговорить, что было крайне затруднительно из-за языкового барьера.

Запрет или неодобрение татуировок продержались долгие века, пока в XVII—XVIII веках не расширились контакты с аборигенами Нового Света, Дальнего Востока, островов Полинезии. Кругосветные путешествия позже съеденного татуированными жителями Гавайских островов знаменитого капитана Кука сыграли большую роль в отступлении от запретов и в популяризации татуировки. Пока татуированными были моряки, каторжане, начавшие заселять открытую Австралию, солдаты. Помимо полинезийских мотивов, их татуировки носили религиозный характер. Татуировки должны были защитить от гибели в шторм, от зубов акулы, от телесных наказаний, широко применяемых на английском военном флоте. Моряки делали у себя на спине большие кресты, наивно полагая, что рука с плеткой-семихвосткой не посмеет опуститься на святой символ. Солдаты татуировали грудь, где зубцы крепостных стен должны были отразить стрелу островитянина. Но после французской революции татуировки уже стали атрибутом борцов за

свободу, равенство, братство. Татуировка «Смерть королям» украшала плечи сына нотариуса, позже — наполеоновского маршала Бернадота, ставшего шведским королем Юханом I и основателем нынешней династии. Он, кстати, уже став королем, всегда одевался сам, боясь, как бы слуги не увидели его татуировку.

Да и влияние на развитие татуировки уже начали оказывать не «низшие» слои общества, а аристократия. Так происходило, во всяком случае, в англоязычном мире. Быть татуированным стало модно после неофициального визита в Японию принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII, привезшего на себе изображение дракона, символа власти и силы. И если возврат «языческой» моды на татуировки в Европе через моряков и солдат сопровождался использованием грубых мотивов примитивных племен и татуировок-оберегов, то в конце XIX — начале XX века моду формировали люди «благородного сословия», принесшие из Японии татуировки глубоко символические и сложные.

Даже будущий российский император Николай II, несмотря на неприятные происшествия, случившиеся с ним во время визита в Японию, сделал татуировку, и примеру брата последовали великие князья Алексей и Константин. Кстати, и будущий император, и великие князья, и принц Уэльский делали татуировки у мастера «ирэдзуми» Хорите из Кобе, самого известного татуировщика Японии. Августейшие особы при этом продемонстрировали стойкость и силу воли — ведь Хорите наносил татуировку традиционным, весьма болезненным способом, который при нанесении полномасштабного рисунка по всему телу, с учетом времени на заживление ран, требует более года.

XX век внес в искусство и практику татуировки много нового. Пожалуй, впервые после прошедшей тысячи лет татуировки применялись как клейма. Например, в Великобритании во время Первой мировой войны по приговору суда наносили татуировку буквы «D», то есть — дезертир. В нацистских лагерях и отечественном ГУЛАГе ставили номера заключенным. Появились обязательные татуировки группы крови (у эсэсовцев); татуировки представителей преступного мира, а также многих социальных групп преврати-

лись в настоящий язык, изучению которого посвящают себя не только борцы с преступностью, но и социологи, антропологи, культурологи.

Язык татуировки XX века — именно татуировки, а не боди-арта, где царит в основном вавилонское смешение языков, — предельно социален и политизирован. Недаром словари воровского арго традиционный набор татуировок называют «фрак с орденами». В воровском мире татуировка практически официальная форма одежды, мундир со знаками отличия, за каждый элемент которого его носитель должен ответить: имеет ли он право на ношение? кем это право предоставлено? когда? при каких обстоятельствах?

Исследователи татуировок отечественного преступного мира отмечают, что такие татуировки представляют собой сложнейшим образом организованный речевой акт, в котором могут быть как сообщения актуальные (например, послание воров с воли на зону по примеру посланий, которые властители древности татуировали на головах рабов, ждали, пока волосы отрастут, а потом посылали рабов к адресату, приказав рабу сообщить лишь: «Побрей мне голову!»), так и вневременные, отчет о жизненном пути носителя — в них сконцентрированы принципы воровского мира, через аббревиатуры — законы и правила. Татуировки «неправомочные» в лучшем случае могут быть убраны с помощью мучительных операций (даже с использованием ампутации, например — пальца, на котором был вытатуирован перстень, носить который было не по рангу); при невозможности нарушитель переводится в разряд отверженных или вообще может быть убит. Нелинейность, объемность языка тату позволяет нести на теле все богатство знакового мира, в свернутом виде — и поведенческие реакции, и стереотипы.

Сложность этого языка, его многозначимость такова, что понять его может, конечно же, только посвященный. Например, в изображениях на груди блатного Ленина или Сталина только наивный человек может увидеть приверженность носителя к коммунистической идеологии. Обычное изображение Ленина — через скрытую аббревиатуру «ВОР» (Вождь Октябрьской революции) отметка о статусе, Ленин с рогами и хвостом — символ враждебного мира, Сталин — сатана.

И удивительно, что в России, где блатной вербальный язык давно стал отличительным знаком власти, язык татуированного по жестким законам блатного мира тела еще не вошел в моду: «продвинутым» пока еще ближе далекий от структуры язык боди-арта, язык значительно более бедного на символику телесного украшения.

Резкое повышение интереса к татуировкам и мода на них совпадают по времени с падением интереса к высокой письменной культуре, вообще — с утратой ею прежней значимости. Как полагают многие — с ее десакрализацией. Разрушение центра культуры ведет к повышению интереса к ее периферии. К тому, что можно назвать маргинальными областями. И тут уже не столь важно, как, по каким принципам разрисовано тело, по жестким законам, например, тату преступного мира или по постмодернистским, подчиненным законам бизнеса боди-арта. Новый язык тела формируется параллельно с кризисом христианства, наступлением виртуальности, все большей условности базовых принципов цивилизации. Внешне вроде бы безобидная игра «Раскрась свое тело» — еще один шаг в этом направлении.

С лифчиком и без

Каждая советская женщина имеет право на качественный бюстгальтер.

Екатерина Фурцева

«**Б**юстгальтер, как много в этом слове для сердца женского дано, как много в нем отраженно...» Вот вам и перифраз классика, знавшего толк в женской привлекательности. Вот только к такому мощному оружию, как бюстгальтер, человечество пришло каких-то сто с небольшим лет назад. И шло долго и мучительно. Раньше женщины подбирали грудь лишь в исключительных случаях — для комфорта на охоте и у домашнего очага.

Можно сказать, что лифчик закрепил борьбу женщин за эмансипацию. Он дал возможность женщинам вторгнуться в совершенно, казалось бы, мужские сферы деятельности.

Женщины начали заниматься спортом, бизнесом, танцевать танго, ездить верхом не в платье-амазонке, играть в гольф, в конце концов, пошли в депутаты. Как же все это связано с лифчиком? А очень просто: попробуйте побегать, попрыгать и поруководить, когда груди трясутся и вам от этого больно и неловко. Попробовали?! То-то же. А еще бюстгальтер поддерживает мышцы, выстраивает силуэт, скрадывает недостатки фигуры и подчеркивает ее преимущества. Да, лифчик вселяет уверенность в любую женщину, но в то же время является и орудием оболышения. Хотя, кажется, феминистки мыслили по-другому, иначе зачем им было в 1963 году публично выбрасывать и сжигать свои лифчики? Этот жест вроде как должен был символизировать их равноправие с мужчинами. А мужчины и не возражали, а, напротив, радовались такому протесту. Может быть, это был тот единственный случай, когда мужчины не возражали против такой борьбы женщин за свои права.

С начала XX века стремительно менявшийся образ жизни, эмансипация женщин и изменение ее положения в обществе отразились и в моде. Юбки стали короче, фасоны — попроще. До начала двадцатого века дам мучили корсеты, которые, нарушая кровообращение и затрудняя дыхание, были причинами частых обмороков. Однако пренебрежение корсетом считалось дурным тоном. Хотя сам Гюстав Флобер возмущался этим предметом женского гардероба. «Надо прекратить моду на корсеты — вещь омерзительную, чудовищно безнравственную, а в известные минуты — и крайне неудобную...» — писал французский классик. А еще раньше на эту тему высказался Наполеон Бонапарт: «Бойтесь дам в корсетах! Да, эти женщины будоражат вашу кровь. Но с такой дамой у вас не будет настоящего счастья: женщины, носящие корсеты, не захотят иметь детей, чтобы не портить талию».

Итак, лучшие умы человечества включились в разработку бюстгальтеров. В Англии в конце XIX века появилось «приспособление для улучшения формы груди», по виду напоминавшее два чайных ситечка. Во Франции в 1889 году Эрмине Кадолль выставила в своей корсетной мастерской изделие, получившее название «le Bien-Etre» («Благополучие»). Это изделие уже более-менее походило на современный бюст-

гальтер, но и оно пока крепилось к корсету. В 1893 году во Франции же был запатентован «бюстодержатель», снабженный чашечками, подчеркивающими естественную форму груди. Уже в 1907 году в статье журнала «Вог» для описания бюстгальтера используют слово «brassiere», в переводе — «упряжь». Его немецкий синоним «büstenhalter» пришелся по душе в России. Еще одна модификация предложена в 1903 году женщиной-врачом Гош Сапо. Новинка, сделанная из разрезанного пополам корсета, изучается Парижской медицинской академией. В 1905 году благодаря парижскому модельеру Полю Пуаре женщины перестали носить корсеты — ведь великий мастер подарил им юбки с завышенной талией.

Немецкий производитель корсетов Зигмунд Линдауэр в 1912 году делает бюстгальтер без жестких деталей, надевавшийся прямо на тело. К этому открытию он пришел, «убив» брачную ночь на то, чтобы расстегнуть корсет своей новоиспеченной супруги. Год спустя одна из светских львиц Соединенных Штатов, прямой потомок изобретателя парохода Фултона, Мэри Фелпс Джекобс, заставила свою горничную изготовить бюстгальтер из двух носовых платков и двух ленточек. Собственно, бюстгальтер состоял из эластичных полос шириной 3–10 см, число которых можно было менять в зависимости от объема груди. Мэри Джекобс запатентовала свое изделие в 1915 году. Компания, которая купила патент, заплатила ей 15 тысяч долларов. Спустя десятилетия эта первая модель ушла на одном из аукционов за 15 миллионов долларов. В 1922 году компания «Майденформ» вводит нумерацию чашечек в бюстгальтерах. Отныне они обозначаются буквами от А до D. А в 1935 году изготовители бюстгальтеров придумали подушечки, придающие женской груди пышность. На съемках фильма «Преступник» в 1943 году для актрисы Джоан Рассел специально придумывается лифчик без бретелек, чтобы подчеркнуть ее пышные формы. Вроде как сам Говард Хьюз, авиационный инженер и миллиардер разработал конструкцию этого лифчика.

Ну а что же было до появления бюстгальтеров? Тот же корсет. Появление первых корсетов относится к античным временам. Тогда корсет представлял собой узкую кожаную

повязку, носившую у греков название «аподесмэ», которая предназначалась для поддержания бюста. Носили повязки на груди или под грудью. У римлян повязки, называвшиеся «мамилларе», изготовлялись из ткани и обвивали вначале верхнюю, а затем и нижнюю часть тела.

На протяжении многих веков корсеты носили как мужчины, так и женщины. Женские «готические» корсеты сменяли корсеты из кожи, отделенные от платья, в которых для устойчивости и твердости применялись металлические и деревянные вставки. Такие корсеты первыми надели испанские женщины. В боковых частях этого корсета вставлялись шарниры, а по всему корпусу корсета делали круглые отверстия для доступа воздуха. Когда корсет стягивали, то края дырочек врезались в тело, принося ужасные мучения. В наше время испанский корсет несомненно бы признали орудием пытки. Что было бы вполне справедливо. Испанские светские дамы для достижения желаемой формы стягивали талию до 20–20,5 см, тем самым, вызывая необратимые заболевания внутренних органов. Женская одежда деформировала тело, фигура была плоской. Корсет с металлическими вставками занимал прочное место в гардеробах модниц до конца XVII века.

Можно ли назвать корсет предвестником нижнего белья? И когда появилось первое нижнее белье? Ответить на эти вопросы непросто.

В Средние века самого нижнего белья, как такового, еще не существовало. Однако в кругах высшего общества появилась традиция носить специальную нижнюю одежду, более легкую и тонкую в сравнении с верхней. До XVII века нижняя рубашка была признаком состоятельности и даже являлась предметом роскоши. Пышные жабо крепились лишь на верхнюю одежду и служили декором.

Платья дамы эпохи рококо надевали прямо на корсеты, и только после Великой французской революции в начале XIX века появились общедоступные нижние рубашки и тонкое трико, которое надевалось под платье, причем женские и мужские рубашки были одинаковы по фасону. К концу XIX века появилось настоящее дамское нижнее белье, которое изготавливалось из тончайших тканей: шелка и батиста.

А что же было с лифчиками в СССР? Здесь полным ходом процветает унисекс. Здесь не до моды. Революция и все такое. Пошивом нижнего белья, как женского, так и мужского, занимались только две фабрики — «Мосбелье» и «Ленбелье». Ассортимент женского нижнего белья был очень скуден. Лишь жены партийных бонз и военачальников могли заказывать белье по иностранным каталогам или у трудившихся тайком, у себя на дому, белошвеек. Простой советской труженице все это было недоступно. Женщин загоняли в стандарты. Если ГОСТ 1926 года еще предусматривает пошив белья по индивидуальным размерам, то стандарт 1940 года позволяет советской женщине иметь только три размера. Причем модель бюстгалтера в 40-е годы предусматривалась всего одна. ГОСТ же 1950-х позволяет выбирать уже из шести размеров, и только в 1970-е официально их утверждается девять.

После войны в СССР стало попадать «трофейное» белье. Как нередко это случалось у нас, лишь проклятая война давала хоть какие-то представления об изменениях в мире моды. Известен анекдотический случай, когда жена одного видного военачальника явилась на званый ужин в трофейной кружевной комбинации, принятой ею за изысканное вечернее платье. Впрочем, «трофейное» на массовом производстве никак не отразилось. Слабые попытки Трехгорной мануфактуры хотя бы разнообразить цвет нижнего белья власть просто-напросто игнорировала. Раз в пять лет на совещании Министерства легкой промышленности утверждались новые течения в женском белье, детально, вплоть до числа пуговиц на застежке бюстгалтера. Некоторое разнообразия внесла фабрика «Дружба», на которой производили белье из китайских тканей. Даже эти невнятные, безобразные вещицы были отдушиной для советских женщин.

И никакие модные веяния даже от самого Кристиана Диора, изменившего концепцию белья до бикини, нисколько не коснулись «бельевого производства» СССР. «Бельевой занавес» приоткрылся лишь в 1957 году, когда в Москве проходил фестиваль молодежи и студентов. В год, когда весь мир узнал, насколько красивые женщины живут в СССР, в кинотеатрах демонстрируют фильмы с Брижит Бардо. Жители

одной шестой планеты умирают от обольстительных форм французской кинодивы. Белошвейки пытаются повторить крой ее бюстье, называемого в народе «бордотка». Но, увы, это не под силу даже белошвейкам. Нет выкроек, нет лекал, нет фурнитуры. Ну, тут случается какое-то чудо: по предложению члена Политбюро Екатерины Фурцевой открывают в московских Черемушках фабрику по производству женского белья, в ГДР закуплена линия по пошиву знаменитых «анжелик» с застежкой не на спине, а спереди. О чудо! В СССР появляются бюстгальтеры с кружевом. Трепешите, потому что мы идем к вам. Такой мог бы быть слоган к бюстгальтерам «анжелика».

Хотя и в «лифчиковом» производстве царило ее величество плановое хозяйство. Автор этих строк помнит ассортимент самого большого галантерейного магазина в родном и милом провинциальном городе. Стеллаж с тканями, запахи от прилавка с отечественными терпкими духами, витрина с фурнитурой и пуговицами... Имевшиеся в продаже бюстгальтеры были все самых больших размеров при дефиците размеров средних. Маленькие девочки с некоторым ужасом смотрели на вываливаемые на прилавок перед очередной покупательницей атласные, остроконусовидные — привет Иву Сен-Лорану! — бюстгальтеры. Покупательницы обычно уходили ни с чем. Виной тому был план, составленный (ясное дело — мужчинами в серых одинаковых костюмах) в ныне занимаемом Госдумой РФ здании. Все размеры выпускались в одинаковой пропорции, без учета того, что «нормальное распределение» величины бюста наблюдалось и в Советском Союзе...

В коллекциях современных дизайнеров царит сексуальность и изысканность, и отделить моду от эротизма уже не так-то просто. Начиная с 1946 года, с появлением первого купальника-бикини, начинается новая эпоха откровенности и открытости женского тела. Концепция разнообразных стилей в создании нижнего белья появилась тогда, когда женщины захотели привнести что-то новое в свой образ, а также в отношении с противоположным полом и придать своей внешности эротичности и остроты. Ключевыми принципами изготовления современного белья являются необычные

материалы, а также минимизация швов и тканей, что позволяет обеспечить женщине максимальный комфорт. Сегодня мир лифчиков многообразен: японская фирма «Триумф», к примеру, в честь 200-летия Моцарта выпустила музыкальные бюстгалтеры, исполняющие мелодии Маэстро. А есть бюстгалтеры, изготовленные полностью из золота в 24 карата. Американская компания «Викторис Сикрет» создала серию эксклюзивных бюстгалтеров для актрис, номинированных на премию Американской академии киноискусства «Оскар»: бюстгалтеры стоимостью в полторы тысячи долларов, созданные вручную и инкрустированные настоящими бриллиантами. Для простых же смертных были представлены более дешевые модели, которые вместо бриллиантов были инкрустированы всего лишь хрусталем.

Но это — Запад, а в таких странах, как Сомали, воинствующие исламисты останавливают женщин на улице, проверяют — надет ли на них бюстгалтер, и если да, то подвергают «модниц» публичной порке: якобы бюстгалтер противоречит религиозным законам... Ну, оставим эту дикость, потому как это уже совсем грустная история.

Ведь бюстгалтер создан для любви и удобства. Когда мужчины бахвалятся, то говорят: «Нас мало, но мы в тельняшках!» — женщины могут ответить: «Нас много и мы в бюстгалтерах!»

Изделие номер два

- Владимир Ильич! Вам посылка из Баковки!
- Отдайте детям!
- Владимир Ильич! Посылка из Баковки!
- А, понимаю, понимаю! Два мне, два Феликсу Эдмундовичу, остальные проколоть и отдать детям!

Анекдот

Между советской атомной бомбой, на которую работали тысячи ученых и рабочих в секретных «моногородах», и «Изделием № 2» ГОСТ 4645—49, то есть обыкновенным,

и презервативами, выпускавшимися на фабрике в подмосковной затрапезной Баковке, с первого взгляда нет ничего общего. Однако производство и грозного оружия массового уничтожения, и средства контрацепции барьерного типа из латекса организовал один и тот же человек. Пожалуй, один из самых эффективных менеджеров XX века. Лаврентий Павлович Берия. Другое дело, что и бомбу и презервативы делали под страхом смерти, используя труд заключенных. Но как любят ныне говорить — время было такое. Вот только, учитывая вклад Берии, красивые, превратно приписываемые Уинстону Черчиллю слова, будто Сталин взял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой, следует несколько подредактировать. Оставил и с атомной бомбой, и с презервативами. И не известно — что ценнее...

Ответ на вопрос «Почему презервативы маркировались как “Изделие № 2”?» довольно прост. Изделием № 1 на Баковской фабрике был противогаз. Причем выпускался он как для двуногих, так и для лошадей и крупного рогатого скота. Для двуногих противогазы выпускались трех размеров, что было характерно и для презервативов. Вот только тяга к уравниловке имела и тут: в продажу презервативы первого и третьего размеров не поступали. Совграждане использовали Изделие № 2 исключительно второго размера. Куда шли размеры «один» и «три» — тайна великая, сродни тайне золота партии.

Следует также отметить, что презервативы в СССР долгое время считались чем-то очень неприличным. Само их название было чем-то вроде ругательства (вспомним распространенное у нас слово «гандон», произошедшее от «кондом» — такой якобы была фамилия английского врача, сделавшего для короля Карла II противозачаточные колпачки из бараньих кишок), и поэтому — Россия все-таки страна слова! — они распространялись с трудом. Не дефицит был тому главной причиной, вовсе не он! Неблагозвучность, отсутствие сексуальной культуры, а также распространенное убеждение, что презерватив убивает непосредственность ощущений при сладостном акте любви и вообще ненадежен, превращали его в изгоя контрацептивного мира. Поэтому недаром именно в России презерватив, помимо своего прямого назначения,

обрел еще и множество косвенных. Причем иногда крайне важных.

Презерватив, что мало кому известно, обязательно входит в так называемый комплект выживания для спецназа. Презерватив надевают на ствол огнестрельного оружия для того, чтобы внутрь не попала грязь. В них хранят спички и другие горючие материалы. Надевают на подшлемные микрофоны во время дождя. В них, если предварительно вложить презерватив в носок, можно хранить воду. Использовать как средство первой помощи при декомпрессии в случае ранения грудной клетки. Отечественные взрывники, как описывал Василий Шукшин в рассказе «Сильные идут дальше», помещали внутрь презерватива динамитные шашки. В случае потери оружия из двух презервативов можно сделать мощную рогатку. А уж фантазии тех, кто использует презерватив, так сказать, в криминальных целях, можно только позавидовать. Тут и перевозка в презервативах наркотиков и драгоценных камней, и пронос алкоголя с «воли» на охраняемую «зону». По свидетельству Александра Солженицына, в проглоченном и привязанном резинкой к зубу презервативе умещалось до трех литров спирта! Поэтому такие способы использования презерватива, как замена лопнувшего пассива старого катушечного магнитофона или скрепление листов чертежа для курсовой студенческой работы, могут показаться и вовсе обыденными.

Конечно, нет никаких оснований оспаривать тот факт, что презервативы были созданы вовсе не у нас. Приоритет тут, как и во многих других случаях, придется уступить. По легенде первым был презерватив женский. За три тысячи лет до нашей эры жена царя Крита Миноса, дочь бога солнца Гелиоса Пасифая (та самая «штучка», что позже воспылала страстью к быку, понесла от него и родила урода Минотавра), прокляла мужа за измены. В результате проклятья исторгнутое семя несчастного превращалось в ядовитых змей и скорпионов, убивавших наложниц царя. Врач Миноса предложил сделать из мочевого пузыря козла мешочек, который помещали во влагалище очередной царской любовницы. По мнению некоторых исследователей, в такой легендарной форме до нас дошло свидетельство о первом задокументирован-

ном случае венерического заболевания. Несколько позже, в Египте XIX династии (примерно полторы тысячи лет до нашей эры), появились презервативы мужские из бараньих кишок. Правда, сейчас трудно утверждать, что древнеегипетский презерватив был предназначен именно для предотвращения нежелательной беременности. Скорее всего, он должен был сохранить и не допустить осквернения божественного семени живого бога, фараона. Более тонкий и одновременно прагматичный Восток использовал для мужских презервативов, постепенно вытеснивших женские, или внутреннюю поверхность черепаших панцирей (Япония), или особым образом промасленную бумагу (Китай).

Но хотя приоритета у нас нет, тем не менее Россия была далеко не на задворках. Об этом свидетельствуют найденные в Новгороде Великом берестяные грамоты. На одной из них, датированной второй половиной XIII века, зафиксирован семейный разбор между неким Есифом и Марией. Есиф утверждает, что Мария никак не могла забеременеть, ибо «оборожень ладный я надевал. И так любил тебя. Но грех хотя семя пускать опуст, неможно отроча зачати. А давати много пол-деньги на честных 40 оборожнив из поросьяв...». Иными словами, еще в Древнем Новгороде русский человек знал о презервативах, использовал их, сделанные скорее всего из поросячьих кишок, и вовсе того не стеснялся. Даже гордился, что платил за презервативы немалые деньги. Видимо, недаром Иван Грозный вырезал половину новгородцев, ибо не любил естественности, гордости и прямоты.

С тех пор презервативы если и попадали на Русь, то sporadически. Не было на Руси и проблем, из-за которых вся Западная Европа была вынуждена использовать презервативы как средство защиты. В частности, во время эпидемий сифилиса в XV–XVI веках. Во всяком случае, в Московии эпидемия не была настолько сильной. Ведь в Италии XVI века сифилисом болело до 70 процентов населения, и изобретение врача и анатома Фаллопия, предложившего в качестве презерватива льняной мешочек на завязках, в буквальном смысле спасло Апеннины от вымирания.

Изобретение процесса горячей вулканизации резины подняло производство презервативов на качественно новый уро-

вень. Получивший на свое открытие патент и тем не менее умерший в нищете Чарлз Гудьир был причастен к основанному в 1859 году в Петербурге «Товариществу Российско-Американской резиновой мануфактуры» (оно же — уже упоминавшаяся фабрика Фердинанда Краузкопфа). Одним из видов продукции товарищества, позднее переименованного в «Резиновую мануфактуру Треугольник», были многообразные «протекторы» для предотвращения нежелательной беременности и защиты от венерических заболеваний. Против них выступала церковь, однако соглашаясь, что использование протекторов в домах терпимости допустимо. Об этих протекторах, выпускавшихся уже «Росрезинотрестом», упоминали насмешники Ильф и Петров в романе «Двенадцать стульев».

Бывшая мануфактура была в конце концов полностью перепрофилирована и переключилась на выпуск галош и дождевиков, которые она выпускала и прежде. И тут уже рукой подать до появления в высших эшелонах советской власти тов. Берии. Вскоре Лаврентий Павлович возглавил НКВД, и наш советский презерватив стал реальностью. Более того, в СССР тех лет даже была, говорят, такая реклама: «Если хочешь быть сухим в самом мокром месте, покупай презерватив “Росрезинотреста”!»

...Одним из самых захватывающих приключений давно прошедших времен было разыграть кому идти в аптеку чтобы купить ЭТО (4 коп. за пару), а потом, наполнив водой, швырнуть с балкона или с козырька над подъездом. Взросление, однако, открыло и возможность применения Изделия № 2 по его прямому назначению. Живший в середине семидесятых в общежитии аспирантов и студентов МГУ товарищ рассказывал, что временами зимние безлистные деревья у стен общежития сплошь покрывались странными бледными листочками. Тогда его как члена студенческой дружины направляли на сбор «урожая», и будущий профессор Йельского университета, стоя на стремянке, сшибал использованные презервативы палкой от швабры. После 80-го года старые добрые «изделия» были заменены более дорогими (10 коп. за один), обработанными силиконом, проверенными

ми электричеством (как это делалось?), выпущенными по индийской технологии. На самом деле — по технологии английской фирмы «Данлоп», той самой, что выпускает также автошины, мячи для тенниса и прочие полезные в обиходе вещи.

Научно-технический прогресс привел к тому, что латексные презервативы (считается, что величина микропор в латексе не дает высокой гарантии в предохранении от передающихся половым путем инфекций) начали заменяться презервативами из полиуретана. Такие в три раза тоньше латексных, а высокая плотность укладки молекул полиуретана полностью исключает наличие микропор. Правда, полиуретан менее эластичен, дороже, а что важнее — легче соскальзывает или рвется. Кроме того, появились презервативы из полиизопрена, синтетического латекса, обладающего всеми преимуществами натурального продукта, но более плотного и не вызывающего аллергических реакций. Есть информация, что в недалеком будущем появятся презервативы, которые можно будет «наращивать» с помощью специального аэрозоля...

Но как бы ни шел вперед прогресс, с этим «изделием» далеко не так все просто. Видимо, слишком важные для любого человеческого существа функции несет в себе презерватив. Вовсе не только и не столько предохраняет он от нежелательной беременности и передающихся половым путем заболеваний. В частности — СПИДа. Иначе бы не велось вокруг этого предмета стольких споров. Существует весьма устойчивая точка зрения, исходя из которой многие полагают, будто широкое распространение презервативов, их доступность, дешевизна и надежность привели к повсеместному падению нравов.

Отвергать подобные воззрения с места, видимо, не стоит. Тут как с огнестрельным оружием. С одной стороны, стреляет не револьвер, а человек. Но — будем все-таки честными! — уравнивая людей в правах, упоминавшийся полковник Кольт поменял не расклад перед боем, а нечто более важное и глубинное. Ту же нравственность. Презерватив, конечно, не револьвер, но...

Одеться, чтобы раздеться

После выхода романа «Солнечный сезон» улицы нашего приморского городка все время заполнены столичной молодежью, приезжающей отдохнуть на побережье. Молодые парни в плавках, не просыхающих от морской воды, явно подражая героям этого романа, фланировали по главной улице. Демонстрируя свое телосложение, словно на конкурсе мужской красоты, они важно вышагивали, выпятив грудь, отставив зад, согнув в локтях руки. Под стать парням были и девушки в купальниках, плотно облегающих их упругие тела. Пружинистой походкой они прогуливались, покачивая бедрами и выставив грудь. Даже совсем еще зеленые худосочные юнцы, жующие конфеты, и те шатались по улицам с нарочито небрежным видом. Все они, и парни и девушки, на первый взгляд державшиеся достаточно скромно, на самом деле буквально изнывали от истомы и, сохраняя самый невинный вид, старались коснуться друг друга обнаженными телами. Казалось, само вождение шествует здесь под яркими лучами солнечного света.

Кёко Хаяси. Шествие в пасмурный день

Бикини — купальник, максимально обнаживший все прелести женского тела, положил начало сексуальной революции и внес неоценимый вклад в дело женской эмансипации. Сегодня это взрывное изобретение XX века смотрится почти консервативно.

...5 июля 1946 года гости парижского показа мод стали свидетелями сенсационного события. В этот день в центре Парижа проходила демонстрация нового купального наряда, названного «бикини» — в честь вулканического острова в западной половине Тихого океана. За четыре дня до этого события в районе двух атоллов — Бикини и Эниветок, расположенных в архипелаге Маршалловых островов, американцы провели испытание ядерного оружия. Трудно

сказать, чем руководствовался изобретатель революционного купальника Луи Репар, давая ему такое название. Может быть, это был «асимметричный» ответ на страх перед атомной войной, в котором жило послевоенное общество, может быть, сказалось инженерное прошлое Репара с сугубым вниманием к технологическим новинкам, каким было в то время ядерное оружие.

Явление бикини произвело «взрыв» мощнее, чем испытание ядерной бомбы. Наряд был настолько откровенен, что рекламировать его отказались даже профессиональные манекенщицы. Луи Репару помогла танцовщица из «Казино де Пари» Мишель Бернадини: облачившись в два лоскута ткани, она продефилировала вдоль бассейна Молинар — чем и прославилась на весь мир. Говорят, после исторического показа она получила около пятидесяти тысяч предложений руки и сердца.

Костюм Афродиты

Купальная мода всегда была пронизана сексуальностью. Максимально обнажив женское тело, бикини приблизило нашу цивилизацию к истокам: в конце концов, Афродита, богиня любви, явилась из пены морской обнаженной. Только после выхода на берег служанки задрапировали ее прекрасное тело дорогими тканями.

Мозаика, датированная IV веком до нашей эры, свидетельствует, что древние римлянки шеголяли в одеяниях, очень похожих на современный купальник, правда, предназначались они для занятий спортом. Мужчины же плавали и занимались физическими упражнениями полностью обнаженными. Но в Средние века церковь подвергла нагое тело гонению, как и все плотское. Культура купания, широко распространенная во времена Античности, стала исчезать. В открытых водоемах купались только простолюдины, причем это были скорее гигиенические процедуры: очень часто оказывалось, что даже моряки не умели плавать. И уж конечно, не могло быть никакого разговора о том, чтобы купались женщины благородных кровей.

Возрождение интереса к морским ваннам в Европе относится лишь ко второй половине XVIII века. О терапевтической пользе морских купаний заговорили в XIX веке, но и это удовольствие поначалу было доступно только мужчинам. Дамы ограничивались прогулками по пляжу и страшно боялись загореть, ибо считалось, что загар — это удел низших сословий.

Истинным леди этикет предписывал купаться в длинном платье до пят, с корсажем, а иногда даже с кринолином. Чтобы платье не задиралось, женщины пришивали к подолу металлические грузики, а под платье надевали очень плотное белье. Да и само купание мало напоминало привычное для современного человека: дамы семенили по мелководью, плескались, и лишь немногие отваживались побарахтаться в воде.

Олимпийская мода

Лишь во второй половине XIX века стали появляться первые настоящие купальные костюмы. По покрою они напоминали комбинезоны, шились из легкой шерстяной или хлопчатобумажной ткани — с пышными панталонами по колено. В качестве аксессуара полагались купальный плащ и шляпа. В середине 1880-х в моду для прогулок у моря вошли костюмы из синей шерсти с белым кантом и вышитым якорем на груди. И только в начале XX века появились трикотажные купальники в горизонтальную полоску, практически одинаковые как для мужчин, так и для женщин. Самые отважные осмеливались купаться без обуви. Однако большинство дам, считая такие нововведения настоящим кошунством, приходили на пляж в привычной одежде: блузке с глухим воротом, длинной юбке, панталонах почти до щиколоток, «купальных» чулках и тапочках. Для женщин строились специальные купальни. Вспомним чеховскую «Дуэль»: «На берегу была только одна купальня для дам, мужчины же купались под открытым небом».

Кардинальные изменения в пляжной моде произошли благодаря тому, что плавание было объявлено олимпий-

ским видом спорта. Это, впрочем, не помешало в 1907 году в США арестовать австралийку Аннет Келлерман за чрезмерно смелый купальник, обтягивающий тело. Келлерман создала его для улучшения спортивных показателей, но публика была шокирована (суд ее, впрочем, оправдал). Позже Олимпийский комитет все же разрешил женщинам участвовать в соревнованиях по плаванию в облегающих тело спортивных костюмах. Так с помощью спортсменок начался прорыв в пляжной моде.

После Первой мировой войны модельеры представили любительницам отдыха на воде первые отдельные модели купальников. Многомиллионная армия курортниц наконец избавилась от рукавов и длинных панталон. Огромный вклад в популяризацию открытой одежды для пляжного отдыха в 20-е годы внесла законодательница моды Коко Шанель — она неплохо заработала на трикотажных купальных костюмах. Ее соотечественница певица Сюзии Солидор покорила Лазурный Берег стройными бедрами и роскошным бюстом, облаченными в весьма лаконичный костюм. Непримируемая соперница Коко Эльза Скиапарелли в конце 20-х годов также отметилась в курортной моде, придумав пляжные брюки клеш из джерси. В 1929 году она привела в неистовство буржуазную публику, создав отдельный купальный костюм телесного цвета.

В те времена полиция еще штрафовала нарушительниц купального канона, считая, что излишне эротичные покрой и формы купальников нарушают спокойствие добропорядочных буржуа. Для надзора за соблюдением приличий на популярных пляжах действовали даже специальные патрули. Впрочем, остановить революцию пляжной моды не мог уже никто. В 30-е годы даже советский трест «Мосбелье» предлагал достаточно широкий ассортимент женских пляжных костюмов. Тогда в СССР пропагандировали культ здорового тела, в моде были дейнековские девушки, а сплошные купальники того времени по крою уже принципиально не отличались от сегодняшних. Дейнека, кстати, любил рисовать купальщиков-мужчин обнаженными — такая советская античность...

Итси-Битси

В 1956 году на экраны вышел фильм «И бог создал женщину», в котором Брижит Бардо появляется в бикини. В 1960-м мир покоряет песня в исполнении Далиды. Текст там был примерно такой:

Одна девчонка-красотка на пляже
 Боялась в море купаться пойти,
 Из будки не могла выйти даже,
 Аж вся тряслась и боялась мужчин.
 Раз, два, три, чего боишься ты, скажи?
 Все это Итси-Битси-Тини-Вини,
 Виновато во всем бикини,
 Ты впервые надела его.
 Ах, Итси-Битси-Тини-Вини,
 Покажи свое бикини,
 Красненькое в желтый горох.
 Раз, два, три, что случилось, посмотри...

Девушка Джеймса Бонда Ханни Ридер в исполнении Урсулы Андресс в 1962 году выходит из воды в белом бикини — этакая новая Венера Боттичелли. Впрочем, бикини на Андресс было довольно целомудренным: в романе Флеминга героиня выходила из воды только в поясе, на котором висели ножны для кинжала. Тем не менее эта сцена впоследствии была названа одной из самых эротических в истории кино. В 1964-м журнал «Спортс иллюстриейтед» поместил на обложке девушку в бикини, а в 1966-м на экраны вышел фильм «Миллион лет до нашей эры» с «пещерной девушкой» Рейчел Уэлч в бикини из звериных шкур. Не отставала от мировой моды и Страна Советов: фраза «модель пляжного костюма мини-бикини 69-го года» стала крылатой после выхода на экраны фильма «Бриллиантовая рука»...

С тех пор купальные костюмы изменялись только в одну сторону — уменьшаясь в размерах, а пляжная мода становилась все более открытой и смелой.

В наши дни, когда пышным цветом цветет натурализм, стали обыденными нудистские пляжи, а купальником без верха, то есть топлес, никого не удивишь, классическое бикини

выглядит скромным и невинным. После появления стрингов, оставляющих полностью открытыми ягодицы, бикини и вовсе стало образцом консерватизма. Борьба против естества, испортившая, как водится, немало судеб и поломавшая не одну карьеру, закончилась так, как и должна была закончиться, — победой естества. Седовласый мужчина в стрингах на пляже сегодня не вызывает даже любопытства. А на главный вопрос: «Когда женщина надевает бикини, она раздевается или одевается?» — как не было ответа, так и нет.

Впрочем, некоторые уверены, что бикини стало популярным еще и потому, что на его изготовление достаточно 70 сантиметров ткани. Дешевизна наряда — немаловажное достоинство для модниц любого возраста и социального положения. Что, впрочем, сегодня не мешает модным домам продавать купальники по цене от \$200 и до бесконечности.

Да будет вода!

Мяч ты оставь, уж звенит колокольчик — терма зовет и тебя.

Марциал

«Да будет вода!» — не патетический клич, а девиз с глубоким смыслом. Он даже вынесен на герб государства Ботсвана. В Ботсване и во многих других странах не хватает воды для самых элементарных нужд. А в развитых странах люди предаются водным процедурам и в ус не дуют. Да еще придумали напичканные аттракционами аквапарки.

В начале 90-х годов прошлого века один нувориш, расселив прежних жильцов, стал обладателем большой квартиры в старом доходном доме. Сделал «евроремонт». Установил в ванной комнате большую ванну-джакузи. И как-то, провернув крупное дельце, решил искупаться в ней вместе с не менее габаритной подругой. Они не успели пригубить шампанское: обветшавшие деревянные перекрытия не выдержали и свежее испеченные хозяева жизни обрушились вниз, в находившуюся под ними еще не расселенную коммунальную квартиру. Прямо на небольшую очередь к умы-

вальнику. Так водные процедуры новой России погребли под собой водные процедуры России старой. В буквальном смысле слова.

...Между чисто гигиеническим мытьем и разнообразными водными процедурами существует важное различие. Процедуры (не правда ли — в этом слове слышится тяжелый канцелярит?), за исключением процедур чисто «по показаниям», например — посещение спортсменами сауны для снижения веса, уже давно стали частью досуга. Уже никто не ходит в баню — тем более в аквапарк — только мыться. Но — попариться в парной (в домашней ванне это сделать затруднительно), искупаться в бассейне. Ходят провести время. Отдохнуть. Пообщаться. Многие — пообщаться с пользой, с деловыми партнерами. В отечественных фильмах, особенно — в сериалах, в банях обычно обретаются отрицательные герои, они там «перетирают», у них там в комнате отдыха — бутылки, тарелки с нарезкой, под салфеточкой — большой черный пистолет.

Впрочем, в баню ходили и очень симпатичные киногерои. Например, из популярнейшего фильма «С легким паром!». Но и они собирались не ради банальной помывки. Вот еще одно неуклюжее слово, сразу вызывающее в памяти тонкошейных солдат под командой старослужащего, марширующих к гарнизонной бане, низкому строению, с торчащей над ним высокой черной трубой.

...Уже во времена создания фильма «С легким паром!» бани почти повсеместно стали местом отдыха и общения. Однако тогда, когда еще не были построены многоквартирные дома на бесчисленных улицах Строителей, бани для жителей коммунальных квартир были единственным местом, где можно было помыться. Теперь на их месте или клубы-кафе-рестораны (как на месте знаменитых московских Центральных бань), спортивные клубы (как на месте второразрядных Кожевнических бань, располагавшихся в пяти минутах ходьбы от станции метро «Павелецкая» в Москве), или они превратились в сверхдорогие заведения с отдельными номерами, включающими гостиную, комнату отдыха, бассейн и парную (как не менее знаменитые Сандуны). Хотя Сандуны ведь и основывались как бани доро-

гие. Шутка ли — более двухсотлетняя история, когда-то — своя артезианская скважина, собственная электростанция, в лучшие времена — почти четыреста банщиков. Вот был размах...

Одним из критериев, по которому люди Античности, греки и римляне, определяли, кто варвар, а кто — нет, был критерий чистоплотности. «Сооружение бань — обязанность государства!» — утверждал Платон, но уже у греков бани имели не только гигиеническое назначение. После парной, омовения и купания в бассейне жители полиса собирались в особом помещении при бане, где вели философские беседы и обсуждали дела города-государства. Греки считали варварами всех, кто не умел плавать. В войнах с Персией греческий флот, если персам удавалось потопить греческий корабль, мог сохранить как минимум свой людской потенциал. Персы же сразу шли ко дну. В Риме расход воды на одного жителя достигал семисот литров в день, что вполне соответствует самым высоким гигиеническим требованиям наших дней. Куда бы ни простиралась власть Рима, там везде первым делом строились дороги и прокладывались акведуки. Выложенные свинцом, они доставляли воду в провинциальные италийские города и, естественно, в столицу мира, Вечный город.

А термы, эти усовершенствованные римлянами греческие бани, представлявшие собой целые города в городе? Термы были, наряду с форумом, одним из центров общественной жизни Древнего Рима. Причем — открытыми для всех свободных жителей. Первые построил на рубеже тысячелетий Марк Випсаний Агриппа, друг и зять императора Октавиана Августа. Позже римские императоры (Нерон, Тит, Александр Север, Траян, Каракалла, Диоклетиан) считали своим долгом или реконструировать уже имеющиеся, или строить новые. Эффективная система центрального отопления с подогревом пола и стен в термах была выполнена на самом высоком инженерном уровне. В комплекс терм обязательно входили специальные помещения для физических упражнений, две парилки (сухая и влажная), бассейны с холодной и горячей водой, бассейн, в котором лопастями, приводимыми в действие спрятанными под полом лошадь-

ми, создавались волны, помещение для массажа и умащения тела маслами, библиотека, несколько помещений для отдыха и еды.

Неудивительно, что почти тысячелетняя история античного Рима не знала смертоносных эпидемий, которые бушевали на окраинах империи. Плохая вода или ее отсутствие, нечистоты (римский эдил раз в несколько дней проплывал по главной трубе римской клоаки, чтобы удостовериться, что канализация исправна) способствовали возникновению болезней, которые выкашивали людей не хуже парфянских лучников.

Считается, что если «мрачное Средневековье» положило предел античному культу воды, бань, водных процедур, то стоило Средневековью смениться эпохой Возрождения, тем более — по наступлении Нового времени, так все стало вокруг чистым, благоуханным. Это не совсем так. Грязь и нечистоплотность в средневековых европейских городах действительно были ужасающими. Но жители севера Европы, ее востока пользовались банями, что на Западе считалось не только греховным, но с точки зрения тогдашней «науки» и вредным. Возрождение породило настоящих титанов, но эти титаны, например Леонардо да Винчи, никогда не мылись («Главное — не используй воду, иначе ты можешь смертельно заболеть», — писал Леонардо его отец), как и многие из тех, кто жил значительно позже. Скажем, Людовик XIV, Король-Солнце, ванну принимал два раза в жизни. Поэтому так смешны современные «исторические» фильмы, в которых нынешние намакияженные звезды играют исторических персонажей. И блещут жемчужными зубками. Великий историк Арон Гуревич рассказывал, что, будучи приглашен в качестве консультанта на исторический фильм «И на камнях растут деревья», потратил массу энергии на то, чтобы режиссер все-таки заставил исполнительницу главной женской роли смыть маникюр и сделать траурную каемку под ногтями, а также на то, чтобы, раз во времена действия фильма (XI век) у викингов не было полотенец и они после умывания вытирались специально подготовленной соломой, изменить сцену утреннего туалета конунга. А уж про грязь, отсутствие ванн и туалетов в Версале в галантном веке не

писал только ленивый. Им бы всем прочитать бессмертные строки Корнея Чуковского:

Давайте же мыться, плескаться.
Купаться, нырять, кувыркаться
В ушате, в корыте, в лохани,
В реке, в ручейке, в океане,
И в ванне, и в бане,
Всегда и везде —
Вечная слава воде!

...Вернемся, однако, к обрушившейся на нижний этаж ванне-джакузи и отметим, что далеко не всегда встречи старого и нового бывают столь неудачны.

Теперешние аквапарки закрытого типа (а в России таковых подавляющее большинство), по своей сути не что иное, как древнеримские термы. Только сделаем поправку на время. Вычтем библиотеки, способных поддержать разговор об Овидии гетер и другие типично римские атрибуты. Но добавим атрибуты XXI века — кинотеатры 3D, водные аттракционы (горки, «поливалки», закрытые трубы, фонтаны, бассейны с вышками и без оных, приспособления для искусственного нагнетания волны для серфинга), а также помещения для массажа тайского и китайского, бани турецкие и финские, как римлянам совершенно неизвестные, и все остальное, вытекающее из принципов кросскультурности, глобализма и технического прогресса. И мы получим аквапарки.

Аквапарки являют собой пример высокоэффективных инвестиций в индустрию развлечений. Да, римляне тоже любили развлекаться, многие из них только этим и занимались всю сознательную жизнь, но они не знали индустрии, создающей потребности, формирующей новое, инфантильно-требовательное отношение к жизни, характерное для нашего века.

Первые аквапарки появились около шестидесяти лет тому назад в США. Первоначально практически безопасные (сейчас аквапарк — место, где жаждущему развлечения получить травму проще простого), оборудованные про-

стыми горками сооружения открытого типа располагались в курортных зонах, на берегу океана или крупного водоема. Когда-то стоимость первых аквапарков составляла не более полутора-двух тысяч долларов, да и окупалась она буквально за один, от силы — два месяца эксплуатации. Аквапарки открытого типа стали появляться в странах с теплым морским климатом. Главное, что давало им развитие, — высокая рентабельность. Через некоторое время средства, технический прогресс, новые материалы позволили создавать и аквапарки закрытого типа. Сегодня самый крупный из них — «Оушн деум», расположенный на японском курорте Сигаия, занесен в книгу рекордов Гиннеса: одновременно водные процедуры здесь могут получать десять тысяч человек, а по отзывам побывавших в «Оушн деум» он представляет собой нечто феноменальное. Как по уровню сервиса, так и по техническому уровню. Помимо него лучшими аквапарками мира считаются кипрский «Вотерворлд», «Уайлд Вэди» в Объединенных Арабских Эмиратах, испанский «Порт Аventura», «Серена» в Финляндии и «Андерворлд» в Сингапуре. Отечественные аквапарки пока не могут похвалиться высокими рейтингами. Да и цены в них отнюдь не маленькие.

...Между водными процедурами в аквапарке и ими же после утренней гимнастики в малогабаритной квартире — дистанция огромного размера. Единственное, что их объединяет, — вода. Вода, которая жизнь. Аквапарки же теперь стали неотъемлемой составляющей многих курортов. Особенно тех, где используется система «все включено». Наличие аквапарка позволяет значительно повысить стоимость отдыха. Аквапарк решает проблему отдыха с детьми: взрослые знают, что дети не предоставлены сами себе, что за ними следят служащие аквапарка, и сами могут расслабиться: неспешно, саженьками подплыть к бару во взрослом бассейне и попросить налить что-то освежающее. Красота!

Индустрия развлечений, таким образом, все объемнее использует воду. Водные аттракционы, несомненно, важнее гетер, знающих Овидия. И самого Овидия — тоже. Удивляться, тем более негодовать — смешно.

Душитесь, мужики!

...Он завел довольно хорошего повара, тонкие голландские рубашки. Уже сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния, и с этих пор стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрою; уже приобрел он отличную пару и сам держал одну вожжу, заставляя пристяжную виться кольцом; уже завел он обычай вытираться губкой, намоченной в воде, смешанной с одеколоном; уже покупал он весьма недешево какое-то мыло для сообщения гладкости коже...

Николай Гоголь. Мертвые души

Чем должен пахнуть мужчина? Хорошо выделанной кожей, качественным табаком и выдержанным коньяком — это классика. Именно такой букет в разных сочетаниях пытаются воспроизвести в мужских парфюмах. Первые ароматы для настоящих мужчин появились уже более трехсот лет назад.

История того, что ныне во всем мире называется «одеколон», началась в 1709 году. К этому времени выходец из Италии Джованни Мария Фарина, владелец парфюмерной лавки на площади Юлихсплац в Кельне, составил рецепт самого первого и самого популярного одеколona. Фарина создал из масел сладкого и кислого лимонов, апельсина, бергамота, мандарина, кедра, грейпфрута, а также трав душистую воду, которую назвал в честь своего любимого города — Eau de Cologne, «кельнская вода». Впрочем, это был скорее рекламный ход со стороны относительно нового жителя Кельна, призванный привлечь потенциальных покупателей. Ведь сам Фарина, еще работая над рецептурой в 1708 году, признавался в письме к брату: «Мой аромат напоминает весеннее утро в Италии после дождя... Цветы и травы моей родины». В самом деле — откуда в сумрачном Кельне взяться цитрусовым, кедру и бергамоту?

Вклад в цивилизацию

Существует, однако, версия, что Джованни был вовсе не таким уж талантливым парфюмером, а всего лишь усовершенствовал чужой рецепт. Чей? Да своего дяди, Джованни Паоло Феминиса, приехавшего в Кельн в конце XVII века! Дядюшка передал племяннику привезенный из Италии рецепт «удивительной воды» (Aqua Admirabilis), куда входили бергамот, лаванда, розмарин, а также виноградный спирт. Но как бы то ни было, именно Джованни Фарина наладил промышленное производство. И Eau de Cologne начал свое победное шествие...

Взаимопроникновение культур всегда способствовало прогрессу. Дядя и племянник, эти два «трудовых мигранта», оказавшиеся не у дел в родной Италии, в свободном имперском городе пришли к двору. Но нельзя не отметить и то, что рецептура одеколона включала спирт, а дистилляция была открыта арабами, которые (в частности, Авиценна, он же Ибн Сина) использовали спиртосодержащие жидкости как лекарства, из-за чего у того же великого Авиценны были серьезные неприятности с мусульманским духовенством.

...Развитию науки и ремесел, нравится нам это или нет, содействуют и войны. Локальные, иногда сводимые к мало-значимым конфликтам, а также крупномасштабные, грозящие перерасти в мировые. Войны становятся результатом тяжелейших экономических и социальных кризисов, несут боль и разрушения, но при этом двигают цивилизацию. При этом развивается не только «наука убивать», но и бытовая культура. Возвращаясь из дальних походов, армия приносит с собой не только представление о другом укладе жизни, но и разные диковинки. Во всяком случае, если бы не Семилетняя война, одеколон долго оставался бы локальным, кельнским артефактом.

На Париж!

Семилетняя война (1756—1763) стала самым крупным военным конфликтом Нового времени. Она охватила не только европейские державы, но и Северную Америку, стра-

ны Карибского бассейна, Индию, Филиппины, разрушила прежнюю систему европейских отношений, осью которой являлось франко-австрийское соперничество в борьбе за гегемонию на континенте. Не зря Уинстон Черчилль назвал Семилетнюю войну «первой мировой».

Мировая она была или нет, не будем спорить. Главное, что в ходе Семилетней войны произошел и глобальный обмен модой, ценностями, культурой. Как говорится, война войной, а обед — по расписанию, и когда в 1756 году в Кельн вошли доблестные французские солдаты под командованием Луи де Бурбон-Конде, графа Клермона, то они, само собой, не могли пройти мимо лавки Джованни Фарины. Так одеколон попал в Париж, где сразу же завоевал популярность.

Французские аристократы начали выливать на себя одеколон целыми флаконами. Причина была не только в прекрасном аромате, но и в том, что правила личной гигиены того времени не считали обязательными водные процедуры: ванны были большой редкостью. Какая гигиена, если в великолепном Версале не было клозетов, а слуги сновали с горшками своих господ! Одеколон помогал справляться с запахами немытого тела.

Кельнская вода была очень дорогой, да и достать ее было непросто. Доступен одеколон был только сильным мира сего. Страстной поклонницей новинки из Кельна стала любовница Людовика XV мадам Дюбарри, а Вольтер и вовсе утверждал, что изобретение Фарины «способствует вдохновению».

Россия также не отставала от моды. Екатерина II, получившая одеколон в подарок от прусского короля Фридриха II, недавнего противника в разрушительной Семилетней войне, не осталась равнодушной к этому аромату. Позже заказывал одеколон и внук Екатерины, царь Александр I.

Рецепт императора

Однако даже популярность у аристократов не определила бы столь блестящее будущее одеколону, если бы сей аромат не оценил Наполеон Бонапарт. Вот как о туалете императора писал Лев Толстой: «Император Наполеон еще не выходил из своей спальни и оканчивал свой туалет. Он, пофыркивая

и покряхтывая, поворачивался то толстой спиной, то обросшей жирной грудью под щетку, которою камердинер растирал его тело. Другой камердинер, придерживая пальцем склянку, брызгал одеколоном на выхоленное тело императора с таким выражением, которое говорило, что он один мог знать, сколько и куда надо брызнуть одеколому. Короткие волосы Наполеона были мокры и спутаны на лоб. Но лицо его, хоть опухшее и желтое, выражало физическое удовольствие. *Allez ferme, allez toujours...** — приговаривал он, пожимаясь и покряхтывая, растиравшему камердинеру».

Французский император считал одеколон весьма полезным изобретением. Он полагал, что одеколон улучшает работу мозга, причем великий корсиканец применял воду из Кельна не только по прямому назначению: он капал одеколон на сахар, полоскал им горло, непременно добавлял одеколон в воду, принимая ванны. За один день Наполеон переводил до двенадцати флаконов «кельнской воды». Будучи в ссылке на острове Святой Елены, когда у него закончился одеколон, Наполеон придумал собственный рецепт, добавляя масло бергамота в 90-процентный спирт, и назвал полученное «туалетной водой». Некоторые историки утверждают, что император был первым человеком, который начал принимать одеколон внутрь. Для него даже изготовили специальный флакон в форме валика, чтобы он мог носить его в сапоге. Словом, император никогда не расставался с любимейшей ему ароматической жидкостью.

В середине XIX века одеколон Фарины стали поставлять ко двору королевы Англии Виктории, которой он также пришелся по вкусу. Хотя в Англии одеколон появился, конечно, значительно раньше. И так сложилось, что Джордж Браммел — «Красавчик Браммел», законодатель моды в эпоху Регентства, друг будущего короля Георга IV, первый денди (Байрон выделял среди своих современников всего трех великих людей: Наполеона, Браммела и себя) — оказался противником одеколону. Точнее, насмешником над теми, кто предпочитал глушить запах пота одеколоном и выливать его на себя флаконами. Браммел, по примеру Наполеона,

---

* Ну еще, крепче... (*фр.*)

ввел в моду принимать ванны, менять рубашки по три раза на день. Но и он не отказывал себе в удовольствии капнуть на белоснежный манжет немного Eau de Cologne.

Правда, надо отметить, что полученный путем перегонки спирт стали использовать в парфюмерии всего лишь за сто один год до появления Eau de Cologne: в 1608 году среди того, что выпускала первая в мире парфюмерная фабрика во Флоренции, появилась жидкость, состоящая из виноградного спирта и растворенных в нем ароматических масел, прообраз нынешних духов, туалетной воды и одеколона. Но именно одеколон, как бы над его потребителями ни иронизировал Браммел, действительно оказывает освежающее, охлаждающее, дезинфицирующее действие. Более того — в конце XIX века это было распространенным домашним средством первой помощи при порезах, ссадинах и кожных высыпаниях. Гигиеническое значение заключается в способности одеколona удалять с поверхности кожи следы пота и жира, а цитрусовые масла, содержащиеся в одеколоне, придают ему освежающие свойства.

Поэзия «Шипра»

В России и СССР производилось немало видов одеколona: «Цветочный», зеленый «Шипр», «Русский лес», знаменитый «Тройной»... «Шипр» появился в год Октябрьской революции, в результате поисков знаменитого парфюмера Франсуа Коти. В отличие от классической ароматизированной воды, в состав которой входит 70 процентов спирта и от 2 до 5 процентов ароматических веществ, «Шипр» обладает более «тяжелым» ароматом, ведь в его состав обязательно входят экстракт дубового или елового мха.

Злобно содрогаюсь в спазме эстетизма
И иду к корзинке складывать багаж:
Белая жилетка, Бальмонт, шипр и клизма,
Желтые ботинки, Брюсов и бандаж, —

писал Саша Черный в стихотворении «Отъезд петербуржца». Быстро завоевавший популярность, «Шипр» в после-

дующие годы стал своеобразным символом советского времени. «Шипром» заправляли автоматы, из которых, если опустить 15-копеечную монетку, на клиента выстреливала ароматная струя.

А в эпоху борьбы за трезвый образ жизни некоторое время был популярен забористый «коктейль» «Александр Третий», составленный пополам из одеколонов «Саша» и «Тройной». Особо эстетически продвинутые знатоки добавляли еще и содовую и советовали пить через кусочек сахара-рафинада. Именно тогда, видимо, и появился печальный анекдот: «Доктор! Что-то печень побаливает... — Одеколон пьете? — Пью. Не помогает...»

Одеколон был и долгое время — пока на рынок не вышла мужская парфюмерия во всем ее нынешнем многообразии — оставался свидетельством мужественности, зрелости. Пока в 60-х годах XX века не начался настоящий бум ароматов для мужчин, одеколоны были практически единственными «ароматизаторами» для сильного пола.

Вспомним, как герой Валентина Гафта в фильме «Анкор, еще анкор!» умашивает себя одеколоном, перед тем как застрелиться. А с каким изяществом освежали свежесбритые щеки клиентов брадобреи прошлых лет! Теперь уже в парикмахерских запрещено бритье, а вместо одеколона после бритья используются лосьоны и бальзамы. Да и понятие офицерской чести претерпело значительные изменения.

В XVIII веке благодаря одеколону Кельн стал известным во всем мире городом парфюмеров. Центр «парфюмерной тяжести» давно переместился с берегов Рейна, но прародительница всех туалетных вод — «кельнская вода» — отмечает свое 300-летие. И если дешевые «массовые» одеколоны вышли из моды и теперь используются разве что в гигиенических целях, то классический одеколон — продукция торговой марки Eau de Cologne, принадлежавшей потомкам Фарини, недешев и по-прежнему является визитной карточкой людей состоятельных.

Шарики да ролики

Когда кому нужда была в ножике очинить перо,
то он немедленно обращался к Ивану Федоровичу.

*Николай Гоголь. Иван Федорович Шпонька
и его тетушка*

Осенью 1965 года в СССР стартовало промышленное производство шариковых ручек. Так начался закат эпохи «вставочек», стальных перьев и чернильниц, а «вечные» перья и авторучки по большей части стали дорогим аксессуаром.

Конечно, главное не «чем?», а «что?» и «как?».

Из бочки можно капли извлекать,
А можно сквозь соломинку — лакать! —

писала когда-то Новелла Матвеева. Надо признать, что мысль о большей значимости сути по сравнению с формой была выражена не только ею и не только в стихах. Стал бы Александр Сергеевич Пушкин писать лучше (звучит несколько по-идиотски, не правда ли?), если бы пользовался не гусиными перьями или уже появившимися в его время ручками со вставным стальным пером, а гелевой ручкой

фирмы «Пилот»? Стали бы интереснее и глубже произведения Эрнста Хемингуэя, если бы он писал не карандашами (добавим для исторической правды — по обыкновению стоя у конторки или сидя на стульчаке), а, скажем, перьевой ручкой «Монблан», украшенной 4654 черными бриллиантами, общим весом 17 карат и стоимостью почти в 135 тысяч евро? Вряд ли. «Папаша Хэм» сразу бы заложил все черные бриллианты, починил бы дом на Кубе, подремонтировал лодку «Пилар», угостил бы всех посетителей бара «Флоридита» двойным «дайкири» да вернулся бы к карандашам.

С другой стороны, нет ничего приятнее, чем хорошее перо. Это сейчас, когда привыкшие к клавиатуре пальцы большинства людей начинают неметь после нескольких минут письма «традиционным» способом, мало кто помнит восторг от использования хорошей ручки. Мягкий, под удобным углом падающий свет, качественная бумага, легкое поскрипывание пера, ровный след настоящих, классических чернил. Такими перьями и рисунки на полях рукописи получались изящными. А штриховка? Попробуйте получить весь этот комплекс ощущений сидя у компьютера. То-то...

Страшно подумать, но приспособления для письма уже около пяти тысяч лет. Можно считать таковыми и вавилонские палочки для выдавливания клинописных значков на глиняных «табличках», а также римский стилус, бронзовый «стиллет», которым писали на табличках восковых. Вспомним изображенную на фреске прекрасную жительницу засыпанного пеплом города Помпеи. В задумчивости она поднесла к губам тупой конец стилуса и, по всей вероятности, вот-вот сотрет им только что написанное. Скорее всего, любовное послание. Но, строго говоря, технология использования и стилуса, и глиняных табличек мало чем отличается от письма заостренной палочкой на песке. Вот когда сложилось великое триединство «перо — чернила — бумага», тогда и началась эпоха письменных принадлежностей. И в этой области первенство у тех, у кого оно и во многих других: у китайцев и древних египтян.

С китайцами все более-менее понятно: изобретение бумаги в I веке нашей эры (по некоторым данным — на триста лет раньше) позволило использовать для письма те кисточ-

ки, которыми прежде писали на шелке тушью. Египтяне, за три тысячи лет до нашей эры, начали использовать для письма тростниковые палочки с расщепленным кончиком, лист папируса и, строго говоря, тоже тушь, то есть смесь сажи с растительным маслом. Впрочем, тростниковые ручки использовались низшим рангом писцов. Для фараонов писали уже такими ручками, которые не требовалось постоянно окунать в чернила. Эти древнеегипетские ручки представляли собой полые свинцовые или бронзовые трубочки с заостренным концом. В трубочку вставлялась тростинка, наполненная чернилами, которые, просачиваясь по волокнам стебля, накапливались на заостренном конце трубочки.

Триединство в дальнейшем развивалось только за счет совершенствования своих составных частей. Прорывов приходилось ждать веками. Тысячелетиями! Например, первые «вставочки», то есть тонкие металлические трубочки, куда вставлялись бронзовые перья, появились в III веке до нашей эры в Греции и оттуда были привезены в Рим. И дожили «вставочки», изрядно изменившись — в 1803 году был получен патент на стальные перья, — до второй половины XX века. Таким образом, советские школьники, которых мучили на уроках чистописания, совграждане, отправлявшие телеграммы и макавшие перьевые ручки в чернильницы почтовых отделений, мало чем отличались от вольноотпущенников Древнего Рима, составлявших касту писцов.

Другое дело, что совшкольники и совграждане использовали игравшие всеми цветами радуги «фиолетовые» чернила, а вольноотпущенники Рима, особенно те, кто выводил древнеримскими «вставочками» важные императорские документы, — красные чернила из пурпура и киновари, так называемые «консульские». Любопытно, что подобное разделение «плебсу — фиолетовое, патрициям — красное» сохранилось и в обществе развитого социализма: некоторые советские партфункционеры свои резолюции выводили тоже чернилами красными.

Пурпурные чернила, ровно как и чернила с использованием серебра или золота, например те, которыми на окрашенном пурпуром пергаменте переписана знаменитая Серебряная Библия, ныне хранящаяся в библиотеке университета

Упсалы, были несомненной редкостью. Чернила изготавливали из того, что было под рукой. В каждой стране были свои чернильные рецепты, и Россия не была исключением. Наиболее древний русский рецепт — сажа (лучшую получали при сжигании виноградных косточек, бывших, к сожалению, в дефиците в Древней Руси) с вишневым клеем, разведенная в холодной воде. Позже чернила стали изготавливать с добавлением коры дуба, кусков железа, кипятить, настаивать, процеживать. Прообраз современных чернил получили тогда, когда в середине XIX века смогли синтезировать гематоксин, вещество, содержащееся в коре сандалового дерева.

...Почти тысячу лет, со времени раннего Средневековья и до конца XVIII века, главным пишущим инструментом были специально обрезанные и заточенные гусиные перья. Гусиные перья оказались удобнее в руке, чем тростниковые ручки, значительно дешевле, чем римские и древнеегипетские «вставочки», и дольше служили. Да и грызть гусиное перо было несравненно приятнее. Очевидным неудобством гусиных перьев было то, что подготовить его для удобного письма не так-то просто. Классический способ подразумевал, что обязательно весной у здорового, сильного молодого гуся вырывают одно из пяти внешних перьев. Непременно — из левого крыла, так как если правша, которых большинство, будет писать правокрыльным пером, то при письме написанное будет загоразиваться. Потом перо обжигали в горячем песке, потом острили кончик уже упомянутым перочинным ножом. Несмотря на отнюдь не поголовную грамотность, тем более — на то, что число тогдашних «творческих интеллигентов» и «работников интеллектуального труда» было относительно невелико, перьев требовалось очень и очень много. В некоторых источниках есть данные, будто в XVIII веке из России в Англию отправлялось по несколько миллионов перьев в год. Иными словами, без пера от русского гуся ни Лоренс Стерн, ни Джонатан Свифт, ни даже Генри Филдинг, не говоря уже про премьера Питта и лорда Веллингтона, шагу — пардон! — строки не могли вывести...

Гусиная часть истории письменных принадлежностей закончилась с возвращением «вставочек» и с изобретением стального сменного пера. Центром производства таких перь-

ев стал английский Бирмингем, причем первые перья продавались по цене в пять шиллингов, что в конце XVIII века было очень дорого. Но тем не менее пионеры промышленного производства стальных перьев Джон Митчелл и Джеймс Перри, придумавшие, как сделать за счет просечки отверстия в центре пера между кончиком и крыльями стальные перья более упругими, не жаловались на отсутствие заказов.

Простая, не менявшаяся на протяжении десятилетий конструкция перьев компенсировалась разнообразием непосредственно ручек, «вставочек». Деревянные, с кусочком жестяной трубочки, которыми писали школьники, элегантные из новых материалов, «вставочки» из каучука, из слоновой кости, золотые, серебряные, повторяющие форму гусиных перьев. Правда, были и попытки сделать так, чтобы перо не надо было часто окунавать в чернила. Для этого в перьях делали специальные ложбинки, углубления, перья двойные. Другие мастера направили свои усилия на создание письменных приборов, в которые, помимо непосредственно «вставочек», входили подставки для них, чернильницы, с крышками или без, обязательно — пресс-папье.

Изобретение в 1883 году Льюисом Уотерманом перьевой авторучки не положило конец эпохе «вставочек», но чувствовалось — это только начало, еще не одно изобретение потрясет пишущий мир. Перьевые авторучки не только изменили процесс письма. Они стали символом успеха, солидности, значимости. Любопытный эпизод приводит в своих воспоминаниях Николай Смирнов-Сокольский: «Зная неравнодушные Маяковского ко всякого рода автоматическим ручкам, я выдернул из кармана великолепное перо, подаренное мне ко дню рождения Демьяном Бедным, с выгравированной надписью: «Смирнову-Сокольскому — от Демьяна». Маяковский впился в ручку и, явно завидуя, стал внимательно изучать ее механизм. В то время перья эти были большой редкостью.

— Не завидуйте, Владимир Владимирович, со временем и вам такую же надпишут!

Последовали ядовитая пауза и ответ Маяковского.

— А мне кто ж надпишет-то? Шекспир умер!»

...Те, кого в первых классах школы мучили на уроках чистописания, кто обязательно носил в портфеле черниль-

ницу-«непроливайку», еще далеко не старые люди. Если они вспомнят свою молодость, если попытаются разложить все по полочкам и во всем разобраться, то вряд ли смогут найти ответ на вопрос: чем руководствовались учителя, методисты, работники Министерства образования СССР, когда заставляли ни в чем не виноватых детей так страдать? Кому были нужны потуги по превращению детей XX века в «крапивное семя», у которого четкость почерка и правильное использование нажима было непременным условием получения нового чина? Нет ответа, нет. Просто садизм? Желание приучить к дисциплине? А если вспомнить чудовишного качества бумагу из школьных тетрадей, жуткие промокашки, то станет понятнее стремление поскорее вырасти и начать писать авторучками или ручками шариковыми. Но нет — сначала только «вставочки». Авторучки только после четвертого класса, да и то — исключительно синие чернила под маркой «Радуга»...

И тут до нас наконец-то докатилось изобретение Джона Дауда, предложившего аж в 1888 году «авторучку с вращающимся наконечником». Изобретение было, конечно, революционным, но революции не произошло: дело было в чернилах, или оставлявших кляксы, или подтекавших, или застывавших. Дауд смог сделать ручку, которая хорошо писала лишь при 21 градусе по Цельсию.

Изобретение Дауда могло «лечь на полку», пока за его совершенствование не взялись выходцы из Австро-Венгрии братья Ладислав и Георг Биро, журналист и химик. В середине 30-х годов XX века братья отдыхали на одном из курортов Адриатического моря и познакомились с пожилым господином, которому показали свою шариковую ручку. Господин, оказавшийся президентом Аргентины, генералом Агустином Педро Хусто Ролоном, пришел в восторг, и братья оказались в Аргентине, где продолжили свои опыты. Первый промышленный образец появился в 1943 году. Несмотря на трудности — например, писать надо было, держа ручку строго вертикально, — братья не останавливались на достигнутом и добились исправления недостатков, а пилоты стратегической авиации США, обнаружившие, что аргентинскими ручками удобнее всего делать записи в бортовом журнале, обеспечили устойчивые заказы. После войны выяснилось, что то,

что хорошо для пилотов, не годится для простых смертных. Над шариковыми ручками вновь сгустились тучи: потребителей раздражало то, что после долгого неиспользования ручка отказывалась писать, то, что она могла вдруг исторгнуть из себя пасту и испортить как документы, так и одежду. Все продолжалось до тех пор, пока братья не продали право на изобретение Марселю Бишу, более известному как барон Бик. Барон посвятил шариковой ручке почти семь лет и в 1952 году выпустил на рынок то, без чего современный мир немислим: дешевую шестигранную одноразовую ручку с удобным колпачком.

...За шариковую ручку в начале 60-х годов прошлого века могли вызвать родителей, могли ее сломать перед классом, обвинив в измене Родине, если ручка была «биковская» или — чур меня, чур! — фирмы «Паркер». Но не только подрастающее поколение страдало. Заполнять документы, расписываться на них шариковой ручкой было запрещено. Подпись считалась недействительной.

Хотя в некоторой степени запрет можно было объяснить тем, что первоначально качество отечественных шариковых ручек было настолько низким, что практически сразу шарик начинал «болтаться» внутри металлической канюльки на кончике стержня и во все стороны лезла резко пахнущая, вязкая, плохо смываемая паста. Запасные стержни были дефицитом. Существовали специальные мастерские, где в опустевший стерженек мрачный человек в синем халате закачивал пасту. Одна из таких мастерских в Москве располагалась в непосредственной близости от Дома журналистов, на Суворовском бульваре, там, где сейчас антикварный магазин.

Запущенное производство отечественных шариковых ручек чуть было не свернули. Мастерские по заправке — остались: надо же было как-то заправлять привезенные западные ручки, в том числе — одноразовые. В той же мастерской у Домжура человек в синем халате мог за пятьдесят копеек разъять казавшееся неразъемным соединение, вынуть стержень, заправить его, вставить на место, заделать все так, что ручка была хоть куда.

...Когда осенью 1965 года завод «Союз» выпустил первую партию более-менее качественных советских шариковых ручек, многие наивные люди подумали: могут же, когда

хотят! Однако сами стержни делались на приобретенном за валюту швейцарском оборудовании. На нем сделать совсем уж плохо не получалось, зато быстро ломалась тонкая пластмасса корпусов, да и цена была крайне высокой — почти два рубля. Для сравнения — великолепного качества китайские чернильные авторучки с закрытым золотым пером стоили около семи рублей.

Распространение шариковых ручек привело к тому, что наконец-то исчезли «вставочки» да «непроливайки», что больше не стали учить «чистописанию». Но вот писать выпускные работы в советской школе, районные контрольные, сочинение на приемных экзаменах в институт можно было только ручкой перьевой, непременно — синими чернилами. Но что-то стронулось в королевстве датском. Кто-то, наверное, подумал, что важнее «как?», а не «чем?», дал соответствующую отмашку, и пошло-поехало.

После шариковой ручки в мире пишущих принадлежностей были лишь два заслуживающих внимания изобретения: фломастеры и роллеры. Они же — так называемые «гелевые» ручки, в принципе почти шариковые, только с использованием современных материалов и технологий.

Можно ли сказать, что шариковая ручка стала вершиной великого триединства? Ну, если человек не помнит или никогда не испытывал, как это — писать хорошим пером, хорошими чернилами по хорошей бумаге — особенно при условии, что есть *что* написать, — то можно...

Человек снимающий

Я фотографирую потому, что еще не умею этого делать. Если бы умел, то перестал бы.

Йозеф Судек

Человек снимающий стал верной приметой нынешней эпохи. Причем если раньше фотоувЛечение было достоянием избранных, то сегодняшнее фотоувЛечение стало массовым явлением.

На первый взгляд заниматься фотографией сегодня настолько просто, что у всякого человека, взявшего в руки камеру, возникает иллюзия: он способен сделать снимок не хуже, чем великий француз Анри Картье-Брессон. Более того, самонадеянность адептов цифрового мира позволяет им рассматривать работы Брессона — если они, конечно, вдруг узнают о его существовании — не просто как архаичные. Его профессионализм, его документальность, то, что, кроме минимальных ухищрений при печати и кадрировании, он больше ничего не использовал, сегодня, при всевластии фотошопа, видятся как «не прикольные». «Прикольность» цифровой фотографии, то есть развлекательность, информативность и занимательность, тесно связанная с распространенностью, стала одной из важнейших особенностей общества потребления.

С «Лейкой» без блокнота

К концу XVI столетия мастера Позднего Возрождения достигли в искусстве портрета высшего совершенства. Но заказчики-богачи и власть имущие требовали, чтобы их облик был благороден, изящен и горделив, и художникам приходилось удовлетворять тщеславие заказчиков. В результате большинство художников страдало от недостатка творческой свободы.

В XIX веке наступили перемены к лучшему, но к тому времени фотография уже начала вытеснять живописный портрет. Первыми серьезность конкуренции со стороны нового изобразительного средства ощутили художники-миниатюристы. Исполненное боли предсказание «С сего дня живопись погибла», произнесенное художником Ларошем в 1839 году на официальном представлении нового открытия, сбылось, конечно, не полностью. Но появление фотографически точных изображений очень скоро привело почти к полному исчезновению портретистов — творили лишь «лучшие из лучших».

Тем не менее долгое время за фотографией не признавалось право на эстетическое творчество. Художники и искус-

ствоведы принимали фотографию как некую механическую копию действительности, способную разве что имитировать живопись. Чтобы хоть как-то преодолеть «бездушие» фотоаппарата, фотографы прошлого тратили немало сил и фантазии. Они использовали монтаж, колдовали с кистью в руках над отделкой отпечатка, сочиняли и ставили, подобно театральным режиссерам, сцены на различные сюжеты. Известен случай, когда фотограф, снимавший Марлен Дитрих для журнала «Вог», совместил снимок актрисы с отдельным отпечатком, на котором был отображен замысловатый завиток табачного дыма, результатом чего и стал самый знаменитый портрет великой актрисы.

Но и после появления сравнительно легких съемочных камер и более простых способов печати, а затем и знаменитой «Лейки», вполне умещавшейся и в кармане пиджака, и в дамской сумочке, и в вещмешке солдата, фотограф всегда должен был обладать целым набором как технических знаний, так и практических умений. Да, фотография неким образом разделилась. С одной стороны — фиксация, документ, подлинность, относящиеся к репортерской деятельности. С другой — преображение природы, создание вымышленных абстрактных фоторабот, соперничающих с живописью. Две тенденции, которые условно можно обозначить как реалистическую и художественную, определились с максимальной полнотой и ясностью.

И несомненно, были мастера, способные соединить их вместе. Такие, как Анри Картье-Брессон, писавший, что *«фотографировать — это значит задержать дыхание, когда все наши способности объединяются в погоне за ускользающей реальностью, и добытое таким образом изображение доставляет огромную физическую и интеллектуальную радость»*.

Или, например, великий русский фотомастер Карл Булла — и репортер в петербургских ночлежках, и создатель новой реальности в своих великосветских сериях. Однако каковы бы ни были таланты фотографа, он был бы беспомощен, если не имел знаний по химии, физике, если не умел самостоятельно вставить отснятую пленку в проявочный бачок.

Принцип «Кодака»

Все это и позволило философу Ролану Барту сказать, что фотография «находится на пересечении двух качественно различных процессов: химического, связанного с воздействием света на некоторые вещества, и физического, дающего изображение с помощью оптического устройства». Вот только уже тогда, во времена «аналогового господства», фирма «Кодак» выдвинула свой принцип, крайне привлекательный для потребителя, не желающего вникать в многосложные тонкости: «Вы нажимаете на спуск, мы делаем все остальное!»

Цифровая эра довела принцип «Кодака» почти до абсурда. Сейчас уже не нужен фотоаппарат как таковой. Огромное число снимков делается с помощью мобильных телефонов, а установленная на них оптика и разрешающие способности матриц позволяют достичь такого (как минимум внешнего) качества, которое не снилось и самому Карлу Булле. В область преданий уходят не только проявочные бачки, не только фотолаборатории, но и такие вроде бы цифровые устройства, как сканеры, остающиеся в арсенале лишь профессионалов. Один фотограф цифровой эры делает «фотки», скачивает их в ноутбук, правит программой «Фотошоп». Другой обходится без компьютера и соединяет свою камеру напрямую с «продвинутым» принтером. Третий вообще пересылает отснятое им по MMS, одновременно просматривая «фотки» со вчерашней тусовки. И все они думают, что создали свою собственную реальность. Что, конечно, неправда.

Искусство снимать «пацанов»

Штука в том, что между человеческим восприятием объекта съемки и его восприятием фотообъективом (не важно, на что нацеплен объектив — на старый добрый «Хассельблад» за 10 000 евро или на мобильник за 50) имеется существенная разница. Все-таки как ни крути, но и фотографы, и нормальные люди видят мир не совсем таким, каков он на самом деле. А вот объектив способен только зафиксировать.

И лишь фотограф-художник (опять-таки не важно, чем он снимает) может выхватить суть снимаемого объекта, создать нечто среднее между кажущимся и будто существующим на самом деле, с постоянным перекосом то в одну, то в другую сторону.

Поэтому-то число настоящих фотографов отнюдь не увеличилось с наступлением эры цифры. Доступность и количество средств «доставки» не подразумевают точности попадания в цель. В обществе потребления, по замечанию американской писательницы Сьюзен Зонтаг, «фотография изменяет и расширяет наши представления о том, что достойно быть замеченным и за чем мы вправе наблюдать... Коллекционировать фотографии — значит коллекционировать мир». Однако нынешний коллекционер по большей части оставляет после себя лишь себя же любимого на фоне Тадж-Махала, причем сам храм смазан, нерезок и в общем-то для коллекционера не важен. Или же — свою дражайшую половину в холле отеля, снятую на контражуре и потому совершенно неузнаваемую. Или приятелей-«пацанов» за шикарно накрытым столом.

И лишь «некто», тот самый фотограф-художник, по случаю оказавшийся рядом, способен не только увидеть, но и снять, способен зафиксировать мир вместе с «коллекционером» и его супругой, Тадж-Махалом, роскошью холла гостиницы и приятелями-«пацанами», прибавив ко всему этому лишь то неповторимое личностное ощущение, что и делает фотографию подлинным искусством.

Всепоглощающая страсть

Снобизм и зависть — неоценимые союзники антиквара.

Эрих Мария Ремарк. Тени в раю

Не важно — кто эти люди. Члены клуба «Форбс», вкладывающие в свою страсть миллион за миллионом, или скромные бюджетники, отрывающие последние деньги от семьи. Не важно, что они собирают. Где живут. Какого они

пола и возраста. Цвета кожи. Главное, что ради предмета своего вожделения они способны на все.

Ведь подлинный коллекционер (их иногда называют собирателями, что сути не меняет) внутренне готов на подлог, обман, покупку заведомо краденного, готов совершить кражу сам. Готов даже на убийство. Вот только эта внутренняя готовность не означает, что он убьет, украдет, обманет, но, если зловещие поползновения в нем, при виде заветного объекта или его обладателя, не шевельнутся, перед вами коллекционер ненастоящий.

Стремление к обладанию для коллекционера сильнее, чем тяга к власти для политика. Причем тот, кто отдался собирательству лишь для поднятия или упрочения собственного статуса, тоже коллекционер мнимый. Для настоящего же самое главное остаться с желаемым один на один. Пусть это будет редчайшая крышка от пивной бутылки (их собирают бирофилы), шеврон второй роты третьего батальона Иностранного легиона (шевроны и нашивки собирают сигнуманисты), отпечаток губ оперной дивы начала XX века (их, как легко догадаться, губофилисты). Тайна обладания для подлинного коллекционера не менее важная составляющая страсти, чем сам предмет. Мечта каждого из подлинных — чтобы в коллекции было что-то, что показать можно только самым доверенным людям. Одному из самых доверенных. Самому себе. Хотя, если по большому счету, настоящий коллекционер не доверяет никому, себе — в том числе.

Следует отметить, что многие предметы, ныне считающиеся сокровищами, для их создателей и первых владельцев имели простую утилитарную ценность. Кроме того, многие из них ценны в первую очередь своей связью с теми или иными историческими персонажами или событиями. Так, предметом вожделения многих коллекционеров была кисточка для пудры, которой пользовалась приговоренная к смерти жена короля Генриха VIII Анна Болейн утром в день своей казни, или нитка жемчуга, снятая палачом перед казнью на гильотине с шеи королевы Марии Антуанетты. Цена этих и им подобных «артефактов» настолько высока, что обладать ими могут позволить себе только такие коллекционеры, как ныне здравствующая королева Великобритании Елизавета II.

И тут надо подчеркнуть, что обладание преобразует человека. Обладание предметом страсти, предметом коллекционирования — еще более. Представьте — вы идете по улице, собираетесь купить в аптеке средство от изжоги. Но помимо изжоги у вас имеется дома небольшая гравюра Дюрера. Авторский отпечаток. О том, что вы ее обладатель, не знает никто, гравюру вам продал давно покойный ветеран тыловых частей, привезший ее из поверженной Германии. Вопрос — как вы будете разговаривать с провизором? Ответ ясен — обладатель гравюры Дюрера разговаривает совершенно иначе, чем простой смертный, — такое обладание накладывает печать на все проявления характера, что подтвердит любой практический психолог.

...Но это в наши дни страсть к собирательству стала явлением распространенным, а коллекционеры Античности были наперечет. Собирал геммы Плиний Старший, свитки, книги тех времен, собирал Цицерон. Собрание Плиния погибло вместе с хозяином при извержении Везувия, книги Цицерона, после убийства владельца, присвоил заказчик, Цезарь Октавиан Август. Когда наступило Средневековье, от собрания Цицерона почти ничего не осталось. Не до собирательства! Ценилось в первую очередь то, что имело практическую ценность. В сокровищницах сеньоров и королей имелись фамильные украшения, золотые монеты, утварь из драгоценных металлов, богато украшенное оружие. Ценности собирались без какой-либо системы. Мемориальная составляющая была минимальной или исключительно индивидуальной. Собрание было призвано сохранить статус владельца, застраховать его от возможных возмущений.

В средневековой Европе нечто похожее на современные коллекции можно было встретить разве что в монастырях, где хранились ценные рукописи, мебель. И только с началом эпохи Возрождения происходит переход от сокровищниц к собранию. Наиболее значительные коллекции в XIV—XV веках имели герцог Бургундский, обладавший даже разветвленной сетью агентов для скупки произведений искусства, и вовсе не такой родовитый, но не менее удачливый собиратель, житель Базеля печатник Иоганнес Амербах, первый европейский нумизмат, собравший круп-

нейшую коллекцию монет, и первый графофилист, собиратель гравюр.

Однако все же первыми подлинными коллекционерами стали флорентийские Медичи. Именно Лоренцо Великолепный был, пожалуй, тем собирателем, кто заложил принципы европейской культуры музеев, хотя его собственная коллекция вовсе не была общедоступной. Медичи собрали коллекцию античных артефактов, монет, гемм, статуй и их фрагментов. Ценность коллекции уже определялась не суммой входящих в нее предметов, не их стоимостью. Не только красотой того или иного предмета. И даже не исторической ценностью. Это было нечто, что уже имело некую ценность абстрактную, неисчислимую в реальных деньгах, но в случае необходимости поддающуюся оценке. Весьма приблизительной. Подверженной конъюнктуре. В том числе политической и, если так можно выразиться, религиозной. Например, Савонарола вообще ни в грош не ценил ничего из собрания Медичи. Еще следует отметить, что во времена Великолепного ценились такие предметы, которые нынче имеют ценность условную. Например, рог единорога (на самом деле рог морского млекопитающего нарвала) был после смерти собирателя оценен в 6000 флоринов, а картины Ван Эйка и Утрилло по 30 флоринов каждая.

Но со времен флорентийских Медичи пошло по миру ходульное выражение о бесценности произведений искусства, чтобы в фильме «Семнадцать мгновений весны» оказаться доведенным до абсурда. Вспомним, как приехавший в Берн на сепаратные переговоры эсэсовский генерал Вольф, военный преступник и нацист, ставит на место «атлантического либерала» из окружения американского эmissара Даллеса. «Они бесценны!» — как заведенный повторяет «принципиальный» генерал Вольф устами Василия Ланового, в то время как «атлантист» все допытывается — ну сколько же стоят Рембрандт и Эль Греко, украденные вольфами и теперь предлагаемые в качестве разменной монеты за сепаратный мир? К слову, коллекционирование в России получило серьезное подспорье, когда многие из бесценных сокровищ с помощью уже упомянутого ветерана тыловых частей и иже с ним оказались на ее территории. Для антикваров настали хорошие времена...

Двадцатый век не только перемешал границы государств, не только поставил после Освенцима под сомнение принципы гуманизма, но и сдвинул какие-то, казавшиеся вроде бы сформированными прочно основы коллекционирования. Промышленная революция, возникновение постиндустриального общества сделали возможным собирательство таких вещей, о которых как о предметах коллекционирования прежде и помыслить не могли. Собиратели марок или почтовых открыток еще были возможны в обществе индустриальном, но только развитие общества потребления сделало возможным появление собирателей зажигалок (пирофилистов), наклеек на чемоданы (кофрочартистов), а также проездных билетов, талонов и карточек (перидромофилистов), собирателей брелков для ключей (коноклефилистов) и магнитиков на холодильник, дающих представление о географии путешествий их владельца (мемофилистов).

Забавная история, иллюстрирующая метаморфозы и специфические черты собирательства в XX веке, произошла с одним человеком, оказавшимся на середине своего жизненного пути в США, но не пожелавшим оставить прежнего увлечения, витрофилистики, то есть — коллекционирования изделий из стекла. Уже став полноправным жителем Брайтона, наш витрофилист в надежде хотя бы частично восстановить оставленную на родине коллекцию отправился в Европу, в Варшаву, где, как ему сообщили, должны были собраться витрофилы со всего света на свой очередной слет. И — опоздал! К его прибытию конкуренты успели скупить все мало-мальски интересное, обменяться друг с другом обменными фондами и уже сидели тесными рядами в зале большого ресторана, как сказал бы Рабле, «выпивая и закусывая, закусывая и выпивая». В расстроенных чувствах наш герой присоединился и в раблезианском порыве, на пари «кто выпьет стакан без рук», выиграл небольшой ящичек с аптекарскими бутылочками конца XIX — начала XX века. Возвращался он в Нью-Йорк с пересадкой в Амстердаме. Соседом оказался высокий, худой ювелир с нью-йоркской 47-й улицы, ездивший в Голландию по делам. Эта каста еще более особенная, чем каста коллекционеров. Ювелир не снимал шляпы с высокой тульей, неодобрительно покосил-

ся на витрофилиста, когда тот попросил вторую порцию виски и заказал отбивную, но, когда наш герой решил повнимательнее рассмотреть добытый с угрозой здоровью приз, дрожащими руками заложил за уши седые пейсы: бутылочки оказались с клеймом аптеки отца ювелира, погибшего в Варшавском гетто. Надо ли говорить, какого надежного и верного друга обрел наш витрофилист!

Исследуя феномен собирательства, многие психологи делали вывод, что собирательство подчинено механизму вытеснения страха смерти. Собиратель материальных, осязаемых объектов таким образом надеется продлить свое существование, противопоставляя хаосу и разрушению строгость и выверенность выстроенной по жестким принципам коллекции, в которой всегда находит отражение его глубинное «Я». Настоящий коллекционер собирает, по сути, то, чего ему недостает в повседневной жизни. Так формируются филателистические коллекции с географическими картами далеких океанических островов, до которых коллекционер никогда в реальности не доберется. Так собираются береты спецназа разных стран и времен человеком, который в силу своей профессии — врач-педиатр — никогда не станет спецназовцем. Вот только отмечавшееся некоторыми исследователями стремление к собиранию все более виртуальных объектов становится в известной мере знаменем времени. Ведь наряду с собиранием раритетных автомобилей растет число тех, кто пытается сохранить от разрушения и тлена то, что подвержено им в значительно большей степени, чем автомобили. Пример с губофилистами (см. выше) иллюстрирует эту тенденцию. Пока еще собирательство снов остается прерогативой психоаналитиков. Но тема их коллекционирования активно разрабатывалась Милорадом Павичем, а что написано на бумаге, рано или поздно находит воплощение в реальности.

Если что — имеется парочка дубликатных снов на обмен!

Маленькая справка

Наибольший отряд собирателей и коллекционеров составляют любители антиквариата (антикварами правильно называть тех, кто в той или иной степени сделал из своего увле-

чения бизнес). Эти коллекционеры охотятся за: 1) мебелью; 2) тканями и одеждой; 3) коврами; 4) часами; 5) предметами искусства; 6) музыкальными инструментами; 7) изделиями из серебра, золота и драгоценных камней; 8) контрольно-измерительными приборами; 9) керамикой и посудой (в том числе — из стекла); 10) монетами и медалями; 11) книгами и рукописями (в том числе — старинными географическими картами и глобусами); 12) оружием и доспехами; 13) предметами обихода; 14) игрушками. Филателисты (марки) и филуменисты (спичечные этикетки), филокартисты (почтовые открытки) и стилокартисты (собиратели карандашей) и прочие-прочие-прочие к любителям антиквариата не относятся.

Орденская планка

На Пасхе Модест Алексеич получил Анну второй степени. Когда он пришел благодарить, его сиятельство отложил в сторону газету и сел поглубже в кресло.

— Значит, у вас теперь три Анны, — сказал он, осматривая свои белые руки с розовыми ногтями, — одна в петлице, две на шее.

Модест Алексеич приложил два пальца к губам из осторожности, чтобы не рассмеяться громко, и сказал:

— Теперь остается ожидать появления на свет маленького Владимира. Осмелюсь просить ваше сиятельство в восприемники.

Он намекал на Владимира IV степени и уже воображал, как он будет всюду рассказывать об этом своем каламбуре, удачном по находчивости и смелости, и хотел сказать еще что-нибудь такое же удачное, но его сиятельство вновь углубился в газету и кивнул головой...

Антон Чехов. Анна на шее

Какие высоты нужно взять, чтобы получить награду? Ведь и одинокая медаль «За отвагу» на солдатской гимнастёрке, и целый «иконостас» на маршальской груди, и блистающие бриллиантами современные «цацки» — все это особые

знаки отличия, как считается, самых достойных. На каких весах взвешивают доблести и какие за них выдают награды?

Представим, что некто, достойный член общества, возможно имеющий в своей биографии военный опыт (бывший военнослужащий срочной службы, офицер, военные сборы в институте — нужное подчеркнуть, недостающее вписать), ныне человек сугубо гражданский, подошел к определенному возрастному рубежу, а вот на груди — ни ордена, ни медали, да и надежды на получение государственной награды никакой. Иначе говоря, у этого «некто» близится юбилей, а коллеги, подчиненные и начальники не знают, что ему подарить.

Как что?!

Правильно — нет ничего лучше, чем самим наградить юбиляра орденом и тем самым восполнить досадный пробел. Ведь, как пишут в рекламных буклетах производители «наградных сувениров», «награда останется с человеком на всю жизнь, и он будет испытывать гордость и моральное удовлетворение не только во время церемонии вручения, но и каждый раз, когда будет смотреть на нее». Вот только каким орденом? Что будущий орденосец станет рассматривать на покое, с внуками на коленях? Тут выбор огромен. Можно заказать собственный орден коммерческого банка (инвестиционной компании, птицеводческого хозяйства, мастерской по ремонту обуви — нужное подчеркнуть, недостающее вписать), а можно приобрести у производителя орден готовый.

Например, орден «Виртути милитари», самый почетный польский военный орден. Среди его кавалеров были маршалы Жуков, Рокоссовский и Тито, фельдмаршал Монтгомери, генерал Свобода, а также Леонид Брежнев и Иван Серов, долгие годы председательствовавший в КГБ, пересаженный в кресло начальника ГРУ, потом уволенный и разжалованный из-за прокола со шпионом Пеньковским. У Серова и Брежнева ордена «Виртути милитари» были, впрочем, отозваны, что вовсе не умаляет значимость награды.

Стоимость фальшивой награды — полторы тысячи долларов. Да, немало, да, перманентный финансовый кризис, но зато в комплекте и Звезда ордена, и Золотой крест, и Большой крест с короной учредителя ордена, короля Станислава-Августа Понятовского, и — шелковая лента. И что нема-

ловажно — наградная книжка с именем будущего юбиляра, соответствующими подписями и номерами. Одним словом, прошу любить и жаловать полного орденского кавалера! И далеко ходить не надо: к вашим услугам и Интернет, и специальные магазины с большим выбором сияющих наград.

Разбор полетов

Думается, что нынешние широкие возможности не вызвали бы одобрения у одного подполковника. Подполковник был высокий, жилистый, сильно пьющий. Часто бюллетеня по причине хронического бронхита, он, бывало, выплывал из своей комнаты в другую, где его младший сын играл в преферанс, точнее — шлепал картами в компании таких же охламонов. Подполковник с сумрачным видом наблюдал за игрой, изредка давая всегда дельные советы, по окончании сдачи устраивая «разбор полетов». На буфете стоял плексигласовый бомбардировщик В-17 на металлической подставке, «летающая крепость», с выдавленными на плексигласе опознавательными знаками ВВС США. Бомбардировщик был подарком ему, тогда майору, от товарищей по оружию, американских летчиков, которых до Германии сопровождали свои «мустанги», а потом принимали наши, вели до аэродрома, где «крепости» заправляли, укладывали в них бомбы, и «крепости» летели в обратный путь. Майор был командиром эскадрильи. Однажды, прикрывая союзников, майор сбил два самолета люфтваффе и был награжден Серебряной звездой Конгресса США, медалью, вручаемой «проявившему исключительную отвагу в бою, благодаря чему бой был выигран американцами». Когда за майором, уже ставшим подполковником, после войны пришли, бомбардировщик держал в ручках спящий в своей детской кроватке его старший сын, и руководивший арестом «американского шпиона» сотрудник МГБ проявил то ли халатность, то ли гуманность. Как бы то ни было, модель бомбардировщика сохранилась, а вот Серебряная звезда и все прочие ордена и медали подполковника были изъяты. И это понятно — зачем разжалованному и сосланному (за то, что не посадили, отдельное спасибо!) в отдаленный гарнизон ордена и медали?

Рискнем выдвинуть предположение, что уровень свободы в обществе обратно пропорционален числу высших знаков отличия, которыми могут быть награждены члены этого общества. Чем более деспотична и тоталитарна власть, тем больше у нее в загашнике орденов и медалей и тем больше наград она раздает. При высоком уровне свободы существует много других форм общественного признания.

Так, окружающие мудрого руководителя КНДР Ким Чен Ира генералы несут на своих мундирах бесчисленные тяжелые ордена. Мьянманские (бывшая Бирма) генералы навешивают друг на друга аляповатые побрякушки. Однако в несвободном обществе награды обесцениваются, и недаром знаменитый клоун Олег Попов, выполняя с виду довольно нехитрые манипуляции с тремя чайными ложками, которые должны были попасть соответственно в три стакана, сам себя награждал медалями. Вплоть до того, что последняя, огромная, медаль за неимением места на груди оказывалась у Попова на спине. В этой репризе был замечен намек на генерального секретаря тов. Брежнева, и Попову порекомендовали ее не исполнять.

Награды мешками

В СССР на конец 70-х было 22 ордена и более 60 медалей. В нынешней России 10 орденов и более 20 медалей, среди которых, как и во времена СССР, Звезда Героя. Да, в советское время было где развернуться, и, хотя среди награжденных было немало достойных и заслуженных людей, в какой-то момент советская наградная система начала давать сбои. Нарушения статута стали почти общим местом. Многие советские генералы имели по два-три ордена Суворова и Кутузова одной и той же I степени, что абсолютный нонсенс. Ведь статуты этих орденов подразумевали, что награждать ими следует в «годы Отечественной войны», а их вручили генералам после подавления мятежа в Венгрии 1956 года. Орден Суворова был (сейчас его заменила медаль) крайне престижен, и немудрено, что за боевые действия в Афганистане маршалы Соколов и Огарков «выбили» себе по ордену Суворова все той же I степени.

К обесцениванию боевых наград можно отнести и бытовавшее награждение за выслугу лет орденами Красной Звезды тех, кто вообще не нюхал пороха. Недаром Виктор Астафьев писал, что знал солдат, вынесших на своих плечах самую тяжелую пору войны и имевших только медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне в 1941—1945 гг.»: «Зато к концу, когда воевать стало легче, награды возили мешками. Особенно много получали их те, кто сам не сражался на передовой. Штабные работники. Солдат всегда в походе, всегда в пути. Бои, ранения, госпитали... А штабист — на месте. Вот и гребли ордена...»

«Орденская болезнь» тоже, скорее всего, есть следствие общественной несвободы. Все тот же Леонид Ильич вошел в историю как один из самых орден- и медаленосных исторических персонажей. Шутили, что единственным советским орденом, которого не было у Брежнева, был орден «Мать-героиня».

Шутки шутками, но по числу советских орденов больше, чем у Брежнева, было только у маршалов Рокоссовского и Конева (по семнадцать), а также у Чуйкова и Соколовского (по восемнадцать). Однако Брежнев обошел маршалов и всех прочих, во-первых, по числу Золотых Звезд Героя (Советского Союза — четыре, Социалистического Труда — одна), а во-вторых, по общему числу: 16 орденов, 22 медали и 71 награда зарубежных стран.

Иваново наследство

Вполне возможно, что страсть к знакам, которыми власть одаривает подданных, в России появилась при Иване Грозном. Царь любил раздавать так называемые «московки» — золотые, реже серебряные медали. На одной стороне «московки» был изображен двуглавый орел с единорогом на груди, на другой — герб Москвы, Георгий Победоносец. Быть награжденным вовсе не означало получить гарантию от проявлений буйного царя нрава, и медаленосец вполне мог на следующий день быть зашитым в медвежью шкуру и потравлен собаками.

В более поздние времена орденосцев если и наказывали, то уж не собаками. Орден давал видимость защиты от

произвола. Предоставлял возможность и с большим ускорением делать карьеру, и получить столь желанный почет и уважение. Вспомним хотя бы «Анну на шее». Учрежденный голштинским герцогом Карлом-Фридрихом в 1735 году, в день десятилетия своей свадьбы с дочерью Петра I Анной Петровной, орден Святой Анны вошел в число государственных наград России с апреля 1797 года, после коронации Павла I. Разделенный первоначально на три степени, орден Святой Анны давался как за военные, так и за гражданские заслуги, и если ордена I и II степеней могли получить высшие гражданские и военные чины, то III степень ордена была исключительно боевым знаком отличия младших офицеров. Позже была добавлена IV степень, самая «младшая».

Поручику — поручиково

Сложная система награждения орденами оказалась серьезным подспорьем в деле определения авторства известной песни «Поручик Голицын», особенно той ее редакции, в которой присутствуют знаменитые строки: «Поручик Голицын, раздайте патроны, корнет Оболенский — надеть ордена!» Возможно, что иная редакция песни была в самом деле привезена Жанной Бичевской из Парижа от некоего старого эмигранта. Однако следует признать, что претензии Михаила Звездинского на авторство варианта со строками «надеть ордена» справедливы: только рожденный в СССР человек мог так нелепо обойтись с очень важными деталями.

У корнета Оболенского не могло быть «орденов». Хотя бы потому, что при награждении орденом корнет автоматически получал повышение в звании. Нижние офицерские чины могли получить Георгия IV степени, Св. Анну IV степени, Св. Станислава III степени, Св. Анну III степени. При этом Анна III степени корнету не полагалась, а надеть Св. Анну IV степени было невозможно, так как знак ордена этой степени носили на эфесе холодного оружия. Св. Станиславом III степени отличали не только военных, среди награжденных им — Антон Чехов, получивший его в 1900 году за «отличное усердие и особые труды по должности попечителя Талезского сельского училища», а за боевые заслуги в ноябре 1915 года — Михаил Зошенко. Корнета из песни критики

текста предлагали поменять местами с поручиком, и тогда бы песня вполне соответствовала наградной системе: «Корнет Оболенский, раздайте патроны, поручик Голицын — надеть ордена!» Впрочем, излишние сложности были успешно преодолены, когда корнету упростили задачу и в самых поздних редакциях песни уже звучало: «...налейте вина!»

Последний счет

...Подполковнику звание вернули. Правда, только в 56-м. Постепенно вернули ордена и медали. Что в общем-то неплохо, если учесть тех, кто до этого не дожил. Подполковника даже наградили новыми орденами. За выслугу лет. Серебряную звезду не вернули. Он не роптал. И уж тем более не обращался в Конгресс США за дубликатом. Служил в управлении кадров ВВС, пил себе коньячок, потом перешел на более дешевые напитки, но божественно играл в карты. До тех пор, пока его награды не понесли на красных подушечках...

Модная штучка

Во дворе всегда была пристройка, кухня, и низкая кирпичная, обмазанная глиной печь — тандыр, в ней пекли лепешки, самсу... Дух горячей узбекской лепешки забыть невозможно, он снится мне здесь, в штате Юта, по ночам... Снится, как молодой узбек палкой поддевает ее, вынимает — круглую, в подпалинах на бугорках, с обожженными зернышками тмина, а посерединке у нее вдавленный такой жесткий, хрусткий пяточок, за который можно душу дьяволу продать! И от нее волна горячего запаха... как бы это объяснить... материнского запаха, знаете... вот, слов не хватает!.. Да мир на этом запахе стоит!

Дина Рубина. На солнечной стороне улицы

Тандыр — одна из последних модных тенденций летней загородной кухни. Мангалом на даче уже давно никого не удивишь — это как духовка в доме. Последняя «фишка»

загородной летней кухни — именно тандыр. Так за что в России полюбили азиатскую чудо-печь?

На летней кухне-веранде, где главными были очаг и два мангала, стояли длинный стол, огромный резной буфет и тумба с самоваром. Хозяин жарил шашлыки. Гости, не в силах ускорить процесс, слонялись вокруг, пытаясь чем-нибудь себя занять. «А это у тебя что?» В углу веранды стояло что-то большое, укрытое пленкой. «Тандыр, — сказал хозяин. — Завтра устанавливать придут. Показать?» — И, оставив шашлыки, стал разматывать оболочку. «Не надо, — закричали самые голодные, — потом!» — «Надо. — Хозяину явно нравилось то, что он собирался показать. — В следующий раз лепешками вас буду угощать». Открылась большая штука из светлой глины, похожая на половину огромного кувшина. «Первый раз ее надо будет очень долго топить, — сказал хозяин. — Глина прокалится, а потом от одной веточки мгновенно будет нагреваться. Все что хочешь можно приготовить. Хоть барашка зажарить...»

Летняя сказка

Восточная кухня сегодня наступает на столичный общепит, предлагая всевозможные экзотические блюда и способы их приготовления. И одна из приманок для посетителей — тандыр, ну и само собой — повар-тандырщик в придачу. Во многих московских ресторанах всю используют узбекскую чудо-печь. А особенно в заведениях с восточной экзотикой, разжившихся не только помещением, но и зеленым двориком.

В самом деле, у еды, приготовленной на открытом воздухе да на открытом огне, — особенный вкус и особенные ароматы. Может, потому, что смешиваются они с запахами лета, зноя, цветов. Какое блюдо ни возьми — все сказка! Пряный плов, прозрачная наваристая шурпа, лагман из нежнейшего теста. А румяная самса, испеченная в тандыре! Сочнейшие манты, в которых лука всегда больше, чем мяса. Ну а кто бывал в Узбекистане, знает, что за роскошь горячая, только что вынутая из тандыра лепешка, поданная со свежей зеленью и куском сыра!..

Заячье ухо

Тонкая хрустящая лепешка безусловно является королевой тандыра. Существует легенда, согласно которой бухарский эмир, отведав однажды удивительно вкусных самаркандских лепешек, приказал доставить в Бухару лучшего самаркандского хлебопека и велел ему испечь такие же. Хлебопек исполнил приказание, но вкус готовых лепешек получился другим, не похожим на самаркандский. Рассерженный эмир призвал хлебопека к ответу. «Прости, эмир, — сказал хлебопек. — В Бухаре есть все, но здесь нет самаркандского воздуха». На Востоке говорят, что испеченный в тандыре хлеб может быть сравним с нежным заячьим ухом, сквозь которое проходят солнечные лучи...

Второе место по популярности после лепешки занимает самса, треугольный пирожок с мясом, вкуснее всего — с молодой ягнятинкой. Он выпекается в тандыре по тому же принципу, что и лепешка. Как только печь как следует раскалится, побелеет и начнет остывать, повар смачивает самсу соленой водой, кладет ее на варежку-енгичу и ловким движением налепляет на внутреннюю стенку тандыра. Выждав некоторое время, открывает крышку и снова опускает руку в тандыр, но на этот раз уже с влажной салфеткой, с тем чтобы обдать самсу паром. Как только пирожок подрумянится, подцепляет его сеточкой-лопаткой и выкладывает на блюдо.

Огонь в кувшине

В тандыре можно приготовить до сорока наименований различных блюд. Можно запекать мясо, птицу, рыбу, овощи, фрукты. Эта печь может с легкостью справиться с гусем, а приготовить окорок или рульку и вовсе не составит никакого труда. В Индии готовят «чикен тандури»: курица по-особенному разделывается на части, посыпается обильно перцем чили и солью, несколько часов маринуется в соусе из йогурта и всевозможных специй, а потом готовится на большом огне в тандыре.

Узбеки же предпочитают запекать в тандыре барашка. Изрядно посоленную и слобренную специями тушку под-

вешивают в печи на специальных крючках, плотно закрывают крышку, замазывают глиной или тестом и коптят на еловых ветках часов пять. Подают этот деликатес холодным, без каких-либо соусов, но непременно с лепешкой, а едят его на завтрак.

Обычно же мясо готовится быстро и при высокой температуре, поэтому получается весьма и весьма сочным. Блюда, приготовленные в тандыре, аппетитны на вид, ароматны, а главное, в них отсутствует раскаленный жир, столь вредный для здоровья. Прелесть тандыра заключается и в том, что в нем можно готовить в любую погоду: никакое ненастье не станет помехой для пикника, так как огонь горит в самом кувшине.

Убежище пери

Каждый тандыр, если он правильно сложен, безусловно, будет напоминать о древней кулинарной культуре. Те, кто обладает с детства полученными навыками, могут буквально нырять с головой в огнедышащее отверстие, чтобы ловким движением припечатать к раскаленной стенке предварительно раскатанное и сбрызнутое водой тесто, а через пять-шесть минут вынуть готовую лепешку специальной лопаткой. И при этом — никакой гари и дыма! Лишь чудесный и аппетитный аромат.

Первыми до такого способа тепловой обработки додумались трудолюбивые сарты, некогда обитавшие на территории современного Узбекистана. Тандыр, правда, использовался не всегда по прямому назначению. Будучи огнепоклонниками, сарты были уверены, что в тандыре живут пери — что-то вроде эльфов, только восточных. Монголы, завоевавшие сартов, были покорены тандыром. От монголов тандыр начал свой славный путь по миру — от бабуридов, потомков Тимура, уже в XVI веке тандыр попал в Индию. Здесь, на берегах Ганга, печь нарекли тандуром, а блюда, приготовленные в нем, — тандури. Посетители современных индийских ресторанов могут претендовать на то, чтобы все блюда со словом «тандури» в названии были приготовлены в чудопечке.

Существует интересное предание уже совсем недавнего прошлого. Жители Средней Азии даже в советское время покупали лепешки у частников, пренебрегая хлебобулочными изделиями государственных пекарен. Это был непорядок. И вот в 70-е годы Министерство пищевой промышленности СССР поставило перед РосНИИ хлебопечения задачу механизировать производство лепешек. Захотелось им поставить производство лепешек на поток. Специалисты института долго работали над «лепешечной» машиной, которой предполагалось заменить патриархальный тандыр, но так и не добились успеха: формовку лепешек все равно можно было делать только вручную. Какое счастье, что борьба закончилась ничем! Круглая рукотворная узбекская лепешка защитила себя, и все встало на свои места...

Правильная печь

Сегодня рынок предлагает множество моделей тандыров. Иметь тандыр в загородной усадьбе, на даче стало «круто» и модно. Для поклонников восточного стиля и всяческой экзотики тандыр может стать прекрасным украшением, эффектной деталью сада. Тандыры нередко исполняют в стильном дизайне. Такая винтажная штучка придает открытой веранде особенный шарм.

Появились даже электрические тандыры. Их предлагают использовать в обычной городской квартире, в кафе и ресторанах. Это, конечно, удобно. Но как электрическая шашлычница не сравнится с простым мангалом, так никакой духовой шкаф и электрогриль не в состоянии конкурировать с традиционным тандыром, сделанным умелыми руками ремесленника. Поэтому «правильные» печки везут из Узбекистана. Или же везут мастеров.

В устройстве печки ничего сверхсложного нет. Но, как утверждают умельцы, все же имеется одна тонкость. Необходимо выбрать правильную глину (ганч — по-узбекски) и замесить ее вместе с соломой, но лучше всего — с овечьей шерстью. Когда вылепленную заготовку высушивают и протапливают в первый раз, шерсть выгорает, а внутри тандырных стенок образуются поры. При последующих нагревани-

ях в них создается воздушная прослойка, благодаря которой в печке устанавливается естественный процент влажности, а тепло равномерно распределяется по всему объему. Именно этим объясняются уникальные свойства печей-тандыров.

Узбеки выкладывают свои печи обычно где-нибудь в июле и сушат на улице. А дальше уже проще: установка конической трубы для лучшей тяги, дизайн. И наконец — первая топка. Это такой же ответственный момент, как выбор и замес глины. Внутренние стенки тандыра обмазывают хлопковым маслом, чтобы они стали гладкими и ровными — тогда к лепешкам не прилипают глиняные крошки. Ну а потом — топить, топить и топить...

Тандыр изготавливают обычно кустарным путем в виде цилиндра с суженной горловиной, со стенками толщиной в 2 сантиметра, из горного лёсса с добавлением верблюжьей или овечьей шерсти. Высушивают тандыр на солнце в течение недели. Иногда тандыром могут служить старые хумы — большие кувшины гончарного производства для вина, масла, зерна. Рабочая камера тандыра имеет цилиндрическую форму. Диаметр ее в средней части до 1 метра, высота до 1–1,5 метра, а диаметр горловины — 0,5 метра. Тандыр размещают под навесом вверх горловиной, с обкладкой с четырех сторон кирпичом в виде постамента, в донной части его сбоку оставляется отверстие в половину кирпича или ставится труба диаметром 10–12 сантиметров для поддува воздуха в рабочую камеру. Поддув закрывается после того, как прогорит топливо. Зажигательным отверстием и дымоходом служит горловина. Чтобы улучшить тягу, над горловиной ставят жестяную коническую трубу. Ее диаметр у основания равен диаметру горловины тандыра. В нижней части ее на 1 метр выше тандыра монтируют зонт — вытяжку из листовой жести. Такое вертикальное размещение тандыра характерно для Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской областей Узбекистана. В Ташкентской области и в Ферганской долине более распространено горизонтальное расположение тандыра. Его строят также во дворе под навесом у стены так, чтобы основание касалось стены. Сама печь лежит боком на фундаменте, сложенном из кирпича или другого несгораемого материала. Горловина при этом обращена наружу и находит-

ся на высоте 1,5 метра от пола, то есть на уровне груди пекаря. Наверху ближе к стене пробивают дымоход или ставят жестяную трубу диаметром 10–12 сантиметров. Фундамент тандыра строят с нишей для дров, с правой стороны от фундамента ставят стол или складывают из кирпича постамент для сырья и готовых изделий, с левой делают подставку для чашки с водой. Верхнюю и боковые части рабочей камеры обкладывают кирпичом и обмазывают глиной с добавлением пшеничной соломы и соли.

После того как построили тандыр, внутреннюю стенку его рабочей камеры обмазывают хлопковым маслом и начинают топить. Топку производят в течение суток. Это обеспечивает хорошую сушку глины и быстрое накаливание стенок камеры в дальнейшем даже при сжигании небольшого количества топлива.

Перед каждой выпечкой в камере тандыра сжигают сухой хворост, мелко наколотые дрова нехвойной породы или стебли хлопчатника. Сначала топится вся внутренняя часть стенки рабочей камеры, она покрывается темной сажей. Затем понемногу подкладывают топливо, чтобы непрерывно поддерживалось пламя до тех пор, пока не накалится докрасна внутренняя стенка камеры. После чего прекращают топку, угли вместе с золой собирают к середине горкой, сбрызгивают стенки соленой водой, чтобы сырье не пристало к тандыру, в противном случае трудно будет отделять готовое изделие от стенок.

При посадке лепешек или самсы на руку до локтя надевают большую варежку (енгичу), на которую кладут сырье, и осторожно, не нарушая формы сырья, прилепляют его рядами к стенке. При посадке лепешек пользуются рапидой — круглой, по размеру лепешек, подушкой, сшитой из сурового материала с подкладкой из ваты. После посадки изделия сбрызгивают водой до образования пара. Изделие выпекается за счет пара, жара, идущего от древесных углей, и за счет тепла, аккумулированного в накаливаемых стенках рабочей камеры. Готовность изделий определяют по образовавшейся румяной корочке. Снимают их при помощи специальной лопатки или варежки, надетой на руку, отлепляя шумовкой.

Чекич — инструмент для нанесения узоров на лепешки. Чекич делается из фруктовой древесины, вырезают его конусом или полушарообразно с ручкой. Основание чекича рядами оббивается бесшляпковыми гвоздями. Чекич можно сделать самим: выбрать 40—50 штук длинных куриных перьев, очистить их, промыть, высушить и связать толстой лентой так, чтобы оставался зазор между ними. Для этого первое, центральное перо обернуть в четыре слоя лентой, затем сложить по кругу ряд из 6—8 перьев, обернуть в четыре слоя лентой, второй ряд из 12—16 перьев и т. д., четыре или пять рядов. Связку обмазать жидким тестом и высушить. При использовании основания перьев смазывать растительным маслом.

Винил и невинил

Вы сами чувствуете, что винил лучше?

*Д. А. Медведев, третий президент
Российской Федерации*

Страшно сказать, но автор этих строк помнит еще те времена, когда упавшая на пол пластинка разбивалась на мелкие кусочки. Это потом, уже в конце 50-х, когда из всех окон неслась песня с проникновенным текстом: «Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня? Самая нелепая ошибка, Мишка, то, что ты уходишь от меня!» — появился тот самый «винил», ностальгией по коему ныне обуреваемы как меломаны, так и — в первую очередь — аудиофилы.

Впрочем, это далеко не всегда взаимно перекрываемые пространства. Среди меломанов, слушающих музыку на более чем скромной аппаратуре, много глубоко понимающих музыкальное искусство людей, а среди аудиофилов, вложивших в свою аппаратуру целые состояния (ламповый усилитель «Макинтош» — 30 000 евро, колонки той же фирмы — 10 000 евро, проигрыватель для «винила» хай-энд с лазерной головкой — 15 000 евро, остальное — по мелочи...), есть люди, музыку не чувствующие вовсе.

Но дело разве в стоимости аппаратуры? «Винил» — это стиль жизни, а стиль, как и «понты», — дороже денег.

Жертвы и короли толкучки

В фильме Карена Шахназарова «Исчезнувшая империя», пронизанного модной ностальгией по ушедшим советским временам, есть эпизод на Ленгорах, на знаменитой толкучке. По собственным воспоминаниям автора этих строк, ту толкучку прикрыли не позднее года 73-го, да и функционировала она, как помнится, только в темное время суток, хотя в фильме, в целом очень неплохом, на толкучку герой фильма отправляется днем. В конечном счете время суток не так уж и важно. Главное — там можно было купить очень многое, а если позволяли средства — практически любой «диск». Потом «дисковая» толкучка переместилась к магазину «Мелодия» на Новом Арбате, потом, уже к концу 70-х, на Самотеку, где народ покупал и менялся и днем, но по выходным.

Главными врагами посетителей толкучек были не милиционеры. Да, «менты» устраивали облавы, но особой ретивости они не проявляли. Главными борцами с чужеродным, враждебным влиянием выступали комсомольские оперотряды, ведомые не «ментами» даже, а сотрудниками «конторы», иногда, для пушей маскировки, облачавшимися и в милицескую форму.

Оперотрядовцы хватили и препровождали в отделение, но с ними можно было договориться, причем брали они натурой — все теми же дисками. Был один такой в оперотряде МАИ, который даже похвалялся своей коллекцией дисочков, конфискованных у обитателей толкучки. Позже «коллекционеру» хорошо набили морду, что может служить утешением, но сам автор этих строк был нещадно поколочен, когда, отказавшись делиться и, более того, идти в отделение, начал защищать свои диски. В потасовке оперотрядовцы сломали диск группы Geordie, солист которой Брайан Джонсон позже перешел в AC/DC, тот самый, в кепке, голосистый. За Geordie можно было получить рублей шестьдесят. Если поторговаться, то и восемьдесят. Или вылететь из

института. И даже — сесть на несколько лет. Когда же судьба повернулась так, что собственную коллекцию «винила» пришлось распродать, то средств от распродажи хватило надолго. Оставшиеся по сей день крохи («родные» диски Джоэлин, Electric Ladyland Хендрикса, Abbey Road «родной» и еще кое-какие раритеты), конечно, греют душу. Но все это лирика. Проигрыватель для виниловых дисков лежит на антресоли. Победивший лазерный диск удобнее, экономичнее, долговечнее. Но...

Старомодный «винил» — это страсть молодых

Какой будет наша следующая пластинка?
Черной, круглой, с наклейкой и дыркой посередине!

Джимми Пейдж, 1974 год

...Но нет ничего сравнимого с трепетом, которым сопровождалось вскрытие запечатанного конверта виниловой пластинки. Вот из конверта извлекается все то, что было в него вложено. Сам диск, вкладыш, плакатик, буклет с текстами песен. А на какие только ухищрения не шли звукозаписывающие компании для привлечения покупателей! Конверты, превращающиеся при раскладывании в некое подобие сказочного города. Вложенное в конверт пластиковое гибкое зеркало, позволяющее увидеть портрет исполнителя, клавишника из группы YES, занесшего руки над инструментом. И так далее и тому подобное. А запах? О, этот непередаваемый запах! А само священнодействие установки диска на проигрыватель? Вот медленно опускается тонарм, легкий шелчок и...

Теплота звука

Распространено мнение, что звук «винила» обладает теплотой и бархатностью, отсутствующими у современных звуковоспроизводящих цифровых устройств. Якобы только «винил» наиболее адекватно передает звучание, приближая его к звучанию живой музыки. Скорее всего, это не совсем так. Да, правильный «виниловый» звук (снятый хорошей

иглой с незапиленной пластинки, пропущенный через фонокорректор и усиленный ламповым (!) усилителем) по сравнению с цифрозвукотом отличается некоторой теплотой и естественностью. Специалисты-звуковики могут выстроить и графики с гармоническими искажениями, и тогда, вероятно, преимущества «винила» будут подтверждены и формально. Однако как ни крути, аппаратура для адекватного прослушивания «винила» неподъемно дорога (см. выше) для простого смертного, а удобство цифрового звука (формат mp3, миниатюрные проигрыватели и т. д.) дают ему массу преимуществ. К тому же восприятие звука — что-то очень субъективное. Значение имеют такие факторы, как личный опыт, установки, среда, вкусы. Вплоть до того, по распространенному мнению, что дорогое не может быть плохим. Конечно, стойка с аппаратурой за полтора миллиона способна поразить воображение, но автор этих строк никогда не забудет, какой звук через большие деревянные самостроевские колонки давал ламповый армейский усилитель, скоммутированный с польским дешевым проигрывателем «Вега».

Специалисты же по большей части убеждены, что пресловутая теплота «винилового» звучания достигается обогащением звука четными гармониками при воспроизведении с помощью все той же ламповой аппаратуры. Однако те же специалисты считают, что адекватное воспроизведение высоких частот страдает как раз на «виниле» из-за того, что возможности механического воспроизведения звука ограничены, в то время как цифровой звук эти ограничения преодолел.

И все же «винил» не сдает своих позиций. Совсем не потому, что его звучание нравится сильным мира сего. Занимая ныне не более одного-двух процентов рынка, «винил», скорее, усилит свое присутствие в первую очередь потому, что увеличивается число людей, для которых современное, сжатое, перецифрованное звучание, столь популярное у массового потребителя, уже приелось. Да и число исполнителей, по-настоящему относящихся к звуку, совсем не уменьшается в угоду прибыли, а, наоборот, увеличивается.

С другой стороны, виниловые пластинки являются мечтой любой звукозаписывающей компании. Ведь потребитель тогда лишен возможности какого-либо «скачивания»

и вынужден покупать альбом, который в отличие от лазерного CD-диска подвержен износу, а поэтому даже любитель Киркорова будет покупать один альбом несколько раз. Кстати, японские производители так называемого «мини-винила» попытались предложить потребителю некое половинчатое решение. «Мини-винил» на самом деле — все те же CD-диски, только запакованные в уменьшенные копии альбомов знаменитых исполнителей, вплоть до того, что для «мини-винила» используют ту же бумагу, что и тридцать лет назад, когда выпускали оригинальные диски на «большом виниле».

Но самое важное — в другом. Эра «цифры» внесла в жизнь слишком много простоты. Простота подразумевает уравнивание, выстраивание в колонны, уничтожение индивидуального, романтического. «Винил» же в сравнении с цифровыми носителями не только и не столько способ записи звука, а — процесс. Если так можно выразиться, число пластов культуры, стоящих за «винилом», значительно больше. Являясь вторым после живого звука шагом, «винил» дает большее ощущение сопричастности потребителя музыке. Красивая обложка, необходимость ответственного хранения — все это делает «винил» престижным. Эх, недаром Дмитрий Медведев как-то говорил, что ««винил» дает полный спектр звука, а «цифра» все же скрадывает нюансы». Спорить смысла нет, вот только на чем Медведев слушает свои виниловые диски? Впрочем, это тоже нюансы...

Искусство грусти

Они просто хотели жить в мире со всем миром.
И придумали блюз. Вот в чем суть блюза!

Элвис Костелло

Сегодня это коктейль из грусти и свободы. Без свободы нет блюза. Но и без грусти его нет тоже.

Корни блюза надежны, прочны, глубоки. Вспоминать об этом нынче неполиткорректно, но без двух с половиной веков рабства блюза, скорее всего, не было бы. Ведь

как ни крути, а традиционный блюз был и остается музыкой афроамериканцев, потомков рабов. Он как специфическая песенная форма появился в результате трансформации африканских традиций. Их сохранение рабами было нежелательным, но запретить петь не могли даже рабовладельцы, а когда в 1863 году рабство в Америке было отменено, когда миллионы бывших рабов оказались людьми свободными, но совершенно ненужными белому обществу, вековые отчаяние и боль нашли выражение в блюзе.

Это были песни довольно печальные. Ведь *I gonna blue* означало и означает испытывать тоску и грусть. Причем эти эмоции были понятны в первую очередь своим, таким же сельскохозяйственным рабочим, обреченным на все ту же работу на все тех же плантациях. Хороший парень пел о тяжелой доле, пел один, под свой собственный довольно-таки незамысловатый аккомпанемент на гитаре.

В этом была принципиальная, почти революционная особенность нового жанра. Предшествовавшие блюзу афроамериканские песнопения были всегда коллективными, по большей части песнями, помогавшими в работе. Или же песнями в стиле госпел, жанре духовной христианской музыки, зародившемся в методистских церквях американского Юга. Блюз превратился в музыку очень личную, почти интимную. Он стал неким выражением *privasy*, личного пространства исполнителя. Той его части, которую можно показать посторонним.

Постепенно, к началу XX века, сложилась классическая формула блюза: цепочка 12-тактных куплетов, гармонически основанных на чередовании тоники, субдоминанты и доминанты. Текст в традиционном варианте строится следующим образом: одна строчка повторяется с небольшими вариациями два раза, а затем подытоживается финальной строкой, часто содержащей комментарий к описанной в предыдущей строке истории. Комментарий иногда был ироничным. И — самоироничным. Например:

Кто-то украл мою жену,
Кто-то украл ее, наконец.
Скоро он взвоят, этот парень, это точно, о да!

Однако публике требовалось нечто содержащее в себе эмоциональный заряд традиционного блюза, но очищенное от излишней откровенности и, кроме того, приглаженное, приукрашенное. Подо что можно было и потанцевать. Так появился классический блюз 20-х годов XX века, когда традиционный блюз Юга США был переработан профессиональными музыкантами и попал в репертуар таких эстрадных звезд, как Уильям Хэнди и Бесси Смит. Блюз таким образом прорастал во все стороны, становясь одним из наиболее влиятельных явлений в музыкальной культуре: ведь чуть раньше на основе блюза зародился джаз.

Первой записью классического блюза стала песня «Сумасшедший блюз» в исполнении Мамми Смит в 1920 году. Традиционный блюз стали записывать значительно позже, и он сразу опередил классический по популярности. Главными фигурами были, разумеется, Роберт Джонсон, по легенде продавший душу дьяволу за умение играть на гитаре, а также Джон Слипс Эстес, Биг Билл Брунзи, Блайнд Лемон Джефферсон. Считалось правильным использовать выразительные прозвища Большой, Слепой, Соня, но музыкой заработать на жизнь могли лишь единицы.

Традиционная музыка «черных» долгое время оставалась для «белых» неизвестной, пока в конце 50-х — начале 60-х годов не начался блюзовый бум. Билл Брунзи приехал в Европу. Уже началась эра рока, очень многое позаимствовавшего у блюза, уже выпекались первые поп-группы, а немолодой, грузный человек сидел на сцене в каком-нибудь Копенгагене, играл на гитаре и пел. Один. Не очень громко. Потомков викингов пение потомка рабов брало за душу.

Главным блюзовым материком в те годы вдруг стала Великобритания. Там блюз развивался и рос, чтобы потом триумфально вернуться на родину, в США, оставив в Англии о себе добрую память. Так, в блюзовом ансамбле Алексиса Корнера играли тогда еще совсем юные Мик Джаггер, Эрик Клэптон, а в 1968 году девятнадцатилетний Роберт Плант, перед тем как уйти в будущую супергруппу «Лед Зеппелин», записал с Корнером блюз Operator.

Блюзовые исполнители тех лет Хаулин Вулф, Джон Ли Хукер, Вилли Диксон и, конечно, легендарный Би Би Кинг стали живыми идолами, а блюз — товаром.

«Блюз — это когда хорошему человеку плохо». Когда по свету пошла гулять эта расхожая фраза, не знает никто. Но правда жизни сейчас такова, что блюз уже скорее обломок чего-то уходящего навсегда. Господствуют другие жанры. В статьях о некоторых из них уместны многожды употребленные, но не потерявшие актуальности слова «рэп — это когда плохому человеку хорошо».

Музыка «плохих людей» почему-то продается лучше прочей. Если после продажи блюзового альбома уходят «в ноль», то уже хорошо. Вот только следует помнить, что и великий и ужасный рэп вырос из блюза. Так часто бывает — дети пожирают своих родителей, не все же древнегреческому богу Крону ими закусывать. Да и само слово «рэп» на старом «черном» английском — языке, на котором пели первые исполнители блюза, означает «быстрая лживая речь». Иначе, исполнять рэп — значит «трепаться, гнать, врать». Тут есть над чем задуматься.

Но слова словами, а любителей блюза все меньше. Правда, среди любителей и знатоков блюза все больше людей «продвинутых», самостоятельных, обеспеченных. Большие сцены, тем более стадионы — разве что если концерт организует Эрик Клэптон — блюзменам не грозят, а вот в клубах, где они выступают, собирается особая публика. Там пахнет хорошими сигарами. У подъездов любителей блюза ждут дорогие автомобили. Сами же блюзмены, отыграв свой номер, подхватывают футляр с инструментом и бредут к метро.

Впрочем, даже тогда, когда были еще живы многие из великих блюзменов, никто из них, за редким исключением, не мог похвалиться устойчивым финансовым успехом. С одной стороны, сказывались некоторые присущие блюзменам особенности, так сказать — органические. Например, Джон Слипи Эстес как-то приехал на сеансы звукозаписи со своим другом Хэмми Никсоном, губным гармонистом, и они заработали за несколько дней фантастическую по тем време-

нам — 30-е годы прошлого века! — сумму: триста долларов. Куда ушло заработанное потом и кровью? Правильно! Слипи и Хэмми прогуляли все за четыре дня и домой возвращались на товарняке.

Но как они выглядели до начала «банкета»? Это видно по старым фотографиям классиков блюза: удивительное достоинство, хорошие костюмы, начищенные ботинки. Эти люди, работники зарастающих бурьяном Великой депрессии плантаций, одевались под белых, старались выглядеть, как люди, которые хорошо зарабатывают. Но как поется в старом, многаяжды перепетом блюзе: один «скотч», одно виски (то есть бурбон, виски кукурузное), одно пиво, сигарета... Потом пошло-поехало...

Один ныне действующий отечественный блюзмен рассказывал, что в молодости, во времена глубоко советские, совершенно случайно попал в командировку в Чикаго. Принимающая сторона стремилась обеспечить советским товарищам и досуг, и блюзмен, тогда инженер-механик, был спрошен: куда бы он хотел пойти в свободное от напряженной работы время? «В клуб, где играют блюз, — набравшись смелости, ответил советский инженер. — Я знаю, что в Чикаго живет и работает блюзовый гитарист Мадди Уотерс. Вот хотелось бы послушать...»

Принимающая сторона не знала, кто такой Мадди Уотерс. Фрэнк Синатра, Перри Комо — понятно, но Уотерс? Однако навела справки и в один из вечеров повезла инженера-механика в клуб. Ехали долго, долго искали. В клубе, в дыму от дешевых сигарет, клевали носами полтора десятка пьяниц. На маленькой сцене сидел он, великий Мадди. После концерта принимающая сторона сделала так, что инженер-механик смог пообщаться со своим кумиром. «Из Советского Союза? Меня там знают? А сколько получают блюзмены в СССР? Я — тридцать долларов за вечер...» И это тогда, когда Мадди Уотерс был уже непререкаемым классиком!

Чикаго тут помянут не случайно. Когда окончательно разорившиеся сельскохозяйственные рабочие из южных штатов США стали переезжать в города Севера, очень многие осели именно в Чикаго: промышленный гигант — нуж-

ны рабочие руки... Старые песни Дельты, дельты реки Миссисипи, оказались перенесенными в новые условия. А ритм большого города ритмически отличается от ритма сельского.

К тому же вовремя подоспело одно изобретение, кардинально изменившее всю систему блюза. Электрогитара! Она, а также микрофон, который стали использовать для игры на губной гармошке, сделали из «дельтаблюза» блюз в его современном звучании. Правда, музыкантам, даже с электрогитарами и микрофонами, чтобы быть услышанными в барах южной окраины Чикаго, надо было перекричать полупьяную толпу проституток, сутенеров, бандитов и прочих темных личностей, а также негритянских рабочих со сталелитейных заводов.

Так и возник тот блюз, что лет через сорок навсегда очаровал нашего отечественного блюзмена, пока еще инженера-механика. Как считает другой отечественный блюзмен, Доктор Аграновский («по совместительству» — действительно доктор, доктор биологических наук и профессор), этот новый, городской блюз взял из старого, луизианского, по преимуществу традиционного блюза полиритмию, непередаваемое обаяние, обычно обозначаемое через особенный блюзовый термин «драйв», а также — исповедальную интонацию и ироничные стихи. Да, герою блюзовых песен практически всегда плохо, он всегда хороший парень, и поэтому все образуется. Даже если все и окончится смертью. И все это — на «небелом английском», на своем, особенном языке. Для непосвященных не очень понятном, наполненном массой сленговых словечек, иногда крайне двусмысленных. Но и тот традиционный блюз остался: постепенно на севере США появилась массовая ностальгирующая аудитория. Ностальгическая музыка *downhome*. То есть, как говорит Аграновский: «По карте вниз, домой, из Мичигана в Луизиану...»

Так блюз, штучная музыка, стал «модным брендом». Уже не было необходимости, как Роберт Джонсон, выходить в полночь на перекресток и просить дьявола настроить его гитару. Гитары настраивали специальные люди, напрочь лишённые инферральности, скорее — безликие. А блюзовые персоны-бренды, как ныне здравствующий Би Би Кинг, мог-

ли быть спокойны за свою гитару «Люсиль». Однако в массе своей блюзовые музыканты, как Мадди Уотерс, работали и работают в маленьких клубах.

Маленькие гонорары, выпивка за счет заведения. Потом и ностальгический пафос сошел на нет. Блюзовый жаргон уступил свое место жаргону другому. Вместо тщательно отутюженных брюк — мешковатые джинсы, вместо белой накрахмаленной рубашки — майка с низким воротом, вместо начищенных ботинок — кроссовки с распушенными шнурками. Что ж — кому что нравится...

Странно, но в литературе, за исключением биографической, блюзу как таковому уделено не много места. Термин «блюз» обычно используют в названиях, чтобы задать тексту некую «драйвовую» направленность. Например, «Майами блюз» — детективный роман Чарлза Уилфорда.

Другое дело — кинематограф. Тут и классический «Перекресток», и искрометные «Братья блюз». Хотелось упомянуть прекрасный фильм «Рэй» про Рэя Чарлза, да великий Чарлз, несмотря на блюзовые корни, совершил дрейф в сторону поп-блюза и эстрады. Впрочем, охранительная позиция — мол, блюз тогда блюз, когда он традиционный, — ущербна и непродуктивна. Нельзя же всегда и во всем держаться корней. Сильные корни тем и хороши, что дают обильную крону. Хотя блюзовые корни — почти гарантия успеха. Дело за малым: найти свою ветку и прочирывать на ней...

••• **Д**орогой читатель! Многие привержены привычке, взяв книгу в руки, заглядывать в конец. На последнюю страницу. Так многие читают увлекательные романы, так начинают знакомство с научными исследованиями: в конце книги обычно печатают некое *summary*, по которому проще настроиться на полный объем. И тем, кто сразу открыл эту страницу, авторы посоветуют все-таки начать с начала. Авторы очень хотели сделать свою книгу и увлекательной и глубокой, хотели — по мере скромных своих возможностей — сделать историю вещей, конечно же неполную, фрагментарную, — интересной, наполненной познавательными примерами.

Авторы честно пытались внести свою скромную лепту в историю вещей. В историю вещей простых. И тем, кто дошел до послесловия, так сказать, естественным путем, авторы выражают признательность. Особенно тем, кто читал книгу не выборочно, а подряд. В наши времена это становится почти что редкостью. Тем более что очень многие из простых вещей, о которых писалась эта книга, по сути своей, по своим смыслам, далеко не так просты...

Содержание

Предисловие	5
Из пункта «А» в пункт «Б»	8
Встретить по одежке	38
Дым Отечества.	90
Ближе к телу!	134
Память места.	185
Послесловие	226

О-74 Османова Ф., Стахов Д.

Истории простых вещей / Фаина Османова, Дмитрий Стахов. — М. : Ломоносовъ. — 2012. — 232 с. — (История. География. Этнография). ISBN 978-5-91678-138-0

Эта книга посвящена вещам, которые окружают каждого из нас: спичкам и авторучкам, одеколону и лифчикам, чулкам и шубам, чемоданам и велосипедам, автомобилям и заборам, баням и даже туалетам — словом, всему тому, без чего людям не обойтись. Не претендуя на высокие цели, авторы тем не менее рассказывают об истории человеческой цивилизации. Ведь что такое цивилизация? Это — в значительной степени — сочетание обыденных, привычных, самых простых вещей. Какие происходили открытия, кипели страсти, случались озарения и несчастья, прежде чем люди получили возможность легко и непринужденно носить джинсы или, скажем, обмахиваться веером, шелкнуть зажигалкой или поставить на проигрыватель виниловую пластинку! Журналист Фаина Османова и писатель Дмитрий Стахов пишут свои «Истории простых вещей» с любовью к самим вещам и с уважением к тем, кто этими вещами пользуется, пользовался и будет пользоваться.

УДК 903.2

ББК 71.04

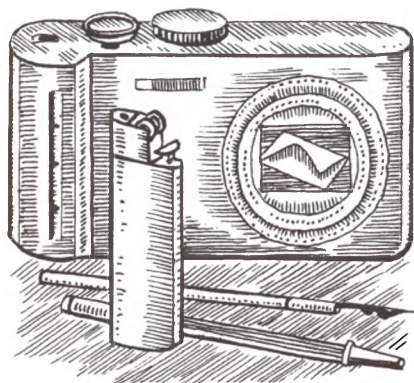

История. География. Этнография

Фаина Османова

Дмитрий Стахов

Истории простых вещей

Редактор М. Чепельман

Верстка А. Кашафутдиновой

Подписано в печать 09.07.2012.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 14,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 9144

ООО «Издательство «Ломоносовъ»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Фаина
Османо́ва
Дмитрий
Стахов
Истории
простых вещей

Эта книга посвящена вещам, которые окружают каждого из нас: спичкам и авторучкам, одеколону и лифчикам, чулкам и шубам, чемоданам и велосипедам, автомобилям и заборам, баням и даже туалетам — словом, всему тому, без чего людям не обойтись. Не претендуя на высокие цели, авторы тем не менее рассказывают об истории человеческой цивилизации. Ведь что такое цивилизация? Это — в значительной степени — сочетание обыденных, привычных, самых простых вещей. Какие происходили открытия, кипели страсти, случались озарения и несчастья, прежде чем люди получили возможность легко и непринужденно носить джинсы или, скажем, обмахиваться веером, щелкнуть зажигалку или поставить на проигрыватель виниловую пластинку! Журналист Фаина Османова и писатель Дмитрий Стахов пишут свои «Истории простых вещей» с любовью к самим вещам и с уважением к тем, кто этими вещами пользуется, пользовался и будет пользоваться.

ISBN 978-5-91678-138-0

9 785916 178138 0